

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Б.Х.Тодаева

Язык монголов Внутренней Монголии

Очерк диалектов

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Ответственный редактор

Г. Д. САНЖЕЕВ

В работе дано описание трех диалектов Внутренней Монголии. Описание базируется на материалах, собранных автором в полевых условиях. Используются также данные других экспедиционных групп, работавших в различных местах поселения монголов.

Исследование является продолжением книги того же автора «Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь» (М., 1981).

Т $\frac{4602010000-137}{013(02) - 85}$ 154-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ВВЕДЕНИЕ

Объектом нашего исследования являются говоры и диалекты Внутренней Монголии, носители которых, монголы Автономного района Внутренняя Монголия, уже несколько веков проживают в пределах Китая.

Изучение говоров восточной части Внутренней Монголии связано с именем известного русского монголоведа А. Д. Руднева, опубликовавшего в 1911 г. «Материалы по говорам Восточной Монголии». Летом 1903 г. А. Д. Руднев по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии ездил в Восточную Монголию. Он писал: «Посещены Харбин, Цицикар, Куан-Чэн-дзы, Мукден... и совершена экскурсия из Фулярди в ставку Дурбут-бэйсэ и его монастырь и обратно на ст. Сяо-Хэ-дза. На обратном пути заехал в Гусино-озерский, Джидивский дацаны и в Ургу. Эта экскурсия дала мне главный, основной материал для настоящей работы» /7, с. xxii/. А. Д. Руднев писал, что о восточных монголах знают чрезвычайно мало. Известно лишь, что в их языке аффрикаты *ч* и *ц* употребляются в тех случаях, где письменным монгольским *с* и *у* соответствуют халха-ургинские *ч* и *з*, и что имеются различия в лексике. И, наконец, что будто бы «восточные монголы все окитаены и забыли свой язык» /7, с. 229/. В связи с последним тезисом автор отмечает, что, несмотря на многовековую китайскую колонизацию, восточные монголы сохранили свой язык, поскольку лексический состав его остается монгольским, и что многие из них не понимают по-китайски.

А. Д. Руднев устанавливает две группы говоров: 1) дурбут-бэйсэ, северный горлос и джалайт, 2) все остальные восточные — джасту, уджумчин, ордос и др. По поводу последних А. Д. Руднев писал: «В языке остальных вост. монголов я не замечал различий, которые бы дали мне право выделять еще другие подговоры» /7, с. 230/. Отличительной чертой первой группы говоров он считал наличие в них согласного *ж*, соответствующего письменному монгольскому, халха-ургинскому, восточным и калмыцкому *с*, бурятскому *h*.

Труд А. Д. Руднева является первым опытом описания основных фонетических и морфологических особенностей речи дурбет, горлос и отчасти хорчин, проживающих на самой окраинной части северо-востока Внутренней Монголии. Следует заметить, что ученый изучал речь лишь отдельных монгольских племен — дурбут-бэйсэ, горлос, хорчин (джасту). Основная же масса монголов (в том числе и часть хорчин) Джоудаского (арухорчины, барины, хешиктены), Чахарского, Джостуского (харчины и туметы), Шидингольского, Уланцабского и Иехе-Чжоуского (Ордосского) аймаков Внутренней Монголии осталась вне поля наблюдений исследователя.

А.Д. Руднев отмечал, что по восточным говорам большой материал собрал П.Ж. Жамцарано. «Из его писем видно, что он обследовал ордос, урат, дурбет (дурбен хухет), сунит, абага, уджумчин и баргу» /7, с. vi, примеч. 3/. К сожалению, материалы, собранные П.Ж. Жамцарано, не были опубликованы, и судьба их неизвестна.

В дальнейшем изучение говоров Восточной Монголии приостановилось. После А.Д. Руднева никто из монголистов (ни до революции, ни после нее) ими не занимался. Таким образом, выходом в свет книги А.Д. Руднева, собственно, и ограничивается изучение в России говоров Внутренней Монголии.

Между тем южная часть Восточной Монголии привлекла внимание иностранных специалистов. В 1906 г. А. Мостарт, бельгийский миссионер, ставший затем известным ученым, начал изучение ордосского диалекта. Его пребывание в Китае с 1906 по 1925 г. было весьма плодотворным. Он опубликовал несколько капитальных трудов, посвященных исследованию ордосского диалекта: «Диалект монголов ордос», «Тексты ордос», «Словарь ордос» /12; 13; 14/.

Изучение отдельных говоров не давало целостного представления о языке монголов Внутренней Монголии и близлежащих провинций Китая, о современном состоянии говоров и месте, занимаемом ими как в группе диалектных подразделений языка самих восточных монголов, так и среди других монгольских языков. При рассмотрении говоров Внутренней Монголии обычно ссылаются на ордосский как на самый известный в литературе и сохраняющийся в «чистом» виде некоторые черты старописьменного монгольского языка (СПМЯ). Однако во всех остальных говорах заметны отличия, характерные для речи монголов разных племен. Следует принять во внимание и то, что частичное переселение монголов, занятие животноводством и, следовательно, перекочевки с места на место в поисках лучших пастбищ, социальные перемены в их жизни (особенно в начале 50-х годов XX в.) — все это положило начало известному смещению отдельных черт внутри групп говоров (главным образом тех, которые распространены в Чахарском, Шилингольском, Иехе-Чжоуском (Ордос) и Уланцабском аймаках).

ЭКСПЕДИЦИОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОВОРОВ И ДИАЛЕКТОВ

В 1954–1957 гг. в КНР была развернута большая работа по широкому полевому обследованию и изучению языков многочисленных национальных меньшинств. Эти исследования должны были предшествовать созданию для многих из них новой письменности или реформе старой письменности и разработке литературных языков.

1954 год стал примечательным в истории всех монгольскоязычных народностей Китая — монголов Внутренней Монголии, дагуров, монгоров, дунсян, бааней, ойратов, живущих в провинциях Ганьсу, Шинхай и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Языки этих народностей стали предметом специального исследования. До этого они в КНР не изучались.

Первым шагом к подготовке и проведению экспедиции было накопление предварительных данных о границах распространения, общем положении (ис-

торические, этнографические и другие сведения) монголов, выяснение основных контуров отдельных говоров и диалектов¹. Общая задача экспедиций была ясна — установить реальную языковую ситуацию на территории Внутренней Монголии и наметить границы между диалектами и говорами. Но сначала необходимо было тщательно продумать и решить наиболее существенные вопросы практического и методического характера, например: а) выяснить, какие говоры обследовать, где они распространены и как их именовать; б) выработать транскрипцию; в) составить единую программу для сбора материалов по говорам; г) определить маршруты и сроки обследования того или иного говора.

Ответственным и трудным мероприятием была выработка транскрипции и составление единой программы с единой методикой записи и сбора материала. Было признано целесообразным принять за основу практический алфавит языка монголов МНР с добавлением некоторых диакритических знаков. Очень важно было также определить объект сравнения изучаемого говора. Многомесячная подготовительная работа завершилась к маю 1955 г., и настало время самой экспедиции.

Экспедиция 1955 г. была организована Центральной академией национальных меньшинств в Пекине, Институтом языкознания АН Китая и Обществом по изучению монгольского языка и письменности во Внутренней Монголии² под общим руководством Академии наук Китая и Комитета по делам национальностей.

Группы по обследованию монгольских языков и диалектов входили в состав V-го отряда лингвистической экспедиции 1955 г. В ней принимали участие 60 человек — представители различных монгольских народностей. Членами экспедиционных групп были сотрудники, преподаватели, аспиранты кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств, сотрудники Института языкознания АН Китая, преподаватели восточного факультета Пекинского университета. Были приглашены и 40 человек из Автономного района Внутренняя Монголия — преподаватели и учащиеся старших курсов техникума монгольского языка, работники издательств, переводчики, прошедшие специальные краткосрочные курсы.

Было создано 13 групп: 1) баргу-бурятская, 2) дагурская, 3) хинганская, 4) джеримская, 5) жоудаская, 6) харчинская, 7) чахарская, 8) шилингольская, 9) уланцабская, 10) ордосская, 11) ганьсуская, 12) цинхайская, 13) синьцзянская.

¹ Мы не останавливаемся на экспедиционном изучении остальных монгольских языков — дагурского, дунсянского, монгорского и баоаньского, а также речи ойратов в провинциях Ганьсу, Цинхай и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

² Общество, созданное в 1953 г., состояло из 160 членов. Задачи Общества: 1) унификация монгольской терминологии, 2) изучение языка (составление учебно-методических пособий) и переводы на монгольский и с монгольского на китайский, 3) изучение нового монгольского письма (на кириллице), 4) собрание памятников старой письменности и устного народного творчества), 5) издание журнала «Монгол хэл бичиг».

Существовала и специальная группа, куда входил и советский специалист со своим маршрутом и планом обследования. Ее члены изучали язык дагуров в провинции Хэйлунцзян (цицикарский говор) и дагуров в Хулунбуирском аймаке Внутренней Монголии (бутхаский говор), а также язык монгольского населения Хулунбуирского, Джеримского, Джоудаского, Шилингольского и Чахарского аймаков Автономного района Внутренняя Монголия.

Экспедиционные группы работали на местах поселения монголов от трех до шести месяцев. В итоге широких полевых обследований в распоряжении специалистов оказалось большое количество материалов (правда, неодинаковых по своей значимости), которые давали возможность представить целостную картину общего состояния изучаемых говоров и диалектов, распространенных на весьма обширной территории, начиная с Маньчжурии на севере и кончая Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе.

Подведение итогов работы, даже предварительных, было делом нелегким. Задача состояла не только в том, чтобы дать подробное описание фонетических, морфологических и лексических особенностей диалектов и говоров для определения путей дальнейшего развития языка монголов Китая, но и в том, чтобы на основе собранных материалов помочь правильно решить вопрос о возможности перевода письменности прежде всего монголов Автономного района Внутренняя Монголия со старомонгольской графики на новую (кириллицу).

Следует отметить, что до экспедиционного обследования языка монголов Внутренней Монголии не раз ставился вопрос на местах о реформе старомонгольской письменности и замене ее письменностью на основе русской графики, применяемой в соседней братской стране — МНР. Выбор китайскими монголами этой графики объяснялся историческими связями, единой основой их языка, наглядными примерами успешного развития культуры и просвещения монголов МНР.

Подготовительные работы по языковому строительству, в частности мероприятия по дальнейшему развитию языка монголов Китая, и осуществлению реформы старомонгольской письменности были неразрывно связаны между собой и в целях подведения итогов нуждались в обобщении.

В этой связи возникло много практических и теоретических вопросов, например: классификация монгольских диалектов и говоров, выбор опорного диалекта и установление норм литературного произношения, степень понятности нового литературного языка для всего населения и т. д.

Особенно сложным и дискуссионным оказался вопрос о членении монгольского языка, к которому китайские ученые сочли возможным отнести язык баргутов и бурят Хулунбуирского аймака Внутренней Монголии, а также ойратов провинций Ганьсу, Цинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Эта проблема требовала самого серьезного внимания — учета не только лингвистических данных, но и общественно-политических факторов.

Результатом деятельности экспедиции явился доклад кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств в Пекине, который был прочитан на Общереспубликанской научной конференции по языкам народов КНР в декабре 1955 г. /9/.

Основной доклад на этой конференции был посвящен общему обзору состояния работы по обследованию языков и тому, что делается в области со-

здания и реформирования письменностей. На конференции развернулся широкий обмен опытом работы по изучению различных групп языков национальных меньшинств, а также были намечены конкретные планы осуществления их на ближайшие годы.

Решение конференции о необходимости завершить основную работу по обследованию языков национальных меньшинств Китая и оказанию содействия им в разработке и усовершенствовании письменностей в ближайшие три года (1956—1958) касалось и монгольских народностей. Подготовка к осуществлению плана экспедиции 1956 г. началась сразу же после завершения этой конференции.

В промежутке между созывом научной конференции по языкам народов КНР и проведением экспедиции 1956 г. произошло еще одно важное событие в истории изучения монгольских языков Китая — это созыв первой научной конференции по актуальным проблемам монгольских языков и письменностей. Она состоялась в Автономном районе Внутренняя Монголия, в г. Хухэ-Хото (в мае 1956 г.), в ее работе принимали участие представители всех монгольских народностей: дагуры, монгоры, дунсяне, баоане, монголы, ойраты, баргуты и буряты.

В докладе кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств в Пекине «Об итогах работы монгольской экспедиции 1955 г.» освещались современное состояние изученности говоров и диалектов, их классификация, взаимоотношение не только между диалектами монголов Китая, но и между диалектами последних и халхаским, легшим в основу литературного языка монголов МНР, и как итог высказывалось предварительное мнение по вопросу о перспективах дальнейшего развития монгольского языка в Китае, о возможном переходе на новый алфавит.

Конференции предшествовали большая подготовительная работа, множество обсуждений и споров, поиски лучших вариантов решения проблемы. Мнения сторон резко расходились, и намечались два возможных пути решения главного вопроса:

1) в качестве основы литературного монгольского языка целиком принять халхаский диалект, признав тем самым исконное единство языка монголов МНР и монголов Внутренней Монголии;

2) в основу литературного языка положить один из диалектов Внутренней Монголии и, следовательно, дать возможность самостоятельному существованию и развитию литературного языка на территории Внутренней Монголии в пределах КНР.

Те, кто настаивал на сохранении самобытности языка монголов Внутренней Монголии, считали целесообразным за основу их литературного языка взять восточный диалект (хорчинский говор). Мотивировалось это тем, что на нем говорит 80% (свыше миллиона) населения Внутренней Монголии, культура их более развита, они живут компактно, ведя полуседлый или оседлый образ жизни.

Мнение, высказанное кафедрой монгольского языка, заключалось в следующем: учитывая то, что после освобождения Китая связи с монголами МНР стали более тесными и литературный монгольский язык МНР оказывает известное влияние на интеллигенцию и население Внутренней Монголии, жела-

тельно для дальнейшего подъема культуры широких народных масс в соответствии с планами социалистического строительства в стране объединить усилия монголов в развитии общего национального языка. Кафедра считала возможным рекомендовать в качестве опорного — центральный диалект (с его шилгюльским произношением), занимающий промежуточное положение между восточным и западным диалектами, общепонятный для монголов, живущих в Китае и наиболее близкий к языку монголов МНР. После обмена мнениями и долгих споров участники конференции пришли к решению: на территории Автономного района Внутренняя Монголия культивировать единый с монголами МНР общелитературный монгольский язык и расширять его базу за счет центрального диалекта языка монголов КНР как наиболее близкого к халхаскому диалекту.

Широко обсуждался вопрос и о переходе монголов на новый алфавит, применяемый ныне у монголов МНР³. Это касалось не только основной массы монгольского населения Внутренней Монголии, но и прилегающих к ней китайских провинций северо-востока — Хэйлунцзян, Гирич, Ляонин, где живет часть монголов. На конференции ойраты Синьцзян-Уйгурского автономного района высказались за возможность использования и распространения новой монгольской письменности и среди ойратов. Конференция рекомендовала распространить новую монгольскую письменность не только в пределах Внутренней Монголии, но и среди ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района и провинций Ганьсу и Цинхай.

В 1956 г. в Урумчи на научной конференции по языкам и письменностям народностей Синьцзян-Уйгурского автономного района был рассмотрен вопрос об использовании новой монгольской письменности ойратами, живущими в регионе.

Ойраты высказались за переход на новую монгольскую письменность. В тот период подобное мероприятие должно было объединять монголов и ойратов КНР, содействовать росту их культуры, сдочению всего монголыязычного населения.

Экспедиция 1956 г. отличалась от экспедиции 1955 г. более широким охватом объектов изучения, маршрутом, сроками и составом участников и т.д. Несмотря на определенные успехи в работе, в экспедиции 1955 г. имелись недостатки, упущения, которые выявились как в процессе работы, так и при подведении предварительных итогов. В экспедиции 1955 г. не изучались языки баоаней и шира югуров, оказались необследованными и некоторые группы монголов. При этом записанные материалы требовали дополнительного изучения, повторной проверки на местах у носителей того или другого говора.

В этот раз самостоятельно функционировали группы по изучению монгорского, дунсянского и баоаньского языков. Специальная группа, в которую

³ Следует отметить, что решение о переходе на новую монгольскую письменность было опубликовано Народным комитетом Автономного района Внутренняя Монголия еще в июле 1955 г. Этим решением предусматривалось с июля 1955 до половины 1958 г. проведение должной подготовки и частичного перехода, а с мая 1962 г. — полный переход на новую графику. Следовательно, параллельно с обсуждением этой проблемы на научной конференции уже шло и ознакомление населения с новой письменностью.

входила и пишущая эти строки, обследовала языки монголов в провинции Внхай, дунсян, баоаней и омонголившейся группы шира югуров в провинции Ганьсу, а также язык цинхайских или куку-норских монголов (в частности, монголов-мусульман уезда Хайянь) и ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района (торгутов, элютов и хошутов).

По возвращении всех экспедиционных отрядов в конце 1956 г. началась кропотливая работа по подведению итогов экспедиции и составлению отчетов каждым отрядом по заранее разработанным и обсужденным проспектам. Особых усилий требовала обработка материалов по лексике, которые должны были стать основой для предполагаемого словаря диалектов.

В целом работа была результативной, она дала ценные сведения и материалы по всем монгольским языкам, что позволило представить языковую ситуацию, создать базу для расширения дальнейших обследований, приступить к составлению грамматических очерков, словарей и т.д.

Однако деятельность полевых лингвистических экспедиций по исследованию монгольского языка, выбор основы литературного языка монголов Внутренней Монголии и начавшееся распространение новой монгольской письменности рассматривались лишь как первые шаги в решении проблем национально-языкового строительства, непосредственно связанного с подъемом и развитием национальной культуры монголов Автономного района Внутренняя Монголия. Этим мероприятиям не суждено было осуществиться в силу определенных обстоятельств, сложившихся в последующие годы. В частности, этому способствовали и меры правительства Автономного района Внутренняя Монголия, отменившего принятое в 1958 г. решение о реформе монгольской письменности.

Языковая ситуация и языковая политика в Автономном районе Внутренняя Монголия в связи с проблемами развития монгольского языка и реформы письменности подробно рассматриваются в книге А.А. Москалева, посвященной характеристике национально-языковой политики КНР /5/.

В 1957—1965 гг. позиция китайского руководства в вопросе о реформе графики национальных письменностей существенно изменилась. Национальные меньшинства были лишены свободы выбора формы графики своей письменности, им предлагали брать за основу латинский алфавит, тем самым добиваясь унификации с китайской латинизированной слоговой орфографией. Курс на пересмотр основных принципов реформы иди разработку национальных письменностей начал сразу же осуществляться во многих местах.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ЯЗЫКА МОНГОЛОВ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

А.Д. Руднев в своем схематическом обзоре монголов делил их по наречиям на три группы: восточные (монголы), северные (буряты) и западные (ойраты) /7, с. IV/. К восточным монголам он относил: 1) южных — ордос, чахары, тумуты, суниты и др. и 2) северо-восточных, куда входит: а) юго-восточ-

ные (хорчин, харачин, оннют, барин, хешиктен, уджумчин и др.); б) северо-восточные (горлос, дурбут); в) халха — восточные и западные.

Г.И. Рамстедт к восточным монголам также относил всех собственно монголов (внешних и внутренних) и делил восточномонгольские наречия на три группы: 1) южномонгольскую группу (чахар, ордос, тумут и т.п.), 2) северо-восточную группу, которая охватывает многие мелкие племена у границ Маньчжурии (хорчин, оннют, уджумчин и т.п., а также горлос и дурбут-бэйсэ, имеющие особый говор) и 3) халхаское наречие /6, с. 5/.

Г.И. Рамстедт считал, что язык современных восточных монголов состоит из многих наречий, но различия между ними невелики и они без особого труда понимают друг друга. В отличие от А.Д. Руднева он не выделяет в особую подгруппу горлос и дурбут.

Большого внимания заслуживает классификация монгольских наречий и говоров, предложенная Б.Я. Владимирцовым. Б.Я. Владимирцов исходил из того положения, что общего монгольского языка не существует вовсе, а имеется несколько наречий и множество говоров, на которых изъясняются их носители в различных местах поселения монгольских племен. Эти наречия и говоры он условно делил на две ветви — западную и восточную. Западную ветвь составляют: а) ойратское наречие, б) наречие афганских моголов. К восточной ветви он относил наречия: а) бурятское, б) баргу-бурятское, в) дагурское, г) южномонгольское, д) халхаское.

По Б.Я. Владимирцову, в состав южномонгольского наречия входит несколько групп говоров: восточная, харачинская, чахарская и ордосская. К восточной группе он относил говоры населения северо-восточной части Внутренней Монголии (монголы Джиримского и Джоудаского сеймов), и, так же как и А.Д. Руднев, различал в ней две подгруппы: а) северо-восточную (говоры населения Дурбут-Бэйсэ, Сев. Горлос и Джалайт) и б) юго-восточную (все остальные говоры).

К харачинской группе он относил говоры монголов Джостуского аймака (племена харачины и тумуты). В чахарскую он включал говоры монголов Чахарского и Шилингольского аймаков. Такой же обобщенно расширительной оказалась и ордосская группа, включавшая говоры, на которых изъяснялись монголы Ихе-Чжоуского (Ордос) и Уланцабского аймаков. Говор уджумчин квалифицировался Б.Я. Владимирцовым как переходный к восточной группе /2, с. 8-9/.

При этом Б.Я. Владимирцов предупреждал, что «нельзя забывать того, что каждое наречие является в действительности в виде нескольких близких между собой, но все-таки отдельных говоров, а также того, что говоры чаще всего как бы волной переливаются друг в друга; в пределах же одного говора тоже можно наблюдать разные отличия» /2, с. 5/. Важно то, что распределение по говорам им намечалось в условиях, когда был исследован лишь ордосский и часть говоров восточной группы, да и то недостаточно полно. Он считал, что как следствие всего этого «классификация говоров южномонгольского наречия, возможно, подвергнется дальнейшим изменениям и дополнениям» /2, с. 9/.

Г.Д. Санжеев не дает частной классификации говоров Внутренней Монголии, он рассматривает носителей этих говоров как собственно монголов и считает, что «как внешние, так и внутренние монголы говорят на разных диалектах одного и того же монгольского языка: халхаском, чахарском, ордосском и др. Основное отличие между диалектами этого единого монгольского языка состоит преимущественно в фонетических особенностях и заключается в том, что если халхаский диалект, на котором говорит основное население Монгольской Народной Республики, является свистящим (*цаг* 'время', *олам* 'дорога'), то диалекты внутренних монголов — шипящими (*цаг* 'время', *олам* 'дорога'). Конечно, имеются отличия и в области грамматического строя и словарного состава, но они весьма незначительны по своему характеру» /8, с. 10/.

Известна классификация монгольских языков, предложенная Н.Н. Поппе, который делит монгольские языки на две основные ветви: восточномонгольскую, куда включаются: 1) дагурский язык, 2) монгорский язык, 3) восточномонгольский язык (иначе — халха и диалекты Внутренней Монголии), 4) бурятский язык, и западномонгольскую, включающую: 1) могольский язык, 2) ойратский язык (иначе — речь всего ойратского населения МНР и КНР), 3) калмыцкий язык.

Н.Н. Поппе диалекты Внешней и Внутренней Монголии считает диалектами одного языка, называемого им восточномонгольским языком. Важным он полагает то, что племена, которые общаются на этих диалектах, называют себя «монголами», в то время как другие монгольские народности не употребляют этого названия /15, с. 19/.

Восточномонгольский язык Н.Н. Поппе делит на следующие диалекты: а) халха, б) уланцаб, в) ордос, г) чахар (помимо чахар автор включает сюда и речь монголов Шилингольского аймака), д) харчин, е) джоуда (найман, арухорчин, джарут, кешиктен, барин, аохан, чохор халха и онют), т.е. сюда включается речь монголов, населяющих территорию Джеримского аймака: хорчин, джалайт, дурбут и горлос /15, с. 20—21/. Н.Н. Поппе различает в качестве самостоятельных диалектов ордос и уланцаб, тогда как, например, у Б.Я. Владимировца уланцабский включался в состав ордосской группы.

Широкое экспедиционное изучение языка монголов КНР способствовало дальнейшему уточнению и пересмотру схемы их распределения на говоры и диалекты.

Первая такого рода классификация была предложена группой авторов в докладе, прочитанном на Общереспубликанской научной конференции по языкам народов КНР в декабре 1955 г. /9/.

Она основывалась на совершенно новых данных, полученных путем фронтального экспедиционного обследования языка монголов во всех местах их поселения. Авторы исходили из того, что как фонетические и морфологические, так и лексические особенности дают основание делить язык монголов Внутренней Монголии на отдельные говоры и диалекты. Таких диалектов насчитывается пять: 1) баргу-бурятский (шинэ-баргуский и хучин-баргуский говоры); 2) восточный (хорчинский, арухорчин-баринский и харчин-туметский говоры); 3) центральный (шилингольский, чахарский и ордосский говоры); 4) за-

надный (алашанско-эдзинский и цинхайский говоры); 5) ойратский (торгутский говор)⁴.

Опираясь на новые материалы и построенная с учетом реальных данных по языку, истории и границам расселения монголов, эта классификация в основном соответствовала действительному положению. Однако авторы сознавали, что последующая экспедиция дополнит, уточнит ее.

Незначительные уточнения в эту классификацию вносились и позднее, когда была завершена экспедиция 1956 г. и подведены итоги работы всех групп. Но следует заметить, что и при последующих изысканиях в основе сохранялась именно эта первоначальная классификация.

В 1957 и 1958 гг. были опубликованы статьи Чингэлтэя, посвященные краткому обзору монгольских языков Китая и диалектов собственно монгольского языка. Чингэлтэй делит собственно монгольский язык на следующие диалекты и говоры: 1) баргу-бурятский диалект (шинэ-баргуский, хучин-баргуский и бурятский говоры); 2) восточный диалект (джудаский, джеримский и джостуский говоры); 3) центральный диалект (шилинольский, чахарский и ордосский говоры); 4) западный диалект (эдзинско-алашаньский и кукунорский говоры) и 5) ойратский диалект (торгутский говор) /16/.

Классификация Чингэлтэя отличается от предшествующей классификации тем, что в ней признается бурятский в качестве отдельного говора, а говоры восточного диалекта именуется согласно территориальной принадлежности их носителей.

В тот период вопрос о делении языка монголов КНР на отдельные диалекты и говоры (в уже указанном выше широком понимании) был далеко не простым и бесспорным. Включение в его состав в качестве самостоятельных единиц баргу-бурятского, западного и ойратского диалектов, несомненно, было искусственным, но отвечавшим в то время целям и задачам развития языка и распространения новой письменности и в целом национально-языковой политике, проводившейся в отношении различных этнических групп монголов Китая. Впоследствии по мере накопления и анализа материалов выявились неточности существующей классификации.

Нам представляется, что они состояли не только в том, что баргу-бурятский, западный и ойратский диалекты были неправомерно включены в состав языка монголов Автономного района Внутренняя Монголия, но и в том, что не были четко определены и точно установлены границы говоров самого языка монголов Внутренней Монголии.

И в настоящее время не удастся с достоверностью отнести речь некоторых этнических групп монголов к какому-либо определенному говору восточного или центрального диалекта. Это происходит не потому, что они не подверглись

⁴ В тот период, когда основное внимание обращалось на реформу старых письменностей и подготовку к практическому ее осуществлению — распространению новой письменности, работу по ликвидации неграмотности и поднятию общей культуры населения, язык монголов КНР понимался более широко — как речь всех этнических групп, населяющих не только Автономный район Внутренняя Монголия, но также провинции Ганьсу и Цинхай, Синьцзян-Уйгурский автономный район.

экспедиционному обследованию и нет по ним данных, а в силу сохранения в них переходных явлений и смешения отдельных черт, присущих говорам разных диалектов. Поэтому мы рассматриваем их как единицы переходного типа, подразделив на подговоры.

Экспедиционное изучение показывает, что диалекты и говоры языка монголов Внутренней Монголии наряду со значительным сходством отличаются друг от друга. Каждый из них характеризуется известными, зачастую весьма устойчивыми локальными признаками.

Учитывая определенные исторические условия жизни, территорию расселения монголов, особенности их речи — фонетические, морфологические и лексические, т.е. базируясь на историко-географическом и лингвистическом критериях, мы предлагаем новую схему классификации языка монголов Внутренней Монголии, сохраняя при этом наше первоначальное наименование диалектов (восточный и центральный). Ордосский мы выделяем в отдельный южный диалект⁵.

Язык монголов Автономного района Внутренняя Монголия распадается на три диалекта: восточный, центральный и южный, каждый из которых, в свою очередь, дробится на ряд говоров и подговоров.

А. Восточный диалект. Он делится на говоры: 1) хорчинский (с подговорами джасагтуским и джалайт-дурбетским); 2) харчин-туметский; 3) арухорчин-баринский (с подговорами онют-найманским и их-мянганским).

Б. Центральный диалект. В нем два говора: 1) чахарский (с подговором хешиктенским); 2) шилингольский.

В. Южный (ордосский) диалект.

Вне этой схемы оказываются небольшие группы монголов, живущих в провинциях Хэйлунцзян и Гири (северные и южные гордосы) и в Джеримском аймаке Внутренней Монголии (джаруты), по своей речи близкие к хорчинам.

В основу исследования положен материал, собранный автором в экспедициях. Использовались также и отчетные данные других экспедиционных групп, которые работали среди населения различных монгольских племен, проживающих в пределах Китайской Народной Республики.

⁵ Предварительно необходимо сделать следующие замечания: 1) баргуты и буряты, населяющие Хулунбуирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия, по своей речи близки к бурятам, проживающим в СССР; 2) ойратское население провинций Ганьсу и Цинхай по своей речи занимает промежуточное положение, среднее между ойратами Синьцзян-Уйгурского автономного района и монголами самого крайнего запада Внутренней Монголии; 3) ойратское население Синьцзян-Уйгурского автономного района по языку резко отличается от монголов Внутренней Монголии и ближе всего к ойратам провинций Ганьсу и Цинхай, а также к калмыкам, живущим в СССР.

По числу носителей и по количеству говоров и подговоров это один из крупных диалектов. На восточном диалекте говорит население Хулунбуирского, Джеримского, Джоудаского и Джостуского аймаков Внутренней Монголии, включая также монголов в провинциях Хэйлуцзян, Гирин и Ляонин северо-восточной части Китая, общей численностью более 1 060 000 человек¹.

ХОРЧИНСКИЙ ГОВОР

В качестве основы описания хорчинского говора взята речь жителей хошуна Дархан-ван. Хорчинский говор представляет особый интерес не только тем, что относится к территориально окраинному, но и тем, что является преобладающим по количеству говорящих на нем людей. Кроме того, данный говор выступает как наиболее типичный для языка восточных монголов, отличаясь в то же время от остальных говоров своеобразием фонетики и морфологии. Поэтому хорчинский говор исследуется нами более полно.

На хорчинском говоре общаются жители Хулунбуирского и Джеримского аймаков, расположенных на северо-востоке Внутренней Монголии. К хорчинскому говору близка речь джарут (два хошуна — Джарут восточный и западный) на территории Джеримского аймака и речь северных (в провинции Хэйлуцзян) и южных (в провинции Гирин) горлос.

ФОНЕТИКА

Гласные

Краткие гласные

a — широкий неогубленный гласный заднего ряда, встречающийся в начале, середине и конце слова: *ав* 'облава', *гал* 'огонь', *алиа* 'ладонь'.
В единичных словах *a* первого слога становится огубленным благодаря влия-

¹ Данные о численности монголов, проживающих в различных аймаках Внутренней Монголии, относятся к моменту их экспедиционного обследования (1955—1956).

нию окружающих звуков, в частности непосредственно следующего за ним губного согласного, например: хорч. *ǰǰа* 'идти' (ср. в речи ойратов Сийнцзян-Уйгурского автономного района *joa*).

Старописьменному монгольскому *a* в первом слоге некоторых хорчинских слов соответствует гласный переднего ряда ξ . Это связано с влиянием узкого гласного *i* второго, последующего слога на широкий гласный предшествующего слога, ср.: *amin*² 'жизнь'; *šabi* 'послушник'; *alǰıyur* 'платок'; *anǰsun* 'плуг' — хорч. *эм, шев, элшүр, эндас*. Гласный ξ во всех говорах восточного диалекта произносится несколько своеобразно — как звук более продвинутый вперед, чем *a*, но в то же время более отодвинутый назад по сравнению, например, с калмыкским \tilde{a} .

o — широкий огубленный гласный заднего ряда, который может находиться в любой позиции в слове: *ол* 'найти, находить'; *сохор* 'слепой'; *шоно* 'волк'.

Старописьменный монгольский *o* в первом слоге некоторых хорчинских слов отражается в виде гласного переднего ряда \tilde{o} , что обусловлено влиянием узкого гласного *i* второго, последующего слога: *mǰrin* 'конь'; *ǰačın* 'гость'; *sorbi* 'рубец от шрама'; *točči* 'пуговица' — хорч. *мөр(ин), джочин, сөрвэ, төвш*.

y — узкий огубленный гласный заднего ряда, встречающийся в начале и середине слова: *ус(ан)* 'вода'; *тул* 'знамя'. Иногда произносится ближе к широкому *o*. Нами зафиксированы слова, в которых заметно произношение *y*, как *o*, ср.: *numun* 'лук (оружие)'; *ungsi* 'читать'; *buduy* 'краска' — хорч. *ном, омши-, бодог*.

\tilde{o} — узкий огубленный гласный среднего ряда, употребляющийся во всех позициях: *өлгі* 'колыбель, люлька'; *мөр* 'след, путь'; *өмнө* 'юг, южный'. В СПМЯ ему соответствует гласный переднего ряда \tilde{o} , ср.: *kǰi* 'нога'; *mǰndür* 'град'; *kǰnagen* 'легкий' — хорч. *хөл, мөндөр, хөхөн*.

В хорчинском говоре \tilde{o} СПМЯ нередко замещается гласным узким того же ряда *y*. Однако эта тенденция к сужению более заметна в анлауте, ср.: *bǰglege* 'пробка'; *bndür* 'высокий' — хорч. *булгэ, үндөр*, совр. монг. (халха) *бөглөө, өндөр*.

\tilde{y} — узкий огубленный гласный среднего ряда, который встречается в начале и середине слова: *үд* 'полдень'; *бумен* 'целый'; исправный'. Ему соответствует в СПМЯ гласный переднего ряда \tilde{y} , ср.: *üliger* 'образец'; *ünegen* 'лисица'; *büse* 'пояс' — хорч. *үлгер, үмөг, бүс*.

e — широкий неогубленный гласный переднего ряда. Он встречается в любой позиции в слове: *ев* 'дружба, согласие'; *темдег* 'примета, признак'; *хелс* 'говорить, сказать'.

Укажем и на своеобразие отражения *e*: а) иногда он становится настолько узким и передним, что переходит в *i* (это заметно еще под влиянием среднеязычного согласного *j*), например: *beje* 'тело'; *veke* 'большой'; *del* 'грива' — хорч. *бије, јил, дил*; б) гласный первого слога *e* в позиции перед огубленным \tilde{y} иногда подвергается в хорчинском регрессивной ассимиляции, ср.: *emne* 'вперед'; *ebügen* 'старец'; *emüs-* 'одеваться' — хорч. *өмнө, өбгөн, өмсө-*.

² В дальнейшем изложении все примеры, которые взяты из старописьменного монгольского языка (СПМЯ), даются на латинской графике.

i — узкий неогубленный гласный переднего ряда. Ему в СПМЯ соответствует гласный *i*, восходящий в прошлом к двум гласным типа *i* — переднему и заднему *i*. Впоследствии эти два гласных слились в один гласный *i*.

О «переломе» гласного *i*. Отличительной чертой говоров и диалектов языка монголов Внутренней Монголии по сравнению с СПМЯ является то, что гласный *i* первого слога ассимилируется в говорах гласным последующего, второго слога. Однако это не означает, что «перелом» имеет место во всех случаях. Известно много примеров, когда гласный *i* в первом слоге не меняется. Вопросом о «переломе» гласного *i* занимались многие исследователи. Наиболее полно суть «перелома» сформулирована Б.Я. Владимирцовым. Явление это объясняется тем, что гласный второго слога антиципировался, т.е. голосовой аппарат принял положение, необходимое для воспроизведения этого гласного до образования находящегося между *i* и последующим гласным согласного /2, с. 176/. Это предвосхищение последующего звука при произнесении предшествующего (ср. СПМЯ *ʃida* > хорч. *дждид* 'копье') привело к возникновению специфической черты, типичной для монгольских языков, к фонетическому видоизменению слов.

Однако следует отметить, что в различных монгольских говорах «перелом» гласного *i* получает разное развитие, как следствие этого в каждом из них находятся слова с гласным *i*, ассимилирующимся гласным второго слога или неассимилирующимся. И в хорчинском говоре наряду с нормальным развитием известны многие исключения и непоследовательности.

В хорчинском наблюдаются разные результаты «перелома»:

1. Гласный *i* первого слога перед гласным *a* второго слога переходит в гласный *a*, т.е. подвергается «перелому», например: *мига* 'мясо', *ʃidal* 'сала', *ʃiʃusun* 'рыба' — хорч. *маг(ан)*, *шадал*, *джатас(ан)*.

Инициальный *i* нуждается в протетическом *j*: *имаган* 'коза', *ируйал* 'дно' — хорч. *жамй(н)*, *гордл*.

2. Гласный *i* первого слога перед гласным *u* второго слога переходит в хорчинском в гласный *u*: *нидурга* 'кулак', *китуга* 'нож', *ʃисун* 'кровь' — хорч. *нудрат*, *хутат*, *шус(ан)*.

3. Гласный *i* первого слога перед гласным *ü* второго слога дал в хорчинском *ү*: *нидүн* 'глаза', *ʃисүн* 'цвет, масть', *ʃидүр* 'путы-треноги' — хорч. *нүд(ен)*, *джүс(ен)*, *шүдер*.

Начальный *i* также нуждается в протетическом согласном *j*, но «перелом» гласного *i* не происходит, например: *иддү* 'меч', *илег ү* 'излишек' — хорч. *идд*, *идлү*.

Гласный *i* первого слога слова подвергается «перелому» чаще всего в словах с гласными заднего ряда.

Однако гласный *i* первого слога сохраняется как *i* в хорчинском, если во втором слоге после гласного *i* находится гласный *e*, например: *идер* 'юная молодая', *ирген* 'народ', *индер* 'трибуна', *ире-* 'прийти' — хорч. *идер*, *ирген*, *индер (индер)*, *ире-(ире-)*.

Инициальные слоги со спирантом *ш* и аффрикатой *дж* имеют тенденцию к сохранению *i* первого слога: *ситбе* 'голень', *ʃиʃиг* 'маленький' — хорч. *шилөө*, *дждждл*.

Не наблюдается «перелом» гласного /и/ в следующих словах: *bilegü* 'точильный камень'; *kilyasun* 'волос (конский)'; *siregün* 'грубый' — хорч. *bilü*, *хиллас(ан)*, *ширүн*.

Таким образом, приходится констатировать, что хорчинскому говору, как и всем остальным говорам восточного диалекта, свойствен «перелом» гласного /и/ не во всех словах.

Гласные непервых слогов хорошо зафиксированы в СПМЯ, тогда как во всех диалектах и говорах Внутренней Монголии (кроме ордосского, в котором заметна частичная редукция) они артикулируются неясно и подвержены редукции.

Известно, что все гласные непервых слогов видоизменились под ассимилирующим влиянием гласных первого ударенного слога. В СПМЯ и в хорчинском говоре мы находим несколько иные соответствия. В говоре гласные непервых слогов или стали редуцированными, или вовсе утратились.

Для простоты и по техническим условиям мы в своей работе не пользуемся знаком для указания на редукцию гласных непервых слогов.

Долгие гласные

Краткие и долгие гласные фонологически самостоятельны и представляют собой отдельные фонемы. Очевидность того, что долгие гласные служат для различения смысла слов, подкрепляют обычно примерами парных противопоставлений слов, в которых краткие и соответствующие им долгие гласные находятся в одинаковых условиях. Однако, как и во всех остальных говорах, сфера употребления таких оппозиций слов в хорчинском лексически ограничена. Ср. несколько примеров: *шас(ан)* 'снег' — *шās(ан)* 'бумага'; *ул* 'подошва' — *ūл* 'гора'; *дел* 'грива' — *dēл* 'шуба'; *хол* 'далеко' — *хōл* 'пища'; *мос(он)* 'масло' — *mōс(он)* 'пыль'; *дер* 'подушка' — *dēr* 'наверху'; *бол* 'стать' — *bōл* 'раб'.

В СПМЯ не было долгих гласных, в нем сохранились древние комплексы из соответствующих гласных и интервокального согласного γ (*г*). Примечательно, что с распадом древних комплексов с интервокальным согласным были связаны значительные изменения в фонетической структуре всех современных монгольских языков и диалектов — возникновение впоследствии системы долгих гласных и дифтонгов.

В хорчинском, как и во всех других говорах языка монголов Внутренней Монголии, долгие гласные — явление вторичного, более позднего происхождения, обусловленное позиционными изменениями.

Общеизвестная точка зрения о происхождении долгих гласных в монгольских языках — образование долгих гласных из древних комплексов $v + c + v$. Интервокальными согласными в подобных комплексах были γ , *г* или *н*. В среднемонгольском интервокальные γ , *г* постепенно стали ослабевать, а затем утратились вовсе. Вследствие этого оказались рядом два гласных, которые потом подверглись стяжению в один долгий.

Б.Я. Владимирцов обращает особое внимание на взаимоотношение компонентов сочетания, в частности на характер интервокального согласного. Он писал: «В очень раннюю эпоху междувокальные $\gamma \sim g$, а еще раньше γ начали ослабляться, становясь более широкими и вокализируясь; благодаря

Этому $y \sim g$ или исчезли вовсе, или заменились билабиальным спирантом w в тех случаях, когда один из гласных, чаще всего второй, был $u \sim \ddot{u}$, и спирантом y тогда, когда один из гласных, первый, был $i \sim \ddot{i}$. В дальнейшем началось ослабление этих w и y и их полное исчезновение. Впоследствии, два гласных, оказавшиеся рядом благодаря указанной лакуне, слились в один долгий, наблюдаемый в настоящее время /2, с. 215–216/.

Об образовании долгих гласных в результате постепенного выпадения интервокального согласного и слияния двух гласных в монгольских языках свидетельствуют сохраняющиеся наряду со стяженными формами и формы полные, где ныне нет долготы, ср., например: СПМЯ *abaγa* 'дядя' — хорч. *abaγ*, орд. *abaγa*.

Однако стяжение их в один долгий гласный происходило длительно и неравномерно в зависимости от того, какие гласные были в составе древнего комплекса, т.е. два одинаковых или же два разных. Комплексы с двумя разными гласными сохранялись значительно дольше. Таким образом, отдельные монгольские языки оказались на разных ступенях трансформации комплекса; ср. образование долгих гласных в языках центральной ветви (монгольский, бурятский и калмыцкий) и сохранение некоторых прежних двугласных в языках изолированной маргинальной ветви (дагурский, дунсянский).

С образованием долгих гласных непервых слогов связаны значительные расхождения между отдельными монгольскими языками, обусловленные правилами гармонии гласных, в частности действием в них явления губного притяжения — одного из видов прогрессивной ассимиляции. Следует заметить, что все древние комплексы с интервокальным согласным составляли два слога, т.е. гласные этого комплекса относились к двум разным слогам.

1. Долгие гласные, возникшие в результате стяжения двух одинаковых гласных.

Комплексы СПМЯ *aγa* в хорчинском $> \bar{a}$ (в первом слоге), \bar{a} , \bar{o} (в непервом слоге): *sayadaγ* 'колчан для стрел' — *sādaγ*; *bayatur* 'герой, богатырь' — *bātar*; *dulayan* 'тепло, теплый' — *dulān*; *uqayun* 'ум, разум' — *uqān*; *ḡabaγa* 'мучить' — *ḡabōḡ*; *bolḡaya* 'условие, уговор' — *bolḡō*.

ege $> \bar{e}$ (в первом слоге), \bar{e} , \bar{o} (в непервом слоге): *degebüri* 'крыша, кровля' — *dēber*; *begetei* 'рукавицы' — *bēlī*; *ḡegerde* 'рыжий (масть коня)' — *ḡḡērḡ*; *emegei* 'седло' — *emēl*; *tügege-* 'распределять, раздавать' — *tūḡē*; *kōdege* 'степь, поле' — *xōḡ*; *kōbege* 'берег, край' — *xōḡ*.

В непервых слогах комплексы *aγa* и *ege*, развившие долготу, меняют и свою качественную характеристику в результате прогрессивной губной ассимиляции (*aγa* после o под лабиализующим его влиянием развивается в \bar{o} , тогда как *ege* после \bar{o} $> \bar{e}$).

uyu $> \bar{y}$: *buγudai* 'пшеница' — *būḡḡ*; *quγur* — смычковый музыкальный инструмент — *qūr*; *uγuray* 'молозиво' — *ūrai*; *qaduḡur* 'коса (орудие)' — *xaduḡr*; *uγuy* 'вниз, книзу' — *uḡy*; *soγuyul* 'мундштук' — *soḡul*.

ügü $> \bar{y}$: *bügürge* 'седельная лука' — *būrge*, *tügükei* 'незрелый, сырой' — *tūxī*; *ügüre-* 'разламываться на части' — *ūr-*; *küḡgün* 'шея' — *xüḡḡ(n)*; *büdügün* 'толстый, грубый' — *būdḡn*; *sirügün* 'жесткий, грубый' — *širḡn*, *šḡrḡn*.

igl $> \bar{i}$: *ḡigl-* 'вытягивать, протянуть ноги' — *ḡḡī-*; *ḡigig* 'сырость' — *šīḡ*; *siḡre* 'ноги (у животных)' — *šḡr*.

2. Долгие гласные, возникшие в результате стяжения двух неодинаковых гласных.

Развитие этой подгруппы долгих гласных было более длительным.

Комплексы СПМЯ *iyā* в хорчинском > *ā*: *ᠶᠢᠶ᠋ᠠᠭᠠᠨ* 'маленький' — *джāхāн*; *сийᠠрдᠠл* 'требование' — *шāрдᠠл*; *арγᠠᠮᠢᠶᠠ* 'веревка, привязь' — *арγᠠᠮᠠᠵᠠ*; *намурᠢᠶᠠ* 'осеннее стойбище' — *намарᠠᠵᠠ(н)*.

iyu > *ū*: *ниᠦ* 'прятать, скрывать' — *нᠢᠦ*; *ᠶᠢᠶᠠᠭᠠ* 'месить, разводить' — *джᠢᠶᠠᠷᠠ*; *үсᠢᠶᠠᠨ* 'горький' — *гашᠢᠨ*; *қасᠢᠶᠠᠨ* 'клюв' — *хашᠢ(н)*; *унᠢᠶᠠ* 'опущенный книзу' — *унᠠᠵᠢ*.

ige > *ē*: *ᠶᠢᠭᠡ* 'племянник, внук' — *джᠡ*; *кᠢлᠢᠭᠡ* 'связка, веревка' — *хᠤᠯᠡ*; *белᠢᠲᠢᠭᠡ* 'пастбище' — *белшᠡр*.

igü > *ȳ*: *нᠢᠭᠤᠯ* 'грех' — *нᠢᠯ*; *сᠢᠭᠤᠰᠦᠨ* 'сок, жидкость' — *шᠢᠶс(ен)*; *ᠶᠢᠯᠢᠭᠤᠷ* 'ключ' — *шᠤᠯᠠᠭᠦᠷ*; *кᠠᠭᠢᠳᠢᠭᠤᠯ* 'развивать' — *хᠠᠭᠠᠵᠢᠭᠤᠯ*; *дᠡᠯᠢᠭᠦᠨ* 'селезенка' — *дᠡᠯᠢᠨ*; *ᠵᠢᠮᠢᠵᠢᠷ* 'щипцы' — *шᠢᠮᠵᠢᠷ*.

egü > *ȳ*: *ᠶᠡᠭᠦᠨ* 'иголка' — *джᠦᠨ*; *egüden* 'дверь' — *ᠶᠡден*; *бᠢᠯᠡᠭᠦᠷ* 'мутовка' — *бᠤᠯᠦᠷ*; *дᠡᠯᠡᠭᠦᠷ* 'магазин' — *дᠡᠯᠡᠭᠦᠷ*.

aγu > *ū*: *байу* 'спускаться' — *бᠠᠶᠢ*; *dayuda* 'звать, позвать' — *дᠠᠶᠠ*; *ayula* 'гора' — *ᠶᠤᠯ*; *asayuda* 'вопрос' — *асᠠᠶᠠᠳᠠ*; *γoldayū* 'в основном' — *голдᠠᠶᠢ*; *dutayū* 'недостача' — *дᠤтᠠᠶᠢ*.

oγa > *ō*: *тоᠶᠠ* 'число' — *тᠠᠨ*; *тоᠶᠠᠯᠠ* 'считать' — *тᠠᠯᠠ*; *обоᠶᠠ* 'куча, груда' — *обᠠ*; *тоᠶᠠᠨ* 'рассудок, степенность' — *тᠠᠮᠠ*.

oγu > *ō*: *боᠶу* 'завязывать' — *бᠠᠶᠢ*; *тоᠶусун* 'пыль, прах' — *тᠠᠪс(он)*; *оᠶусур* 'шнур, веревка' — *бᠠсᠠр*; *тоᠶоᠶу* 'тупить, притуплять' — *хᠠᠵᠠ*.

öge > *ō*: *böge* 'шаман' — *бᠠᠶ*; *ᠶᠠᠭᠡᠯᠡᠨ* 'мягкий' — *джᠠᠯᠠᠨ*; *sᠠᠨᠠᠭᠡ* 'уничтожать' — *сᠠᠨᠠ*; *нᠠᠵᠠᠳᠡᠰᠦᠨ* 'заплата' — *нᠠᠵᠠᠪᠠᠰᠦᠨ*.

öᠭü > *ō*: *sᠠᠭᠦᠮ* 'малая пядь' — *сᠠᠮ*; *ᠵᠠᠭᠦᠨ* 'мало, немного' — *шᠠᠪᠠᠨ*.

uγa > *ō* (в первом слоге), *ā*, *ō* (в непервом слоге): *ᠶᠤᠶᠠᠭᠠ* 'кушанье, трапеза' — *джᠠᠶ*; *унᠢᠶᠠ* 'верховое животное' — *унᠠ*; *тᠠᠭᠤᠶᠠ* 'спор, конфликт' — *марᠠᠶ(н)*; *ᠶᠢᠭᠤᠶᠠᠨ* 'шесть' — *джᠠᠷᠢᠶᠠ(н)*; *борᠤᠶᠠᠨ* 'дождь' — *борᠠ*; *ноᠶᠤᠶᠠᠨ* 'зеленый' — *ноᠶᠠᠨ*; *ᠶᠢᠯᠤᠶᠠ* 'поводья, вожжи' — *джᠠᠯᠠ*.

üge > *ō* (в первом слоге), *ē*, *ō* (в непервом слоге); *küger* 'гордый, надменный' — *хᠡᠭᠡᠷ*; *ügeri* 'гной' — *ᠡᠷ*; *üdügeri* 'тонкие кожаные ремни' — *ᠶᠡᠳᠡᠷ*; *bürkügesen* 'крышка, покрывало' — *бᠦᠷᠬᠡс(ен)*; *dörüge* 'стремя' — *дᠡᠷᠦ*; *avlüye* 'влияние' — *нᠠᠯᠠ*.

Старописьменным монгольским комплексам *iyā* ~ *iyē* соответствуют в хорчинском долгие гласные:

iyā > *ā*, *ō*, *ō*: *тарᠢᠶᠠᠨ* 'хлеб, пашня' — *тᠡᠷᠠᠨ(н)*; *такᠢᠶᠠ* 'курица' — *тᠡᠬᠠ*; *доᠬᠢᠶᠠ* 'сигнал, знак' — *дᠠᠬᠠ*; *орᠢᠶᠠ* 'завертывать' — *орᠠ*; *ᠶᠠᠪᠰᠢᠶᠠ* 'одобрять, соглашаться' — *джᠠᠪᠰᠠ*.

iyē > *ē*, *ō*: *ᠶᠢᠰᠢᠶᠡ* 'пример, образец' — *джᠢᠰᠢᠪᠡ*; *инᠢᠶᠡᠳᠦᠨ* 'смех' — *инᠡᠳ(ен)*; *ийᠡᠳ(ен)*; *örüsiyei* 'милость, милосердие' — *өршᠠᠯ*.

Таким образом, долгие гласные в хорчинском говоре по своему происхождению представляют собой различное отражение древних комплексов *v + y + g* и *v + y + i*. Характерно, что некоторые древние комплексы с интервокальным согласным дали долгие гласные в непервых слогах в зависимости от того, какой гласный входил в состав первого слога. Это относится прежде всего к гласным *o* и *ō*, встречавшимся в СПМЯ лишь в первом слоге, в то время как

все остальные гласные могли находиться в любом слоге слова. Возникновение гласных *o* и *ö* в первых слогах (как в основе слов, так и в составе разных суффиксов) относится к фактам более позднего периода развития языка монголов Внутренней Монголии.

Хотя структура долгих гласных в основе слова и в суффиксах аналогична, однако разница в том, что долгие гласные в суффиксах образуются часто на стыке морфем: суффикс, начинающийся на согласный $\gamma \sim g$, присоединяясь к основе изменяемого слова с конечным гласным, создает интервокальное положение для согласного. Ср.: *Yari-* 'стремиться' + *-yad* (суффикс разделительного дееспричастия) > *Yariyad* 'устремившись' — хорч. *дэбрэдэ; сэндэ* 'гибнуть, уничтожаться' + *-ge* (суффикс побудительного залога) > *sündöge-* 'уничтожать, истреблять' — хорч. *сөндөгэ; маргу-* 'спорить' + *-yаn* (суффикс образования имен от глаголов) > *marгууан* 'спор' — хорч. *маргайн*.

Долгие монофтонги

Общим для всех говоров восточного диалекта (в том числе и для хорчинского) является то, что в них нет дифтонгов. Комплексы $v + \gamma + i$ или $v + w + i$ имеют тенденцию в хорчинском перейти в долгие монофтонги.

Об образовании подобных комплексов в монгольском Б.Я. Владимирцов писал, что «монг. письм. начертания $v + \gamma + i$ восходят к комплексам $*v + \gamma \sim g + i$ и $*v + w + i$ аналогично с другими явлениями; $*v + \gamma \sim g + v$ и $*v + w + v$ > долгие v в халхаском. На монгольской почве, следовательно, $*\gamma \sim g$ и $*w$ перед i > $-y$ » /2, с. 166/.

Позиционное распределение комплексов $v + \gamma + i$ в СПМЯ почти такое же, как и распределение комплексов $v + \gamma \sim g + v$, т.е. сочетания $v + \gamma + i$ встречаются в любом слоге, тогда как $v + i$ — лишь в конце слова.

Комплекс СПМЯ *ayi* в хорчинском > $\bar{e}, \bar{o}, \bar{i}$: *ayil* 'группа юрт' — \bar{e} *ayil* *ongуууи-* 'отвориться, открыться' — \bar{o} *ayil*; *aiᠵууи-* 'расставить ноги' — \bar{i} *ayil* > $\bar{a}, \bar{e}, \bar{o}, \bar{i}$: *уагаи* 'свинья' — \bar{a} *ayil*; *dalai* 'море' — \bar{e} *ayil*; *tolууаи* 'голова' — \bar{o} *ayil*; *qormaи* 'подол' — \bar{i} *ayil*.

oyi > \bar{o} : *noyir* 'сон' — \bar{o} *oyi*; *oyimasun* 'чулки' — \bar{o} *oyi*; *gotoyi-* 'гнуться' — \bar{o} *oyi*.

oi > $\bar{u}, \bar{ö}$: *oi* 'лес' — $\bar{ö}$ *oi*; *oroи* 'вечер' — $\bar{ö}$ *oi*; *siroи* 'пыль, прах' — \bar{u} *oi*.

uyi > \bar{y}, \bar{i} : *uyila-* 'плакать' — \bar{y} *uyi*; *duyuyilang* 'кружок' — \bar{i} *uyi*.

ui > \bar{y}, \bar{i} : *ayui* 'великий' — \bar{i} *ui*; *qanсui* 'рукав' — \bar{y} *ui*.

üи и *üи* > \bar{y}, \bar{i} : *güи* 'бегать' — \bar{y} *üи*; *үйле* 'дело' — \bar{y} *үйле*; *bögdүйи-* 'горбиться' — \bar{i} *үйи*; *bürüи* 'сумрак' — \bar{i} *үйи*.

eyi, ei > \bar{i} : *neyi* 'согласие' — \bar{i} *eyi*; *düleyire-* 'глохнуть' — \bar{i} *eyi*; *erekel* 'большой палец' — \bar{i} *eyi*; *tügekeи* 'незрелый, сырой' — \bar{i} *eyi*.

Необходимо отметить, что в говоре заметна последовательная тенденция развития *ai, ei* на конце слов (в суффиксе совместного падежа) в долгий гласный \bar{e} , ср.: *amital, aketeи* — хорч. Σ *амтэ* 'с жизнью', *ектэ* 'с матерью'.

Наличие в незначительном количестве слов хорчинского говора долгих гласных $\bar{e}, \bar{o}, \bar{y}$ связано в основном с монофтонгизацией комплексов СПМЯ *ayi, oyi, uyi, üи*, а в конце слов — с *ai, oi*.

Следовательно, здесь наблюдаются значительные изменения: во всех говорах восточного диалекта, в том числе и в хорчинском, результатом эволюции комплексов СПМЯ явилось развитие долгих гласных, а в говорах центрального диалекта в тех же условиях древние комплексы преобразовались в долгие гласные, и в дифтонги.

Гармония гласных

Гармония гласных, фонетически обусловленная ведущей ролью гласного корня, проявляется в том, что в одном и том же слове могут находиться только гласные одного ряда. В хорчинском наряду с палатальной гармонией развилось и явление губного притяжения, в соответствии с которым при огубленном гласном первого слога гласные основы и наращиваемого к ней суффикса должны быть также огубленными. Губное притяжение, появившееся относительно поздно, развилось последовательно лишь в монгольском (халхаском и в диалектах и говорах Внутренней Монголии) и бурятском языках, тогда как во всех остальных монгольских языках (в калмыцком и во всех языках маргинальной ветви — монгорском, дунсянском, баованьском) оно не распространилось.

Явление губного притяжения особое место занимает при взаимодействии первого и непервого слогов. Оно проявляется в том, что гласный, содержащийся в непервых слогах, должен быть не только одного ряда, но также огубленным или неогубленным, как того требует гласный корневой морфемы.

Слова с гласными $\varepsilon, \bar{\varepsilon}, \bar{o}, \bar{ö}$ в первом слоге в последующих слогах имеют гласные заднего ряда, например: $b\bar{\varepsilon}$ — 'быть, находиться' — $b\bar{\varepsilon}l\bar{a}d$ 'находясь'; $m\bar{o}r$ 'конь' — $m\bar{o}r\bar{o}r$ 'конем'.

Согласные

Таблица 1

Согласные хорчинского говора

		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Глубокозаднеязычные
Смычные	сильные	p^h	t^h			
	слабые	b	d		g	
Аффрикаты	сильные					
	слабые		dz			
Спиранты	сильные		$s, \text{ш}$			x
	слабые	v		l		
Носовые		m	n		η	
Латеральные			l			
Дрожащие			r			

Губные согласные

Губно-губной *п* встречается в говоре лишь в начале нескольких исконно монгольских (в основном звукоподражательных) слов (ср. *хар* 'черный' — *пад хар* 'совершенно черный'). Напротив, он обычен в словах, заимствованных из других языков: *Пурев* — имя собственное (< тиб.), *пүджү* 'ракета' (< кит.).

Губно-губной слабый смычный *б* сохранился в хорчинском как *б* в начальной позиции или после некоторых сонорных согласных, например: *батар* 'герой, богатырь'; *бүс* 'пояс'; *бөмөг* 'мячик'; *холбиро* 'свалиться'.

Согласный *в* заменяется смычным *б*, если он находится в конце слова или в середине, в интервокальной позиции, например: *тевер-/тебер-* 'обнимать'; *ав-/аб-* 'взять, брать'.

Этому развитию способствует и наличие дрожащего *p*, который в таких случаях предшествует спиранту *в*, например: *арав/арбан* 'десять'; *дүрев/дүрбен* 'четыре'.

Однако следует отметить, что хорчинский заметно отличается от других говоров восточного и центрального диалектов весьма частым чередованием согласных *б* и *в*. Известна также замена *б* согласным *п*, ср.: *бууда-* > хорч. *пүда-* 'стрелять'.

Губно-губной слабый спирант *в* не встречается в начале исконно монгольских слов. По Б.Я. Владимирцову, он артикулируется при небольшой губной работе, которая состоит в том, что нижняя губа немного поднимается; сильного шума при прохождении воздуха между губами при этом не замечается, напр.: халх. *давд* 'горный перевал'; *дүгү* 'старик'; *ав* 'бери'; *вар* 'черепаха' /2, с. 378/.

Губно-губной носовой *м* не меняет своих характеристик во всех говорах: *намар* 'осень'; *мү* 'плохой'; *ем* 'лекарство'.

Согласный *м* в середине некоторых слов становится в говоре переднеязычным носовым *н* под ассимилирующим влиянием следующего за ним смычного согласного: *думда*, *дунда* 'в середине'; *умта-*, *унта-* 'спать' — хорч. *дунд*, *унта-*.

Переднеязычные согласные

Сильный смычный *т* в говоре произносится с придыханием (т.е. *т'*) и встречается во всех позициях в слове, например: *тэн/-* 'узнавать'; *йт* 'мешок'; *хатү* 'твердый'.

Данные говоров восточного диалекта свидетельствуют, что в них инициальный сильный *т* перед звуками аналогичного характера второго слога не теряет своего качества и не изменяется в слабый смычный *д*, как в говорах центрального диалекта, ср.:

	Восточный диалект		Центральный диалект	
	хорчин	тумет	чахар	шилингол
<i>tata-</i>	'тянуть'	<i>тата-</i>	<i>тата-</i>	<i>тата</i>
<i>tes-</i>	'терпеть'	<i>тес-</i>	<i>тес-</i>	<i>дес-</i>
<i>takiya</i>	'курица'	<i>тэхä</i>	<i>тэхä</i>	<i>дахä</i>

Переднеязычный слабый смычный *д* в хорчинском говоре в абсолютном конце слова иногда становится глухим, например: *maγad* 'несомненно', *ireged* 'пришедши' — хорч. *магад* (*магат*), *јирег* (*јирет*).

В хорчинском известно также чередование *д* и аффрикаты *дж*. Однако результаты этого чередования неодинаковы по говорам восточного и остельных диалектов: в одних то же самое слово имеет *д*, а в других — *дж*, например: *anγisun* 'плуг' — хорч. *эндас*, дурб. *эндат*, тум. *энджас*, чах. *андас*, анд-*жас*, орд. *анджасу*.

Отличительной чертой хорчинского говора и подговора джалайт-дурбет является то, что в них зафиксирована лишь одна шипящая аффриката. Это сильно смягченная переднеязычная шипящая аффриката *дж*, развившаяся из *γ* и сохраняющая свое исконное качество. Следовательно, СПМЯ *γ* отражается в хорчинском говоре как перед гласной *і*, так и перед другими гласными в виде одной фонемы *дж*, в то время как, например, в шилингольском говоре центрального диалекта и в халхаском диалекте она отражается перед гласной *і* в виде шипящей аффрикаты *дж*, а перед остальными гласными соответствует свистящей аффрикате *дз*, ср.: *γiyasun* 'рыба', *γaiqayū* 'ленивый' — хорч. *джас* (*ан*), *джалху*, шгол. *дзас* (*ан*), *дзалху*, совр. монг. *зас* (*ан*), *залху*.

В некоторых словах аффрикате *γ* СПМЯ в середине слова соответствует в хорчинском смычный *д*, например: *konγile* 'одеяло', *degūγile* 'подвесить' — хорч. *хондй*, *дудле*.

Следовательно, во всех говорах восточного диалекта, а также в чахарском (и в речи урат, дурбен хухет) говоре центрального диалекта и в ордосском отсутствует свистящая аффриката *дз*, развившаяся из *γ* перед всеми остальными гласными, кроме *і*.

Древний спирант *s* в положении перед гласным *і* развился в шипящий сплант *ш* (чаще палатализованный): *siregūn* 'грубый', *sira* 'желтый', *γasiγun* 'горький', *gesigūn* 'ветвь' — хорч. *ширүн*, *шар*, *гашүн*, *гешүн*.

В положении перед всеми остальными гласными спирант *s* сохраняет свое исконное качество: *sanayun* 'дума', *γayasun* 'бумага' — хорч. *санй(н)*, *шас(ан)*.

В немногих словах спиранту *s* соответствуют в хорчинском смычные *д* или *т*: *geriyes* 'завещание', *asqa-* 'лить, выливать' — хорч. *геред*, *аста(атга)*.

Подобная замена наиболее широко и последовательно наблюдается в джалайт-дурбетском подговоре хорчинского говора, в котором все коренные монгольские слова со спирантом *s* произносятся как *ш*: *sonus-* 'слушать', *bos-* 'вставать' — джал.-дурб. *шонто*, *бото*.

В научной литературе утвердилось мнение, что говоры языка монголов Внутренней Монголии в основном единообразны и относятся к *ts*-говорам. При этом главным образом исходили из ордосского и не принимали во внимание говоры северо-восточной части Внутренней Монголии, а также прилегающих к ней китайских провинций. Именно в речи монголов этого региона отсутствует древняя шипящая аффриката *γ*.

Отличительной чертой хорчинского говора и джалайт-дурбетского подговора на всей территории их распространения является отражение древней шипящей аффрикаты *γ* как перед гласным *і*, так и перед остальными гласными

как спиранта *ш*, т.е. ее дезаффрикация. В этом смысле хорчинский говор условно можно назвать *ʃ*-говором, ср.:

	Хорчин	Арухорчин	Чахар	Шидингол	Уланцад
<i>ʃulb uγur</i> 'чембур, повод'	<i>шулбур</i>	<i>чолбур</i>	<i>чулур</i>	<i>чулеур</i> (сунит)	<i>чулеур</i> (урат)
<i>ʃarʃayal</i> 'саранча'	<i>шаршахэ</i>	<i>чарчахэ</i>	<i>джарчага</i>	<i>чарча</i> (дарх.)	<i>чарча</i> (урат)
				<i>джарча</i> (сунит)	

В хорчинском дезаффрикация — явление относительно позднее. Однако хронология развития спиранта и утрата аффрикаты *ʃ* неясны. Заметим лишь, что подобное явление свойственно некоторым говорам бурятского, а также частично и дагурскому языку.

Консонантная структура хорчинского говора отличается от остальных групп говоров избыточным употреблением спиранта *ш*, тогда как в бурятском языке этот избыток устраняется частичным переходом *ʃ* в спирант *с*.

Латеральный согласный *л* в начале слова употребляется сравнительно редко, в основном в некоторых звукоподражательных словах [*лутэв* — гулко раздаваться (при падении чего-л.)] или в словах, заимствованных из других языков. Он встречается преимущественно в середине и на конце слов: *гал* 'огонь', *белен* 'готовый', *алдар* 'слава'.

Известно чередование *л* и *р*, когда они стоят в слове близко друг от друга, ср.: *γullr, γurll* 'мука' — хорч. *γулр, γурл* и *γурр*.

Носовой переднеязычный *н* встречается во всех позициях в слове, например: *нар(ан)* 'солнце', *дунд* 'середина', *уран* 'искусный'.

Иногда замечается соответствие СПМЯ *л* хорчинскому *л*, например: *павд* 'листья', *пөйдө* 'надеяться' — хорч. *лэвш, лэда*.

В результате палатализации носовой *н* может соответствовать и спирант *й*: *зонлн* 'новость', *үнлге, үнлүен* 'корова', *зонлн* 'овца' — хорч. *сөйлн (сöйлн), үлэ (үлэ), хөй (хөй)*. Слова-соответствия со спирантом *й* являются достоянием разговорной речи.

Дрожащий согласный *р* не встречается в начале слов. В словах, заимствованных из других языков, начальному *р* обычно предшествует протетический гласный: *гөслүен* 'целебная вода' — *аршаң*. В других позициях, т.е. в середине и в конце слов, он такой же, как в СПМЯ, например: *борүен* 'дождь', *гер* 'юрта' — *борб, зер*.

Среднеязычные согласные

К среднеязычным относится слабый спирант *й*. Он идентичен СПМЯ *у* в начале слов и в интервокальной позиции: *γасун* 'кость', *γадаγу* 'неимущий', *буγан* 'благодетание' — хорч. *јас(ан), јадү, бујан*.

Известно, что СПМЯ инициальный *й* в словах с гласными заднего ряда соответствует хорчинскому *ја*, например: *таγан* 'коза', *шаγа* 'муха, мошка' *јам(н), јал(н)* (но в джалайт, дурбет и горлос *л(н)*).

Протеза / в хорчинском встречается иногда перед гласным /: *ire-* 'приятн', *ile* 'ясный' — хорч. *jire-* (*ire-*), *ila*.

Заднеязычные согласные

Заднеязычный *ɣ* в хорчинском употребляется в основах с гласными переднего или среднего ряда в любой позиции в слове: *könggen* 'легкий', *degege* 'крюк', *güyldei* 'бер' — хорч. *xəŋxəŋ*, *deɣe*, *ɣüdel*.

Однако согласный *ɣ*, который закрывает слог, является глухим, например: *xereg* 'дело', *jüg* 'сторона' — хорч. *xereg* (произносится *xerex*), *джу* (произносится *джух*).

Аллофон *ɣʰ* в хорчинском встречается лишь в основах с гласными заднего ряда: *yal* 'огонь', *doɣuləŋ* 'хромой', *moɣvi* 'змея' — хорч. *ʰal*, *doɣʰləŋ*, *moʰvi*.

В позиции перед сильным смычным *ŋ* он переходит иногда в спирант *ɣ̥*: *taytəyə* 'голубь', *maɣta-* 'хватить' — хорч. *ʰaɣtə*, *maɣta-*.

Носовой заднеязычный *ŋ̃* встречается в середине и конце слов. В исходе слога он стоит главным образом перед согласными заднеязычными *ɣ* и *x*: *qarəŋgüi* 'темнота', *məŋqan* 'бархан', *ʃəŋ* 'нрав, характер' — хорч. *xarəŋgü*, *maŋx(əŋ)*, *ɟaŋ*.

Глубкозаднеязычные согласные

В хорчинском имеется сильный спирант *x*, который встречается в любой позиции в слове: *saxal* 'борода', *ax* 'старший брат', *xereg* 'дело'.

В единичных случаях имеет место замена *x* спирантом *ɣ*, например: *alɣim*, *alɣam* 'шаг'.

Структура слога и ударение

Структура слога во всех говорах одинакова. Можно выделить два типа слогов: 1) начинающиеся с гласного и имеющие структуру: а) один долгий *v* (*õ* 'порошок'), б) *v* + *c* (*eŋ* 'лекарство'), в) *v* + *c* + *c* (*ylc* 'народ, государство'); 2) начинающиеся с согласного и имеющие структуру: а) *c* + *v* (*liŋ* 'дракон'), б) *c* + *v* + *c* (*xõŋ* 'овца'), в) *c* + *v* + *c* + *c* (*sovd* 'жемчуг').

Общим правилом является то, что в начале слога не могут встречаться группы согласных, а заканчиваться слог может лишь двумя согласными. При этом далеко не все согласные могут сочетаться в одной группе. Количество и характер тех или других слогов в говорах могут зависеть и от таких фонетических явлений, как выпадение гласных в конце или внутри слова, а также от перестановки гласных в слове. По сравнению с СПМЯ в говорах слоги имеют тенденцию становиться краткими и замкнутыми (закрытыми). Тенденция к открытости слога прослеживается лишь в ордооском диалекте.

Ударение в говорах постоянное, оно падает на первый слог слова.

³ В силу того что в хорчинском слабо различают *ɣ* и *ɣʰ*, в дальнейшем мы будем пользоваться лишь одной графемой *ɣ*.

Имя существительное

Имя существительное в хорчинском языке имеет категории числа, падежа и принадлежности.

Множественное число. Значение множественного числа имен существительных выражается агглютинативными суффиксами, выбор которых зависит от характера исхода основы существительного и его семантики. Своеобразие хорчинского и остальных говоров состоит в том, что оформление имени существительного показателем множественного числа является менее строгим, зачастую не подчиняющимся регулярному правилу, ср.: *шуву(н)* 'птица' — *шувуд*, *шувунуд*, *шувунуд* 'птицы'.

В говоре зафиксированы следующие суффиксы:

1) *-д*, присоединяется к основам, оканчивающимся на: а) долгий гласный: *нозд* 'собака' — *ноздд*; б) согласные *н, р, л*, которые при присоединении суффикса *-д* выпадают: *нојин* 'князь' — *нојид*; *нохер* 'товариш' — *ноход*; *тугал* 'теленок' — *тугад*;

2) *-с*, присоединяется к единичным основам с конечным согласным (в частности, *н, р*): *ем* 'женщина' — *емс*; *нер* 'имя' — *нерс*; в говоре он используется редко. В СПМЯ он присоединялся к основам, оканчивающимся на гласный или дифтонг. В говоре же подобные основы не сохранили гласный исход, и потому они употребляются с другими суффиксами, ср. *вула* 'гора' — *вулас* — хорч. *ул* 'гора' — *улуд*, *улууд*;

3) *-уд*⁴, широко употребителен и присоединяется к основам, оканчивающимся на: а) согласные: *эл* 'аил, деревня' — *элуд*; *мал* 'скот' — *малуд*; *шрег* 'воин, солдат' — *шрегуд*; *хот* 'город' — *хотуд*; *ном* 'книга' — *номуд*; б) долгие гласные, при этом между основой и суффиксом появляется соединительный согласный *і*: *пү* 'винтовка' — *пүіуд*, *гакā* 'свинья' — *гакāіуд*;

4) *-нуд*, употребляется после основ, оканчивающихся как на гласные, так и на согласные: *херē* 'ворона' — *херēнуд*; *шшег* 'цветок' — *шшегнуд*; *джехдаз* 'письмо' — *джехдалнуд*. В говоре наблюдается известное колебание в употреблении суффиксов *-уд* и *-нуд* при некоторых основах: *гакāіуд*, *гакāнуд* 'свиньи'; *шрегіуд*, *шрегнуд* 'столы'; *темēіуд*, *темēнуд* 'верблюды';

5) *-шуд*, употребляется редко, преимущественно при основах имен, обозначающих разные категории людей в собирательном значении: *джалу* 'молодой' — *джалшуд* 'молодежь'; *өөг* (өөгөн) 'старик' — *өөгшуд* 'старика, старцы'; *ежегтē* 'женщина' — *ежегтшуд* 'женщины';

6) *-тан*, употребляется чаще при обозначении собирательного множества или принадлежности к группе: *жівүүр* 'крылья, крыло' — *живүүртен* 'пернатые'; *арā(н)* 'коренной зуб' — *арāтан* 'хищные (звери)';

7) *нар*, выделяется среди остальных суффиксов тем, что пишется отдельно от основы имени. Случаи употребления имен с суффиксом *нар* сравнительно

⁴ Большинство суффиксов словообразования и словоизменения имеет несколько сингармонических вариантов. В дальнейшем изложении приводится лишь один из алломорфов.

но немногочисленны, что связано с семантикой исходных основ, обозначающих людей одной профессии или находящихся в одинаковых родственных отношениях: *ax* 'старший брат' — *ax nar*; *джэ* 'племянник' — *джэ нар*. В отличие от других суффиксов он не имеет фонетического варианта.

В говоре имеются и удвоенные показатели множественного числа. Записанные нами материалы фиксируют такие удвоенные суффиксы лишь при существительных, обозначающих людей и их профессию. В этом случае вторым компонентом выступает в основном суффикс *-ūd*, наиболее распространенный в говоре, например: основа + *-d + ūd* (*нојин* 'князь' — *нојид, нојидūd*); основа + *-c + -ūd* (*ем* 'женщина' — *емс, емсūd*).

Помимо морфологического способа выражения значения множественного числа существует и лексико-семантический, когда наименование предмета само по себе обозначает совокупность, собирательное множество, например: *сурег* 'стая, стадо'.

Падежи. Имена существительные в хорчинском говоре склоняются по единственному типу. Разные падежные варианты суффиксов употребляются в зависимости от исхода основы существительных. Имена существительные единственного и множественного числа имеют одинаковую парадигму.

В хорчинском зафиксированы следующие падежи: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, исходный, орудный и совместный.

Именительный падеж не имеет специального показателя, например: *гал* 'огонь', *ўр* 'гнев, злоба', *медё* 'сведения, известие', *ус(ан)* 'вода', *шас(ан)* 'снег'.

Родительный падеж образуется при помощи суффиксов:

- 1) *-ē* после основ на неустойчивый *-н*, например: *однē* 'звезды', *шувѣнē* (*шувѣјѣн*) 'птицы', *шулѣнē* (*шулѣјѣн*) 'камня';
- 2) *-ін* после основ на: а) долгий гласный; между основой и суффиксом вставляется *г*: *дўјѣн* 'младшего брата'; б) любой согласный, кроме *н*: *голѣн* 'реки', *улсѣн* 'народа', *герѣн* 'юрты', *сулѣн* 'топора';
- 3) *-н* после основ на долгий гласный: *нохѣн* 'собаки', *дегѣн* 'крючка', *малѣн* 'шапки'.

Употребление суффиксов родительного падежа не отличается строгостью: в именах существительных с исходом как на гласные, так и на согласные заметно смешение форм, их параллельное использование, например: *малѣн*, *малнē* 'скота'; *сарѣн*, *сарнē* 'луны'; *шулѣјѣн*, *шулѣнē* 'камня'; *шувѣјѣн*, *шувѣнē* 'птицы'; *нохѣјѣн*, *нохѣн*, *нохѣнē* 'собаки'; *далѣјѣн*, *далѣн*, *далѣнē* 'океана-моря'. Это особенно заметно в текстах, которые мы записывали у хорчин. Одни и те же имена существительные, встречающиеся в разных текстах, имеют разные показатели родительного падежа.

Дательно-местный падеж образуется посредством суффикса *-d* (*-dal*). Он употребляется после основ на: а) долгие гласные: *дўд* 'младшему брату'; *серѣd* 'вилке'; *салад* 'разветвлению'; б) согласные сонорные и спонданти *д*: *мајда* 'скоту'; *сарда* 'месяцу'; *сацда* 'казне'; *аѣда* 'отцу'; *ердежде* 'знанию'. Если основа существительного оканчивается на некоторые смычные и спонданти, то между ними и суффиксом падежа появляется вставной гласный, например: *ардад* 'арату, трудящемуся'; *млад* 'государству'. Вариант суффикса *-т(-та)* менее употребителен.

Употребление в СПМЯ формы дательного падежа *-dur* наряду с формой *-d* в говоре обнаруживается лишь в текстах песен, записанных у хур (певцов-сказителей), больших знатоков песенного фольклора, ср.: *шегэрег нершиг ... дүрбен джүг-дүр мандан гарбал, көтөрлөтө ах дү маш олон...* 'когда светлое имя твое... прославится всюду, тогда и друзей (у тебя) становится много...'. .

Винительный падеж образуется при помощи суффиксов:

1) *-i* (*-iḡ*) после основ, оканчивающихся на согласные: *гарі* 'руку', *сургалі* 'школу', *шасіг* 'бумагу', *джаміг* 'дорогу';

2) *-i* (*-iḡ*) после основ, оканчивающихся на долгие гласные: *шрэг* 'сто', *могог* 'змею', *малгаг* 'шапку', *адүгг* 'табун'. .

В говоре одно и то же слово в винительном падеже может встречаться в обеих формах, т.е. с суффиксами *-i* (*-iḡ*) или *-i* (*-iḡ*). Чаще употребляются имена в винительном падеже с суффиксами, чем без суффиксов, в нулевой форме: *адүгг хөтөр охсон* 'он ушел, чтобы пригнать табун'; *сүдж бэх хүнү дүда* 'позови того, который сидит'. Но в живой речи, где большую роль играет интонация, часто обходятся без грамматического оформления слова, например: *бид ус үлэр ирдэж* 'мы пришли, чтобы выпить воды'; *жер шимі мөр ундэ жаджэ* 'он уехал на твоём коне'. .

Исходный падеж образуется посредством присоединения к основе суффикса *-ās*. При этом наблюдается следующее:

а) когда основа имеет в исходе краткий гласный или согласный (кроме заднеязычного *ŋ*), то падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе, например: *аргас* 'из способа'; *кемрәс* 'из прибавок'; *галас* 'из огня'; *голос* 'из реки';

б) когда основа имеет в исходе долгий гласный или заднеязычный *ŋ*, то перед падежным суффиксом *-ās* вставляются согласные *г* или *н*, например: *хүрәнәс* 'от ограда, изгороди'; *бөгәс* 'от шамана'; *еңнәс* 'из ширины (тканя)'. .

Вставные согласные *г* или *н* могут употребляться и в параллельных формах: *көзгөгәс*, *көзгөнәс* 'от собаки'; *шувүгәс*, *шувүнәс* 'от птицы'; *үгәгәс*, *үгәнәс* 'от коровы'; *адүгәс*, *адүнәс* 'от табуна'. Основы имен, оканчивающиеся на заднеязычный *ŋ*, в хорчинском говоре могут присоединить суффикс исходного падежа и непосредственно к основе: *саң* 'казна' — *саңас*, *саңнәс*.

Следует отметить также, что иногда вставной согласный *н* появляется и по аналогии и в тех словах, которые исторически его не имели, например: *мә* 'скот' — *малас*, *малнәс*.

Орудный падеж образуется посредством суффикса *-ār*. При этом можно отметить:

а) если основа слова оканчивается на согласный, кроме заднеязычного, то падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе, например: *джедәр* 'копьем'; *сүгәр* 'топором'; *голдр* 'рекой';

б) если основа слова имеет в исходе долгий гласный или заднеязычный, то перед падежным показателем *-ār* вставляется согласный *г*: *шэгәр* 'чаем'; *деңгәр*, *деңгәр* 'лампой'. .

Совместный падеж образуется при помощи суффикса *-тг*, который присоединяется к любой основе: *аттг* 'со старшим братом'; *тежтг* 'с верблюдом'; *нертг* 'с именем'. .

Двойные падежи. Они образованы прибавлением к основе слова одновременно двух падежных суффиксов. Однако подобное образование имеет ограничения: а) к основе нелюбого имени можно присоединять суффиксы двойных падежей; б) не всякая падежная форма может быть основой для присоединения показателя второго падежа; в) не каждая падежная форма может быть присоединена к другой падежной форме.

В хорчинском говоре двойные падежные формы образуются от родительного, дательно-местного или совместного падежей.

Остановимся лишь на дательно-местном падеже. К основе с показателем в дательно-местном падеже может быть присоединен лишь суффикс исходного падежа. В литературе известно только одно имя существительное, встречающееся в дательно-местно-исходном падеже. Это слово со значением «из юрты»: совр. монг. *гэртээс*, калм. *гертэс*, в говорах Внутренней Монголии *гертёс*. В хорчинском говоре нами зафиксировано еще одно имя существительное — *гар* «рука», которое по аналогии со словом *гертэ* «юрта» после показателя дательно-местного падежа принимает суффикс исходного падежа: *хүнэ гартас бүүрү жимэ шаңадж авā* «не вырывай ничего из чужих рук». Ср. совр. монг. *гарааснь чангаа* «вырвать из рук», где отсутствует показатель дательно-местного падежа.

Категория принадлежности во всех говорах образуется присоединением к соответствующим падежным формам имен частиц местоименного происхождения. Они делятся на частицы возвратного (или безличного) и личного притяжаний.

Частицы возвратного притяжания употребляются с именами в форме косвенного падежа для обозначения отнесенности объекта к лицу вообще. В хорчинском говоре такими частицами являются для имен: а) в родительном падеже *-хән*; б) в винительном падеже *-ән(-гән)*; в) в дательно-местном, исходном, орудном падежах *-ән*; г) в совместном падеже *-гән*.

Подобное оформление имен частицами возвратного притяжания типично для хорчинского говора, тогда как в халха-монгольском частица притяжания утрачивает конечный согласный *н*. Ср. хорч. *ахāsән*, халха *ахаасаа* «от своего старшего брата».

В отличие от всех остальных падежей имя в винительном падеже при присоединении к нему частицы возвратного притяжания теряет падежный показатель и в зависимости от исхода основы слова принимает частицу *-ән(-гән)*: *галән* «свой огонь», *тэргэлән* «свое поле».

Частицы личного притяжания по своей употребительности уступают частицам возвратного притяжания. В говоре зафиксированы: *мин* «мой», *шин* «твой», *н* «его, их», а также *ман* «наш», *тан* «ваш» (используются редко).

При наличии во фразе полной формы личного местоимения в функции определения эти частицы употребляются редко. Наиболее активной из них является *н* как для единственного, так и для множественного числа.

Влиянием СПМЯ можно объяснить употребление письменных форм местоимений *минү* (ср. *minu*), *шинү* (ср. *šinu*), *нү* (ср. *inu*) в говоре при исполнении

народных песен⁵. Так, в тексте одной песни нами зафиксировано: *шигел бо мод-шину делгред ирхэн үгесдө...* «когда приходит время распускаться цветам и деревьям твоим...»; *шаг-ину тулад, эхрү лэшаг унахдә...* «когда приходит время и листья с них начинают опадать...».

Частицы возвратного и личного притяжений присоединяются к имени в или иной форме и пишутся слитно.

Парадигма склонения имен существительных в говоре довольно проста, некоторые трудности представляет лишь имя существительное в родительном падеже, который в зависимости от исхода основы имеет несколько суффиксов (табл. 2).

Словообразование. Имена существительные во всех говорах образуются путем присоединения к основам разных деривационных суффиксов. Имеющиеся небольшие отклонения связаны со звуковым составом говоров.

В силу того, что инвентарь словообразовательных суффиксов в СПИЯ языках центральной ветви (современный монгольский, бурятский и калмыцкий) в основном идентичен, мы ограничиваемся указанием лишь тех суффиксов, которые бытуют в хорчинском говоре.

1. Суффиксы, образующие существительные от основ существительных: *-вш(и)* (*-вш(и)*): *хурүвш(и)* «наперсток» (*хурү* «палец»); *джүвш(и)* «игольник» (*джү(н)* «игла»); *хүджүвш(и)* «ошейник» (*хүджү(н)* «шея»); *хетевш(и)* «футляр для огнива» (*хет* «огниво»);

-ш(н): *адүш(н)* «конюх, табунщик» (*адү(н)* «табун лошадей»); *хөнш(н)* «пастух овец» (*хөн, зөй* «овца»); *эджлш(н)* «рабочий» (*эджл* «работа»); *дүүш(н)* «певец» (*дүү(н)* «песня»).

2. Суффиксы, образующие существительные от глагольных основ:

-д(н): *санд(н)* «дума, мысль» (*сана-* «думать, мыслить»); *меддэ* «весть, известие» (*меде-* «знать, узнавать»); *холбод(н)* «связь, контакт» (*холбо-* «соединять, связывать»);

-дс(ан): *хаддс(ан)* «гвоздь» (*хада-* «прибивать, вбивать»); *үддс(ен)* «сшивака» («соединение шитьем»); *нохдс(ен)* «заплата» (*нохо-* «ставить заплату»).

-вар: *шадвар* «умение, способность» (*шада-* «мочь, уметь»); *еделбер* «угодья, владения» (*едле-* «пользоваться чем-л.»); *тэлбар* «объяснение, толкование» (*тэл-* «объяснять, разгадывать»); *джавар* «указание, наставление» (*джā-* «указывать»);

-в(и): *бодов* «краска» (*бодо-* «красить»); *бшиг* «письмо» (*бши-* «писать»); *хоног* «ночевка» (*хоно-* «ночевать»); *джураг* «рисунок» (*джура-* «рисовать, чертить»);

-д(ан): *хэнэд(ан)*, *хэйд(ан)* «кашель» (*хэнд-* «кашлять»); *мөд(ен)*, *ийд(ен)* «смех» (*мд-, ийд-* «смеяться»);

-дал: *жавдал* «ход, походка» (*жава-* «ходить, идти»); *гүддел* «бег» (*гү-* «бежать, бегать»); *ббдал* «перевязка, связка» (*бб-* «завязывать»);

⁵ Б.Я. Владимирцов отмечал, что «язык, песен, героических эпосей...редко бывает чисто народным, по большей части он насыщается элементами литературного письменного языка монголов» /2, с. 40/.

Склонение существительных

Падеж	Суффикс	Частица возвратного притяжания	Примеры		
Именительный	—	—	шулу(н) 'камень'	юл 'река'	нозо 'собака'
Родительный	-ĕ	-xān	шулу ^н ĕxān	юл ^н xān	
	-īn	-xēn			
	-n	-xōn			нозо ^н xōn
Дательный-местный	-ō(-da)	-ān -ēn -ōn -ōn	шулу ^н dān	юлдōn	нозо(n)dōn
Винительный	-ī(-ī)	-ān, -ēn -ōn, -ōn	шулу ^н īān	юлōn	нозоīōn
	-i((-ī))	-īān, -īēn -īōn, -īōn			
Исходный	-ās -ēs -ōs -ōs	-ān -ēn -ōn -ōn	шулу ^н āsān	юлōsōn	нозоīōsōn
	-ār -ēr -ōr -ōr				
Орудный	-ār -ēr -ōr -ōr	-ān -ēn -ōn -ōn	шулу ^н ārān	юлōrōn	нозоīōrōn
Совместный	-tĕ	-īān, -īēn -īōn, -īōn	шулу ^н tĕīān	юлтĕīān	нозотĕīān

- дж(ā): гардж, гарджā 'ущерб, потеря' (гар- 'выходить'); олдж, олджō
находка, добыча' (ол- 'находить');
-ĕ: темиш 'борьба' (темиш- 'бороться'); джаргал 'счастье, блаженство'
джарга- 'блаженствовать, наслаждаться';
-ла: джарлаг 'расход, издержки' (джарла- 'использовать'); бодлог
соображение, мнение' (бодо- 'думать, соображать');
-лаң: хадлаң 'покос, сенокос' (хада- 'косить, жать'); джовлоң (джоблоң)
мучение, страдание' (джово- 'мучиться, страдать'); өлсгөлөң 'голод' (өлсгө-
морить голодом);
-лт: асулт 'вопрос' (-асу- 'спрашивать'); ургалт 'рост, всход' (урга-
расти'); уналт 'падение' (уна- 'падать'); бблт 'повязка, бинт' (бб- 'завязывать');
-м: алтам 'шаг' (алта- 'шагать'); бэрим 'мера в обхват пальцами руки'
эри- 'держать в руке'; хершим 'кусочек, ломоть' (херши- 'нарезать, раз-
резать');

-*мав*: шаршамат 'желе' (шарша- 'стынуть, сгущаться'); хълмог 'смесь' (хълм- 'смешивать, перемешивать'); ёдмег 'заквашенное молоко' (ёде- 'киснуть, заквашиваться');

-*мдж*: тусламдж 'помощь, содействие' (тусла- 'помогать'); бутемдж 'успех, достижение' (буте- 'исполняться, осуществляться'); хурамдж 'порядок, надлежащее положение' (хурā- 'убирать');

-*мт*: бэришт 'основание, довод' (бэри- 'опираться, придерживаться'); ббгошт 'преграда, препятствие' (бб- 'преграждать, заграждать');

-*мшиг*: э́мшиг 'страх, боязнь' (э- 'бояться, страшиться'); гутамшиг 'стыд, позор' (гута- 'стыдиться'); гехамшиг 'чудо, диво' (геха- 'удивляться, изумляться');

-*р*: белшёр 'пастбище' (белшёр- 'выпускать, выгонять пастись'); шавег 'глина' (шава- 'обмазывать');

-*с(ан)*: нолбос(он) 'слеза' (нолбос унага- 'прослезиться'); хёс(он) 'надуваться' (хё- 'пухнуть, подниматься');

-*ул*: шургул 'выдвижной ящик' (шурга- 'пролезать, проникать'); ёрул 'веретено' (ёре- 'прясть');

-*ур*: гапур 'спайка, паяние' (гапна- 'паять'); шимхур 'шипы' (шимхё- 'шипеть'); делеур 'магазин' (деле- 'раскладывать'); табур 'серп, коса' (тада- 'косить, жать');

-*ш*: нүш 'тайна, секрет' (нү- 'скрывать, прятать'); яваш 'ход, процесс' (ява- 'ходить, идти'); буш 'стоянка' (бү- 'останавливаясь, располагаться'); хестеш 'лежка' (наприме́р, скота) (хесте- 'лежать, ложиться');

Имя прилагательное

Обозначая качество, свойство или признак предмета, прилагательные делятся на два основных разряда: качественные и относительные.

К качественным относятся прилагательные непроизводные (первичная форма) и производные, образованные посредством некоторых суффиксов. Относительные прилагательные, обозначающие признаки и свойства, выражающие отношение одного предмета к другим предметам, а также к месту или времени, образуются от именных и глагольных основ посредством суффиксов (модорог 'лесистый', шаст 'снежный', шити 'влажный' и др.).

Имя прилагательное в функции определения не изменяется; оно не согласуется с определяемым словом в числе и падеже, присоединяется к нему с помощью примыкания, например: тер үндер үлї даад, өргөн голї гатлїд гар. 'он перевалил высокую гору, переправился через широкую реку'.

Как и во всех говорах и диалектах, интенсивная степень качества, но сопоставления предмета с подобным ему предметом передается двумя способами:

1) постановкой усилительных слов перед определяемым именем прилагательным, например: маш ил 'очень большой', тун голо 'очень далекий', та хар 'совершенно черный', шас шаган 'совсем белый', шал тэх 'совершенно синий';

2) посредством частичной редукации, т.е. когда перед прилагательным в полной форме повторяется первый слог этого прилагательного с наращен-

согласного *в (б)*, например: *ув улән* 'красный-прекрасный', *ув урт* 'длинный-предлинный', *шав шар* 'желтый-прежелтый'.

В говоре имеется и специальная сравнительная конструкция, которая употребляется лишь при сравнении одинаковых качественных признаков, присущих двум или нескольким предметам. В этом случае наименование предмета, с которым сравнивается другой, передается именем в исходном падеже, за ним следует прилагательное в форме основы, например: *шнї бїр мнї бїрїс сїн* 'твоя ручка лучше моей ручки'; *тернї мбр Самбуи мбрїос өндөр* 'его конь выше (ростом) коня Самбу; *мүгїс мү хүн* 'худший из худших (о человеке)'.

Словообразование

1. Суффиксы, образующие имена прилагательные от именных основ:

-*лат*: *авїяслаи* 'даровитый' (*авїас* 'дар, талант'); *амтлаи* 'вкусный' (*амт* 'вкус'); *тослог* 'жирный, маслянистый' (*тос(он)* 'масло'); *бијелег* 'рослый' (*бије* 'тело');

-*мсаи*: *гојомсои* 'нарядный, красивый' (*гојд* 'красивый, чудесный'); *їїхемсеи* 'высокомерный' (*їїх* 'большой');

-*рзаи*: *усаргаи* 'обильный водой, водянистый' (*ус(ан)* 'вода'); *модоргои* 'лесистый' (*мод(он)* 'дерево, лес');

-*рхї*: *үлархї* 'горный, гористый' (*үл* 'гора'); *їасархї* 'костистый, костлявый' (*їас(ан)* 'кость');

-*саи*: *авсаи* 'любящий отца' (*ав* 'отец'); *нөхөрсөи* 'любящий друзей' (*нөхөр* 'друг');

-*т*: *галт* 'огненный' (*гал* 'огонь'); *хорт* 'ядовитый' (*хор* 'яд'); *хүшт* 'сильный' (*хүш(т)* 'сила');

хамт 'родственный' (*хамā* 'родство').

2. Суффиксы, образующие имена прилагательные от глагольных основ:

-*гā*: *шамдгā* 'старательный, прилежный' (*шамда-* 'быть прилежным, стараться'); *сїмгē* 'редкий, просвечивающийся' (*сїм-* 'быть редким, просвечивающимся');

-*лар*: *агджлар* 'коротенький, приземистый' (*агджи-* 'сокращаться');

дегдгөр 'торчащий, оттопыренный' (*дегдгē-* 'оттопыриваться');

-*маи*: *шадмаи* 'умелый' (*шад-* 'уметь, мочь');

шөшмои 'внезапный' (*шөш-* 'вздрагивать от испуга');

хүрмаи 'обманчивый' (*хүр-* 'обманывать');

-*маи*: *тунмаи* 'прозрачный, отстоявшийся' (*туна-* 'отстояться');

гүрмел 'плетеный' (*гүрл-* 'плести');

ојомл 'шитый' (*ојо-* 'шить, прошивать');

-*мгā*: *дасамгā* 'привычный' (*даса-* 'привыкать');

медемгē 'хвастающийся знанием' (*меде-* 'знать');

-*мтгā*: *сїмтгā* 'боязливый' (*сї-* 'бояться');

їшїмтгē 'стыдливый, застенчивый' (*їшї-* 'стыдиться');

-*ң*: *дүрең* 'полный, наполненный' (*дүре-* 'наполняться');

сергїлең 'бодрствующий, чуткий' (*сергїле-* 'быть осторожным, чутким');

-*чхā*: *турачхā* 'тощий, истощенный' (*тура-* 'доводить до истощения');

елечхē 'изношенный, поношенный' (*еле-* 'изнашиваться');

-*ү*: *шаршү* 'застывший, затвердевший' (*шарша-* 'застыть');

хөлдү 'мерзлый' (*хөлдө-* 'замерзнуть');

джөрү 'встречный' (*джөрл-* 'направляться, устремляться');

хатү 'твердый' (*хата-* 'сохнуть, засыхать');

-*уи*: *ахиуи* 'густой, сгущенный' (*ахи-* 'становиться густым'); *хошӯи* 'неподатливый, упрямый' (*хоши-* 'упорствовать, упрямиться');

-*хā*: *Ēхāд* 'боязливый, трусливый' (*Ē-* 'бояться, страшиться'); *хетерх* 'чрезмерный, непомерный' (*хетре-* 'превышать, превосходить').

Как показатели степени проявления качества употребляются суффиксы
-*стар*: *шагāстар* 'беловатый' (*шагāн* 'белый'); *боростор* 'сероватый' (*бор* 'серый'); *серӯотер* 'довольно прохладный' (*серӯн* 'свежий, прохладный');
-*хан*: *багахан* 'маленький' (*бага* 'малый, небольшой'); *джалӯхан* 'молоденький' (*джалӯ* 'молодой'); *шӯвертен* 'чистенький' (*шӯвер* 'чистый').

Имя числительное

Имя числительное, обозначая отвлеченные числа, а также порядок предметов, последовательность их или группировку, делится на несколько разрядов. Числительные в говоре склоняются так же, как и имена существительные, выполняя те же синтаксические функции. Если склоняются составные числительные, то падежный суффикс присоединяется только к последнему и числительных.

Количественные числительные обозначают количество (в виде определенного числа предметов) или же счетное понятие (в отвлечении от конкретных предметов). Как и в других говорах, в хорчинском все другие ряды числительных образуются от основ количественных числительных.

Единицы	Десятки
<i>нег(ен)</i> 'один'	<i>арав, арван</i> 'десять'
<i>хогор</i> 'два'	<i>хōр(и)</i> 'двадцать'
<i>гурав, гурван</i> 'три'	<i>гуш(и)</i> 'тридцать'
<i>дӯрев, дӯроен</i> 'четыре'	<i>дӯш(и)</i> 'сорок'
<i>тав(ан)</i> 'пять'	<i>тāv(и)</i> 'пятьдесят'
<i>джургā(и)</i> 'шесть'	<i>джәр(ан)</i> 'шестьдесят'
<i>долб(и)</i> 'семь'	<i>дал(ан)</i> 'семьдесят'
<i>нēж(ан)</i> 'восемь'	<i>нај(ан)</i> 'восемьдесят'
<i>јус(ен)</i> 'девять'	<i>јир(ен)</i> 'девяносто'
	<i>джӯ(и)</i> 'сто'

В функции определения и компонента составных числительных эти числительные восстанавливают конечный *н* (*таван хӯхедтē* 'имеет пятерых детей', *тāvин дӯрев* 'пятьдесят четыре'), исключение составляет числительное *јус(ен)* 'девять', при котором предшествующее ему числительное теряет конечный согласный *н*, например: *гушин тав* 'тридцать пять', но *гуш јус* 'тридцать девять'.

Для передачи чисел более высокого разряда употребляются числительные *мең* (*м₂ нган*) 'тысяча', *тӯм* 'десять тысяч', *бум* 'сто тысяч', *сај* 'миллион', *душшӯр* 'сто миллионов'.

Количественные числительные могут принимать после себя частицы притяжаний (например, *тедиң хогоріи мōртē*, *гурванан јавган јирджē* 'из них дв

приехали верхом, а трое пешком пришли»; *бид джамдан таван гегид хурла* 'в пути мы пятерых потеряли').

Порядковые числительные обозначают порядок следования предметов при счете. Они образуются посредством присоединения к основе количественных числительных суффикса *-дугар*, например: *хогор* 'два' — *хогордугар* 'второй'; *тав(ан)* 'пять' — *тавдугар* 'пятый'; *дүрөс* 'четыре' — *дүрөсдугар* 'четвертый' и т.д. Числительные «три» и «четыре» в говоре сохраняют параллельно и более древние их письменные формы, например: *гуравдугар* 'третий' — *гутгар* (ср. *gutuyar*); *дүрөсдугар* 'четвертый' — *дүтгёр* (ср. *dötüger*), а также *негдугар* 'первый' и *анхдугар* (ср. *engqa* 'впервые, вначале').

Собирательные числительные обозначают количество предметов как одно целое, как их совокупность. Собирательные числительные в говоре образуются от основ количественных числительных посредством суффикса *-ул*, например: *гурүүл* 'втроем'; *тавул* 'впятером'; *дүрүүл* 'вчетвером'; *йусул* 'вдевятиером'.

Разделительные числительные выражают количественное распределение предметов по однородным группам. Когда речь идет о равном количестве предметов, они образуются от основ количественных числительных прибавлением суффикса *-ад*, например: *тгөөд* 'по пятьдесят'; *арвад* 'по десять'; *йрөөд* 'по девяносто'; *дүрөөд* 'по четыре' или путем повторения одного и того же количественного числительного, например: *хогор хогор харандоа түгөөжө* 'раздали нам по два карандаша'; *ене хоні тгө тгөөр сал аджэн* 'этих овец распределяют на группы по пятьдесят голов'. Разделительные числительные от *нег(ен)* 'один' и *хогор* 'два' образуются несколько иначе, чем остальные числительные, а именно: а) чередуются согласные и б) в *хогор* 'два' выпадает конечный согласный *р*: *нег(ен)* 'один' — *неджөд* 'по одному'; *хогор* 'два' — *хошөд* 'по два'.

Значение приблизительности передается путем сочетания двух количественных числительных, при котором название меньшего числа предшествует названию большего, например: *манэ нутаг мөндөс доло-кэман гаджир холө бэн* 'наше кочевье находится за семь-восемь верст отсюда'; *тер ем тав-джурган хүүхөдтэ* 'у той женщины пять или шесть детей'.

Значение приблизительного счета может быть передано путем сочетания количественного числительного со словами *шаху*, *бараг*, *хир*, *оршим* с общим значением 'около, приблизительно', например: *теднэ адү далад шаху бэн* 'их табун насчитывает около семидесяти голов'; *Батун мал бараг хөрөд бэхимба* 'У Бату должно быть около двадцати голов скота'.

Дробные числительные представляют собой частный случай количественных числительных и образуются путем сочетания двух количественных числительных. При этом первый компонент, выражающий знаменатель дроби, ставится в родительном падеже, а второй компонент, выражающий числитель дроби, — в форме основы, например: *дүрөснэ нег* — $1/4$; *арван тавнэ гурав* — $3/15$. Дробные числительные передаются и описательно, используя в качестве знаменателя и числительное, и слово *хөв* 'часть, доля' в родительном падеже, например: *джун хөвнэ арван тав* — $0,15$ — букв. 'пятнадцать из ста ча-

стей»; *гурван хбонѣ нег* — 1/3 — букв. 'одна из трех частей'. При склонении падежный суффикс прибавляется ко второму компоненту сочетания, т.е. к числителю.

Встречаются в хорчинском говоре и так называемые счетные слова. В этом случае предметами счета служат имена существительные, указывавшие на определенную количественную совокупность предметов. Им предшествует количественное числительное. Следовательно, счетные слова состоят из двух компонентов: количественного числительного и единицы измерения, или предмета счета, в хорчинском служат:

толог (толѡд) 'голова' (для счета животных): *арван толог мал* 'десять голов скота'. Это слово используется также и для счета головок и пучков растений, овощей, например: *гушм толог шагѣн ногѡ* 'тридцать кочанов капусты (букв. 'головок')'; *таван толог сбнлм* 'пять головок лука';

ул 'корень' (для растений, деревьев, овощей), например: *ене джл бид шагѣн ногѡ джѣн ул авджѣ* 'в этом году мы получили сто корней (кочанов) белой капусты';

јрдж 'пучок', *ббдж* (ср. СЛМЯ *воуѡба* 'связка'), *бблм* 'связка' (для растений), например: *теден мѣцан јрдж ѳс хадджѣ* 'они накосили тысячу вязанок травы (сена)'; *тугалдѣн нег ббдж ѳс ѣшир* 'принеси связку (охапку) сена для теленка';

бѳхел 'целый' (для счета отрезков ткани), например: *хотѡс нег бѳхел бѳ авлѣ* 'купил в городе кусок хлопчатобумажной материи';

джаѳ 'лист' (для счета плоских предметов, например листов бумаги): *наѡ таван джаѳ шѡс бѣн* 'у меня есть пять листов бумаги';

джурѣ 'пара' (для счета парных предметов), например: *нег джурѣ шѡѳѡ* 'пара тапок'; *джурѣн джурѣ савѳ* 'шесть пар палочек для еды'.

Местоимение

По своему лексическому значению и грамматическим признакам различные местоимения соотносятся с различными разрядами слов, поэтому местоимение не имеет каких-либо только ему свойственных грамматических категорий.

Личные местоимения. Эта категория знаменательных слов указывает на то или иное лицо только по отношению его к акту речи. В зависимости от этого различают личное местоимение 1-го лица единственного числа (т.е. говорящий), личное местоимение 1-го лица множественного числа (группа лиц, к которым относит себя говорящий), личное местоимение 2-го лица единственного числа (т.е. адресат речи) и личное местоимение 2-го лица множественного числа (группа лиц, к которым обращается с речью говорящий). В хорчинском, как и во всех говорах и диалектах Внутренней Монголии, нет специальных личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа. В функции местоимения 3-го лица используются указательные местоимения.

1-е л. *би, бī 'я'*.. *бид(ен) 'мы'*2-е л. *ши, шī 'ты'**тā, тад(ен) 'вы'*

В СПМЯ было два местоимения 1-го лица множественного числа: *биде* и *ба* 'мы'. Первая форма относится к инклюзивному множественному числу (мы — говорящие и слушающие), тогда как вторая — к эксклюзивному множественному числу (мы — говорящие, без вас слушающих). Местоимение 1-го лица *ба* 'мы' имеется в дагурском языке. В дунсянском, баоаньском и калмыцком языках оно соответственно бытует в виде *матам*, *мангэ* и *мадн*, а в бурятском, халха-монгольском и в говорах и диалектах Внутренней Монголии нет местоимения *ба* (им. пад.), но в них сохранились все формы косвенных падежей этого местоимения.

Местоимение 2-го лица множественного числа *тā* 'вы' употребляется также и при обращении в качестве вежливой формы, ср.: *тā надтē магāш јавнТ?* 'завтра Вы поедете со мной?'; *тā хорјТ јрсенТ бī медсенгүѐ* 'я не знал, что Вы (вдвоем) уже приехали'.

Склонение личного местоимения 1-го лица единственного числа характеризуется тем, что формы косвенных падежей образуются от основ, не совпадающих с основой именительного падежа, т.е. от супpletивных основ, например:

Им.	<i>би (бī)</i>
Род.	<i>мӣ</i>
Дат.-местн.	<i>нāд, нэмēд</i>
Вин.	<i>нāдḡи, намаī, нэмēвТ, менēиТ</i>
Исх.	<i>нāдās, намаīās, нэмēās, менēiās</i>
Орудн.	<i>нāдāр, намаīāр, нэмēāр, менēiāр</i>
Совм.	<i>нāдтē, намаīтē, нэмētē, менētē</i>

Как видно из парадигмы, в говоре параллельно используются две разные основы косвенных падежей: 1) начиная с дательного-местного (затем исходный, орудный, совместный) падежа, основа *нāд-*. Исключение составляет основа винительного падежа *нāдḡи*, т.е. разговорная форма, построенная, по-видимому, по аналогии с основами других косвенных падежей; 2) основа *нэмē-* (*мемē-*, *намē-*), типичная для разговорной речи хорчин и весьма распространенная.

В говоре местоимение *бī* и основа косвенных падежей *нāд-* произносятся с долгим гласным.

Личное местоимение 2-го лица единственного числа также имеет супpletивные основы косвенных падежей.

Им.	<i>ши (шī)</i>
Род.	<i>шинī</i>
Дат.-местн.	<i>шамд, шамāд, шэмд, шэмēд</i>
Вин.	<i>шамā, шамāи, шэмē, шэмēи</i>
Исх.	<i>шамās, шамāiās, шэмēс, шэмēiās</i>
Орудн.	<i>шамāр, шамāiāр, шэмāр, шэмēiāр</i>
Совм.	<i>шамтē, шамāтē, шэмātē, шэмētē</i>

В разговорной речи ясно выделяются три разные основы косвенных падежей: *шн-* (род. пад.), *шам-* и *шам̄-* (все остальные падежи), причем последние имеют варианты *шэм-* и *шэм̄-*.

В отличие от местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в местоимении 1-го лица множественного числа форма именительного падежа служит основой для образования всех косвенных падежей, например:

Им.	<i>бюд(ен)</i>	—
Род.	<i>бюдн̄</i>	<i>ман̄(мэн̄)</i>
Дат.-местн.	<i>бюдн̄д</i>	<i>ман̄д</i>
Вин.	<i>бюдн̄(г)</i>	<i>ман̄(г)</i>
Исх.	<i>бюдн̄с</i>	<i>ман̄с</i>
Орудн.	<i>бюдн̄р</i>	<i>ман̄р</i>
Совм.	<i>бюдн̄т̄</i>	<i>ман̄т̄</i>

Именительный падеж от второго местоимения 1-го лица множественного числа, т.е. *ба* 'мы', в говоре не сохранился. Однако наиболее распространенными в быту и употребительными являются формы косвенных падежей именно этого местоимения, а не формы от местоимения *бюд(ен)*.

По типу местоимения *бюд(ен)* 'мы' склоняются и местоимения 2-го лица множественного числа:

Им.	<i>тад(ан),</i>	<i>тā</i>
Род.	<i>тадн̄,</i>	<i>тан̄(тэн̄)</i>
Дат.-местн.	<i>таданд,</i>	<i>тан̄д</i>
Вин.	<i>тадн̄(г)</i>	<i>тан̄(г)</i>
Исх.	<i>тадн̄с,</i>	<i>тан̄с</i>
Орудн.	<i>тадн̄р,</i>	<i>тан̄р</i>
Совм.	<i>тадн̄т̄,</i>	<i>тан̄т̄</i>

В говоре зафиксировано и *тадн̄д* 'вы', образованное посредством присоединения к местоимению *тад(ан)* суффикса множественного числа.

Указательные местоимения делятся на две группы. К первой относятся местоимения *ене* 'этот', *ед(ен)* 'эти', указывающие на близость, а *тер* 'тот', *тед(ен)* 'те' — на отдаленность от говорящего. Ко второй относятся местоимения *ім* 'этакий', *тīm* 'такой', указывающие на качественную характеристику предмета. Типичную черту хорчинского и других говоров восточного диалекта составляет то, что к этим местоимениям может присоединиться наращение — инициальный *м* или слог *ме* в зависимости от того, какую огласовку имеет местоимение, например: *ене, мене; тер, метер; еден, меден; теден, метеден*.

При склонении местоимения *ене* обнаруживаются некоторые отклонения от норм СПМЯ. В говоре это местоимение последовательно образует основу косвенных падежей от *енен-* (ср. дагурскую и бурятскую основы косвенных падежей *энэн-*), тогда как в СПМЯ сохранилась основа от более древнего корня *e-gün*.

Им.	<i>ене</i>
Род.	<i>енинĕ</i>
Дат.-местн.	<i>енинд</i>
Вин.	<i>ени(г), енин(г)</i>
Исх.	<i>ениĕс</i>
Орудн.	<i>ениĕр, енинĕр</i>
Совм.	<i>енинтĕ</i>

При склонении местоимения *тер* 'тот' падежные суффиксы присоединяются к основе *терен*:

Им.	<i>тер</i>
Род.	<i>тернĕ</i>
Дат.-местн.	<i>теренд</i>
Вин.	<i>терĕ, тернĕ</i>
Исх.	<i>тернĕс</i>
Орудн.	<i>терĕр, тернĕр</i>
Совм.	<i>терентĕ</i>

Следует отметить, что основа косвенных падежей *терен* известна также в дагурском и бурятском языках, например: исх. пад. — даг. *тэрэс, тэрэр*, бур. *тэрэнэ (тэрэнэ)*, хорч. *тернĕс*.

Хорчинский говор отличается тем, что в нем нет основы косвенных падежей на *-үн*, соответствующей в СПМЯ основе на *e-gün*, как, например, в калмыцком: *тер, туунд (терунд), түүг (терүг), түүнас (терүнас)*.

Местоимения *ед(ен)* 'эти' и *тед(ен)* 'те' склоняются по общим нормам, при этом основой их изменения является форма именительного падежа, т.е. им. пад. *ед(ен), тед(ен)* — род. пад. *еднĕ, теднĕ*, вин. пад. *едн(г), тедн(г)*, исх. пад. *еднĕс, теднĕс* и т.д. В разговорной речи нередки случаи, когда множественное число указательных местоимений образуется путем присоединения к формам именительного падежа единственного и множественного числа дополнительно суффикса множественности, например: *тер* 'тот' *терүүд* 'те'; *ед(ен)* — *еднүүд* 'эти'.

Возвратные местоимения. В говоре местоимение *бэрĕн* в значении 'сам' зафиксировано лишь в единственном числе. Конкретный носитель действия уточняется употреблением соответствующего личного местоимения: *шĕ бэрĕн маган сургалд ошд ĵр* 'ты сам завтра сходи в школу'; *тă тернĕ бэрĕсĕн бүү салга* 'вы его от самого себя не отпускайте'.

Местоимение *бэрĕн* склоняется не по всем падежам. Употребительны формы *бэрĕн, бэрĕхĕн* (род. пад.), *бэрĕсĕн* (исх. пад.), но не зафиксированы формы орудного и совместного падежей. Специфику возвратного местоимения составляет то, что оно не употребляется без частицы возвратного притяжания, ибо исторически это местоимение представляет собой форму винительного падежа + притяжание и лишь в этом виде воспринимается ныне как форма именительного падежа. В хорчинском говоре оно чаще произносится и как *үөрĕн*, 'сам' и имеет свою парадигму склонения: *үөрĕхĕн, үөрĕсĕн* и др.

Вопросительные местоимения: *хен* 'кто'; *ĵүүн* 'что'; *хед* 'кто (такие)'; *эл* 'какой, который'; *ĵамар* 'какой'; *хедĕ* 'сколько'.

Местоимения *хен* 'кто', *хед* 'кто такие' употребляются, когда речь идет о человеке, о людях. В остальных случаях (т.е. когда вопрос относится к различным предметам, явлениям, а также и другим живым существам) употребляется местоимение *й̄н*. Вопросительные местоимения *хен* и *й̄н* также изменяются по падежам, лишь вопросительное местоимение *хен* имеет форму множественного числа *хед* 'кто такие'. Когда речь идет о значении раздельной множественности (люди, названия предметов и т.д.), то используется репликация этих местоимений, например: *тер герт хен хен б̄эн?* 'кто такие находятся в том доме?'; *ахит̄ й̄ й̄ эштрсем̄?* 'что привез твой брат?'

Местоимение *эл* 'какой, который из них' употребляется, когда задается вопрос об одном из нескольких однородных предметов, например: *ш̄ эл элар ошод й̄рв̄?* 'ты в какой аил ездил (и вернулся)?'. Оно часто принимает частицу возвратного притяжания 3-го лица *н̄*: *терн̄с эл эл̄н̄ ш̄нт̄ б̄эн?* 'какие же из тех (вещей) являются твоими (принадлежат тебе)?'.

Местоимение *ямар* 'какой', выполняя чаще всего функцию определения, указывает на признак, качество предмета, например: *тан̄ энд ямар бад̄а тердат̄ й̄м?* 'какие злаки (хлебные) у вас (тут) сеют?'; *хед ямар б̄р̄ер б̄т̄ дег б̄л̄?* 'какими же ручками они писали?'; *ш̄ ямар нерт̄?* 'как тебя зовут'. На этот вопрос хорчины отвечают: 1) *м̄т̄ нер Бадма* 'мое имя — Бадма'; 2) *нем̄т̄ Бадма гедж д̄удн̄а* 'меня зовут Бадма'.

Местоимение *хед̄* сколько обычно указывает на количество предметов о которых идет речь в предложении: *т̄а гурв̄лда хед̄ д̄жс б̄эн?* 'сколько у вас троих имеется денег?'; *тан̄ энд хед̄ мал б̄эн?* 'сколько у вас скота?'. Это же слово используется и тогда, когда необходимо узнать о возрасте человека. Хорчины на вопрос *т̄а хед̄ наст̄?* 'сколько вам лет?' отвечают двоим: 1) *б̄и далан наст̄* 'мне семьдесят лет'; 2) *б̄т̄ дал* 'мне семьдесят'.

Склонение местоимений *хен* 'кто' и *й̄н* 'что':

Им.	<i>хен</i>	<i>й̄н</i>
Род.	<i>хен̄</i>	<i>й̄н̄</i>
Дат.-местн.	<i>хенд</i>	<i>й̄нд</i>
Вин.	<i>хент̄</i>	<i>й̄нт̄</i>
Исх.	<i>хен̄с</i>	<i>й̄н̄с</i>
Орудн.	<i>хен̄ер</i>	<i>й̄н̄ер</i>
Совм.	<i>хент̄э</i>	<i>й̄нт̄э</i>

Неопределенные местоимения образуются от основ вопросительных местоимений в сочетании с усилительной частицей *ш̄*, например: *эл ш̄ ӯланд м̄т̄м ӯст̄* 'на любой (какая бы ни была) горе такая (обильная) трава', а в отрицательных предложениях при местоимениях *хен* и *й̄н* соответственно обозначает 'никто' и 'ничто', например: *ене удер ман̄ энд хен ш̄ й̄рсенг̄ӯ* 'сегодня к нам никто не приходил'; *терш̄н̄ й̄ш̄ с̄эн метх̄ӯ* 'он ничего как следует не знает'. Значение неопределенности передается и использованием частицы *б̄а*: *эл б̄а явдл̄ тер гаш̄ārān толос мед̄в̄ болн̄т̄?* 'разве он один может решить любое дело?'; *ямар б̄а ушрт̄* 'какую-либо причину'. Частица *б̄а* употребляется реже, чем *ш̄*; она ограничена, так же как и в других говорах,

тем, что ставится лишь после местоимений *Эз* и *ямар*, при этом отдельно от определяемого слова.

Как неопределенное местоимение употребляется и слово *ней(ен)* 'некий, какой-то' в сочетании с вопросительным местоимением *хен* 'кто' (*хен ней(ен)* 'некий, кто-нибудь, кто-то'), известное во всех монгольских языках.

Обобщительно-определятельные местоимения:

1) *бүгед* 'все, весь, каждый', *хү* 'все', обозначающие совокупность лиц или предметов, например: *тед бүгед гертэн сүсан бэджэ* 'они все (оказываются) живут дома'; *тершин бүгед хоршонэ улсүд меднэ* 'об этом (деле) знают все люди в кооперативе'; *тā нар энд хү сэхан бэмнэ* 'хорошо ли вы все здесь живете?';

2) *бүр*, *бүрл* 'каждый' ставится постпозитивно и указывает на то, что речь идет о предмете, взятом из ряда однородных ему, например: *шл нāшāн үдер бүрл ир* 'ты приходи сюда каждый день'; *манэ энд хүн бүр үсег тэнхүэ* 'у нас не каждый человек знает грамоту';

3) *бус*, *бусад* 'иной, другой' употребляется препозитивно, например: *бусад хүнэ юм бү ав* 'не бери вещи чужого человека'; *бусдн үгэнд бү орд бэ* 'не поддавайся чужим словам';

В значении этого разряда местоимений употребляются и другие слова, например: *хамаг* 'весь, целиком' [*хамаг тернэс гарсан ушр юм* 'все пошло от него (причина всему — он)']; *ондн* 'другой, иной' (*нāд эннэс ондн малэ үгүэ* 'у меня другой шапки нет, кроме этой'); *джерим* 'некоторый' (*теденшн джеримн хүнэ хелхэ соңсод бэн* 'некоторые из них прислушиваются к тому, что говорят'); *астан* 'иной, другой' (в хорчинском говоре это слово в самостоятельном использовании означает 'отдельный, особый'; *астан хүнэ юм авдж болохүэ* 'нельзя брать вещь другого человека').

Глагол

Глагол в хорчинском говоре обладает грамматическими категориями лица и числа (в повелительно-желательных формах), залога, наклонения и времени. Синтетических форм образования видов зарегистрировано не было.

Залог. В глаголе различаются пять залогов: действительный, побудительный, страдательный, взаимный и совместный.

Действительный залог характеризуется нулевым показателем. По отношению действия к объекту глаголы действительного залога делятся на переходные и непереходные, основы которых по своей морфологической структуре ничем не отличаются друг от друга, например: *асу-* 'спрашивать', *нāдā-* 'играть', *джогсо-* 'стоять', *ума-* 'падать'.

Принадлежность к переходным или непереходным глаголам определяется семантикой — наличием или отсутствием направленности действия на объект. Переходные глаголы обозначают действие, которое направлено на объект, выраженный винительным падежом имени и имеющий функцию прямого дополнения.

При глаголах действительного залога субъект действия совпадает с подлежащим, а дополнение (если оно не отсутствует в предложении) — с объектом

действия, например: *кар гарджэ* 'солнце взошло'; *Дордж тэра хаджар јавдо* 'Дорджи ушел убирать хлеб'.

От основы действительного залога образуются формы всех остальных залогов.

Побудительный залог образуется от основ действительного залога прибавлением следующих суффиксов:

1) *-ā*, например: *хатā* 'высушить' (*хата* 'сохнуть'); *ношō* 'зажигать' (*ношо* 'гореть'); *хөлдō* 'отмораживать' (*хөлдө* 'замерзать'); *дөстē* 'протывать' (*дөсте* 'пропитываться');

2) *-га (-гā)*: *гарга* (*гаргā*) 'выносить, выставлять', 'исключать', 'устранять' (*гара* 'выходить'); *хүргө* (*хүргē*) 'доставлять' (*хүр* 'доходить, добираться');

3) *-ла (-лā)*: *бүла* (*бүлā*) 'опускать, спускать' (*бү* 'опускаться'); *хиле* (*хилē*) 'заставить делать' (*хл* 'делать');

4) *-үл*: *орүл* 'вести' (*ор* 'входить'); *ошүл* 'отправить' (*ошл* 'пойти, отправляться'); *медүл* 'сообщить, дать знать' (*мөдө* 'знать').

В приведенных примерах заметна одна особенность говора: конечный гласный суффикса часто произносится как гласный долгий. Глаголы побудительного залога, образованные от непереходных глаголов, становятся по своему значению переходными.

В отличие от подлежащего в предложении с глаголом в действительном залоге подлежащее при глаголах в побудительном залоге обозначает лицо, которое побуждает к совершению действия, но которое само не участвует в совершении этого действия. Объект же, которого побуждают к совершению действия, представляет собой и реального исполнителя этого действия.

Реальный исполнитель действия представляет собой дополнение, которое обозначено именем в одном из трех падежей — винительном, дательном-местном или орудном, например: *мөрөн адү дахүлād јавүллā* 'отправили своего коня [пастишь] с табуном' (вин. пад.); *тā джхдлāн Хасар хүргүл* 'вы отправьте свое письмо с Хасом' (орудн. пад.); *хүнд гэхүлād јүвi?* 'что за дело удивляет человека?' (дат.-местн. пад.).

Но упоминание в побудительной конструкции двух лиц (т.е. побуждающего лица, которое является в предложении подлежащим и передается именем в именительном падеже, и реального исполнителя действия, которое оформляется как дополнение и передается именем в указанных выше падежах) не обязательно в хорчинском. Также не удается строго определить, в каких случаях употребляется второй компонент побудительной конструкции в том или ином конкретном падеже. В говоре чаще других встречается орудный падеж, но многое зависит от лексического содержания соответствующих глаголов, от какой основы (переходного или непереходного по значению глагола) образована залоговая форма.

Страдательный залог образуется от основ глаголов действительного залога присоединением суффиксов:

1) *-да*, например: *дарагда* 'быть придавленным' (*дара* 'давить, придавливать'); *бэргйда* 'быть схваченным' (*бэргл* 'схватить'); *јөдөдө* 'быть съеденным' (*јөдө* 'есть');

2) *-до*, например: *олдо* 'быть найденным' (*ол* 'найти');

3) *-та*, например: *аста*- 'быть взятым' (*ав*- 'взять'). Глаголы с суффиксами *-до*, *-та* встречаются редко не только в хорчинском, но и во всех других говорах.

Глаголы страдательного залога могут указывать на действие, направленное на предмет (объект действия) со стороны, при этом само подлежащее, реальный исполнитель действия, может быть и невыраженным, например: *джхдал бхигдлэ* 'письмо написано'. Однако подобное употребление глаголов страдательного залога нетипично для говора. Наиболее характерной является такая конструкция с глаголом страдательного залога, в которой названы два предмета, один из которых употреблен как подлежащее, выраженное именем в именительном падеже, а другой — как дополнение, выраженное именем в дательном-местном. Из них активным, реально действующим является тот, который передан именем в дательном-местном падеже, а другой (в именительном падеже) испытывает на себе это действие, например: *хб; шонод идегдеджэ* 'овца съедена волком'; *мёр ахад бхридав* 'конь пойман старшим братом'.

Вместе с тем образование и употребление форм страдательного залога показывает, что они в своем использовании в речи ограничены определенными рамками: 1) от основ некоторых глаголов не образуется страдательный залог, потому что их семантика не допускает подобного образования; 2) чаще всего они употребляются, когда речь идет о действиях активных предметов (лица, живые существа); 3) наоборот, они используются реже, если речь идет о действиях неодушевленных предметов (вещи, различного рода явления природы), например: *гаджр шасанд дарагдлэ* 'земля покрыта снегом'.

В конструкциях со страдательным залогом реальный исполнитель действия передается дополнением в дательном-местном падеже.

Взаимный залог образуется от основы глагола присоединением суффикса *-лаа*: *- бхрида*- 'бороться' (*бхри*- 'хватать'); *шохолдо*- 'бить друг друга' (*шохо*- 'бить'); *мёртлдо*- 'бодаться' (*мёрт*- 'бодать'); *тулхелде*- 'толкаться' (*тулхе*- 'толкать').

Взаимный залог обозначает взаимонаправленное действие, совершаемое двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу. При этом каждый из субъектов взаимного действия одновременно выступает и как объект действия другого субъекта действия, например: *метер бух үгётэ* *ебрён хуартлэн мёртлдожэ* 'тот бык и корова бодались так, что рога друг другу переломали'; *гадэ хогор хухед нег јм базалдлэн* 'на улице двое ребят что-то отнимают друг у друга'.

Своеобразие глаголов во взаимном залоге состоит в том, что они образуются от сравнительно узкого круга глаголов (в основном переходных), по своему лексическому значению допускающих подобное образование. Когда в качестве основы выступает глагол непереходный, то чаще всего имеется в виду действие, совершаемое многими лицами, ср., например: *гүнде*- 'бежать'; *инэде*- 'смеяться'; а с другой стороны, *херелде*- 'браниться, ссориться'.

Совместный залог образуется суффиксом *-лаа*: *суралла*- 'учиться с кем' (*сура*- 'учиться'); *оролшо*- 'участвовать' (*оро*- 'войти'); *хелелше*- 'переговорить' (*хеле*- 'говорить').

Глагол в совместном залоге указывает на то, что в осуществлении действия участвуют два или несколько лиц-субъектов, например: *тер нётэ* су-

ралшадж бѣнā 'он учится вместе со мной'. Здесь значение совместности можно видеть в равном участии двух лиц в совершении общего действия.

Как и в остальных диалектах и говорах, в хорчинском известны удвоенные формы залогов.

Зафиксированы следующие удвоенные формы: -yл + -yл: *тер моѳон Гер јавулул* 'те деньги отправь с Герелом'; -лѣ + -лѣ: *шл тернѣр гертѣн хуртлѣ (хуртул)* 'ты попроси его проводить тебя до твоего дома'; -да + -yл: *хуртонод джудулла* 'мальчик был укушен собакой'.

Повелительно-желательные формы. По сравнению с СПМЯ в хорчинском говоре употребляется гораздо меньше повелительно-желательных форм. Они указывают или на требование (приказ), побуждение (просьбу) осуществить кем-либо лицом (лицами) то или иное действие, или на намерение, желание совершить соответствующее действие.

Повелительно-желательные формы изменяются по лицам и числам. Девятое, выражаемое ими, мыслится как еще не начавшееся, т.е. соотносится с временем, которое должно следовать за моментом речи.

Повелительная форма 2-го лица единственного числа. Нулевая форма, равная основе глагола, которая употребляется в случаях, когда приказание отдается в категорической, настойчивой форме: *деңл ас* 'зажги лампу'; *шл теңд ошд јр* 'ты пойдти туда и тотчас же возвращайся'; *тā хурдан малāн тосхѳр јар* 'вы быстрее выходите встречать своих животных'.

Приказание может быть отдано и не с такой категоричностью, например: *шл ајартāн менѳд јр* 'немного погоды приходи к нам'; *тер хохолг шл хѳ* 'отгоши прочь ту собаку'.

В хорчинском говоре наблюдается тенденция к ослаблению категоричности повеления. В этом случае приметой служит долгий -ā, который присоединяется к основе глагола 2-го лица единственного числа и смягчает повеление, обращая его чаще в просьбу, пожелание: *теңд сѳдж бѣх хурл дѳдā* 'пови-ка человека, сидящего там'; *млнл оронд јавād јрѳ* 'сходи-ка вместо меня'.

Повелительно-просительная форма 2-го лица единственного числа образуется посредством присоединения суффикса -āс (-āш). В значении этой формы доминирует оттенок настоятельной просьбы совершить то или иное действие, например: *шл гертѣн херāс* 'пойди же к себе домой'; *ментѳс хурдан јрѳс* 'приходи же побыстрее оттуда'; *нād мѳрѳн вѳш дѳ* 'дай же мне своего коня'.

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица единственного и множественного числа образуется при помощи суффикса -л или -јā, например: *толл (толојā)* 'посчитаемте', *сѳј(сѳјā)* 'посидимте'.

Данная форма обозначает желание, намерение совершить действие и одновременно призыв, приглашение со стороны говорящего к одному или нескольким лицам совершить действие. В этом случае подразумевается, что в осуществлении действия собирается принять участие и сам говорящий, например: *бюд сѳнтл омшлјā* 'почитаемте газету'; *одд гертѣн хлрлјā* 'теперь поедемте домой'; *бл ене харамдāлјār блшлјā* 'напишу-ка этим карандашом'; *бл енлѣн хл та тѳрāлјāн хад* 'я сделаю это, а вы убирайте хлеб'; *бл хорѳн јдл сехлѣ, шл*

малан орул 'я раскрою ворота сарая, ты впусти скот'; *бид адалхяр жавя* 'мы пойдём работать'.

Повелительно-желательная форма 3-го лица единственного и множественного числа употребляется, когда приказание, просьба или пожелание совершить действие передается третьему лицу или лицам через собеседника. Эта форма образуется суффиксом *-и*, присоединяемым к основе глагола, например: *йргей* 'пусть придет (придут)'; *сүйи* 'пусть сядет (сядут)'; *хелей* 'пусть скажет (скажут)'.

Она может передавать такие оттенки значения: а) приказание или пожелание более энергичное, настойчивое, например: *тер гертэн сүйи* 'пусть он сидит дома'; *теден ене үдер үнэ услал* 'пусть они сегодня поят коров'; *теден нәшан бү йргей* 'пусть они сюда не приходят'; б) менее настойчивое, с оттенком согласия, одобрения, например: *тер унтвал унтаг* 'если спит, пусть спит'; *тед мөри бербал берн* 'если они поймают коня, пусть поймают'. В этом случае повелительно-желательной форме часто предшествует условная форма глагола на *-бал (-вал)*.

Весьма редко встречается в говоре форма на *-тугэ*, в основном в призывах: *еб хамт нам мандтугэ* 'да здравствует коммунистическая партия!'; или в пожеланиях: *сэи хү болтугэ* 'пусть вырастет хорошим мальчиком'.

Нам встретилось несколько предложений, где глаголу *бэ* 'быть' в форме с *-тугэ* предшествует причастие будущего времени в винительном падеже и все сочетание имеет значение 'не только, но и ...', например: *хелех бэтугэ шохон* 'не только ругает, но и бьет'; *терит бршх бэтугэ сэи омшодж шаднэ* 'он не только пишет, но и хорошо может читать'.

Такие формы СПИЯ, как: 1) *-гүн*, *-гүн* (для глаголов 2-го лица множественного числа), 2) *-суял*, *-сүгел* (форма пожелания 1-го лица единственного числа), 3) *-асал*, *-есел* (форма пожелания всех трех лиц), 4) *-үүял*, *-гүгел* (форма опасения) и 5) *-гарал*, *-герел* (форма повелительно-наставительная), а также и соответствующие им формы, известные в халхаском диалекте монголов МНР, в хорчинском говоре не встречаются.

Все повелительно-желательные формы представляют собой финитные формы, функционирующие в качестве сказуемого законченного предложения. Часто после такой формы следует частица *дэ*, которая ставится отдельно от глагола, например: *та энд сү дэ* 'вы садитесь сюда'; *тер хьраг дэ* 'пусть он идет домой'; *ене хоршодн ошог дэ* 'пусть она сходит в кооператив'. Данная частица весьма употребительна с глаголами 2-го и 3-го лица, иногда она используется в несколько иной функции — смягчения приказания.

Повелительно-желательная форма выражает также требование или желание не осуществлять то или другое действие. Для этого имеется общая запретительная частица *бү* 'не', которая ставится перед глагольной формой, например: *бү гар* 'не уходи'; *бү үр хурэ* 'не сердись'; *бү ошог* 'пусть не ходит'; *бү мартаг* 'пусть не забывает'.

Изъявительные формы. В них значения времени и наклонения передаются средствами одного порядка, они наиболее последовательно выражают три временных аспекта глагола.

Форма настояще-будущего времени образуется суффиксом *-н* и передает значение как настоящего, так и будущего времени, т.е. настоящее и будущее время не различаются отдельной формой глагола.

Форма настояще-будущего времени обозначает действие, которое может происходить в момент речи, так и следовать за моментом речи. В зависимости от контекста, обстановки высказывания возможно определить границы и настоящего, и будущего времени. Так, форма на *-нā* может выражать действие, совершающееся в настоящее время, когда:

а) конкретное настоящее время ограничено моментом речи, например: *манē энд хуршиг улс эрэн, еншиг үнэхэр сэхан хур дарна шү* 'в наших местах много исполнителей на хуре, а он действительно прекрасно играет на хуре!'. Эту фразу мы слышали и зафиксировали у хорчин хошуна левого крыла, когда перед собравшимися демонстрировал свое мастерство известный во всем Джеримском аймаке исполнитель на народном инструменте и т.д.

б) расширенное настоящее время ограничено действием обычным, свойственным тому или иному лицу или предмету, но которое не совпадает с моментом речи, например: *бид ерт босвол үнэгэн сәнā, сүгэн ёдүлэд үрмэн ав* 'встав рано, мы доим коров; когда скиснет молоко, собираем с него пенки

Расширенное настоящее время может указывать и на действие постоянное. В этом значении характерно его употребление в фольклоре, например в поговорках и пословицах: *үр бие джовон, үл мөр джовон, утā мүд джовон* 'гнев мучает тело, горы — коня, дым — глаза'; *мү санā бие орон, сэн санā тал төрөн* 'дурные помыслы себе во вред (букв. тело опутывают), добрые — собирают в круг друзей'.

В разграничении значений настоящего и будущего времени особая роль принадлежит контексту, лексическому значению глаголов, например: *би Хо хотод ирэд, удан болшилō шү, шамдү гертэн хэрнā дā, хрмин мэнэгт хүлэд сүх илā* 'я давно в Хухэ-Хото. Поеду скорее домой. Мой сынок наверняка ждет не дождется меня'.

Употребление в предложении слов с временным значением может также свидетельствовать о том, что действие, выраженное данной формой глагола относится к будущему, например: *бид магатар кинон хорбнд ошнō* 'завтра мы пойдем в кинотеатр'; *би мүнē орб гертэн јавнā* 'я сегодня вечером поеду домой'.

В хорчинском говоре весьма распространена форма на *-джәнā*, которая состоит из суффикса соединительного деепричастия *-дж* и основы глагола *-н* 'быть, находиться' в форме настоящего времени. При присоединении к форме на *-дж* глагол бытия *бē-* теряет начальный согласный.

Форма на *-джәнā* отличается тем, что она указывает и на способ протекания действия, иначе на действие длительное, незавершенное, например: *еншиг брн аган хелджән* 'она рассказывает о своем брате'; *Бадма ус авд ирэд ховшос угāджәнā* 'Бадма принесла воды и стирает белье'; *шнī мөцөд хелсемд тер јих бајалджән* 'она очень радуется тому, что ты так сказал'. Примечательно то, что в речи монголов — носителей восточного диалекта сочетание соединительного деепричастия с глаголом *бәнā* употребляется

ся только в сравненной форме, из аналитической формы оно превращается в синтетическую.

Формы прошедшего времени обозначают действие, предшествующее моменту речи. Они выражают завершенность, результативность действия. Сложным представляется определение критериев, позволяющих строго разграничить значение и употребление в говоре каждой из трех форм прошедшего времени.

1) Форма на *-в* (*-аā, -ба*) по сравнению с остальными формами менее употребительна. Она может использоваться в нескольких значениях: выражать действие недавнопрошедшее, закончившееся к моменту речи, или действие давнопрошедшее, завершившееся в прошлом. В разговорной речи эта форма чаще встречается при вопросе, например: *ногд хушлā, ју болов дō?* 'залаяла собака, что могло случиться?'; *шї тхрā хадвū?* 'ты хлеб убирал?'; *тер ххрдж јирō?* 'вернулся ли он (домой)?'; *ахин мал ххрūловū?* 'брат твой скот пас?'. :

2. Форма на *-лā* в говоре встречается чаще, чем форма на *-в*, и употребляется для выражения действия недавнопрошедшего времени, действия, совершившегося в прошлом с длительным оттенком, или же действия давнопрошедшего времени. Эта форма глагола может употребляться и в значении другого времени, когда действие еще не осуществилось, но говорящий мыслит его результативным, например: *тā сū дā, одō бї гертен ххрлā* 'вы оставайтесь, а сейчас пойду домой (букв. пошел)'. :

3. Форма на *-джē (-дж)* является наиболее распространенной из всех трех форм прошедшего времени. Она обозначает любое действие прошлого без подчеркнуто выражаемых оттенков непредвиденности действия.

Модальный оттенок неожиданности, с выражением которого связывают в монголистике данную форму, замечен в повествованиях (сказках, легендах и т.д.), где события и действия героев представляются загадочными, неожиданными, например: *хогшин өмгөн үджин гехлē нег хулинē үр бхджē* 'когда старуха разглядела — это было семя волшебной тыквы горлянки'. :

Характерно в говоре соотношение употребительности трех форм. В наших записях в речи информанта, принадлежащего к старшему поколению хорчин, доминирует форма на *-джē*, тогда как в речи информанта, принадлежащего к среднему поколению, чаще встречается форма на *-лā* или же аналитическая конструкция с деепричастием и глаголом *гe-* 'говорить, сказать' в одной из изъявительных форм.

В своем выборе информанты могли отдать предпочтение той или другой форме глагола, однако заметна неопределенность их употребления, обусловленная известной близостью значений этих форм. Следует подчеркнуть, что лишь дополнительное изучение с привлечением широкого контекста даст возможность выяснить значение временных глагольных форм не только в хорчинском говоре, но и во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии.

В хорчинском, как и во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии, нет «спряжения» по лицам предикативно употребляемых слов, т.е. в нем отсутствуют специальные лично-предикативные частицы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, которые характерны, например, для бурятского, дагурского и калмыцкого языков. В хорчинском лю-

бая из изъявительных форм может относиться к любому из трех лиц обоих сед и указывать на время совершения того или другого действия.

Словообразование. Ниже приводится перечень зафиксированных в говорах словообразовательных суффиксов:

-*да*: *тешүрда* - 'бить плетью, кнутом' (*тешүр* 'плеть, кнут'); *галда* - 'сглатывать' (*гал* 'огонь'); *хогордо* - 'становиться редким' (*ховор* 'редкий, скудный');

-*дж*: *бајаджи* - 'разбогатеть' (*бајан* 'богатый'); *малджи* - 'обзаводиться скотом' (*мал* 'скот'); *амарджи* - 'успокаиваться' (*амар* 'спокойный');

-*джр*: *сѣджр* - 'улучшаться, повышаться в качестве' (*сѣн* 'хороший'); *мүдджр* - 'ухудшаться' (*мү* 'плохой');

-*ла*: *хаджәрла* - 'надевать узду' (*хаджәр* 'узда'); *трле* - 'точить, править' (*тр* 'лезвие, острие'); *зорло* - 'травить ядом' (*зор* 'яд');

ра: *јадүра* - 'беднеть, нищать' (*јадү* 'бедный, неимущий'); *хогштре* - 'старый' (*хогшн* 'старый');

рха: *атәрха* - 'завидовать' (*атә(н)* 'зависть'); *еджтрхе* - 'господствовать, властвовать' (*еджн* 'хозяин');

-*шә*: *бурүшә* - 'осуждать, порицать' (*бурү* 'ошибка, вина'); *джевишә* - 'одобрять, соглашаться' (*джев* 'правога'); *сѣшә* - 'одобрять, хвалить' (*сѣн* 'добро, благо');

-*ш*: *нуташ* - 'осваиваться, привыкать к новому местожительству' (*нү* 'родное место, кочевье'); *алдарш* - 'прославляться' (*алдар* 'слава'); *ураш* - 'вдохновляться' (*урам* 'подъем настроения, вдохновение');

-*шл*: *үршл* - 'усыновлять, удочерять' (*үр* 'дитя, ребенок'); *дүшл* - 'быть почтительным к старшим' (*дү* 'младший'); *хүшл* - 'усыновить' (*хү* 'сын, мальчик');

Причастие

В соответствии с временной соотносительностью причастия подразделяют на несколько форм: причастие на *-ә* (настоящего времени), причастие на *-х* (будущего времени), причастие на *-сан* (прошедшего времени), а также причастие на *-гша* (однократное) и на *-даг* (многократное).

Причастие на *-ә* выражает действие настоящего времени и видовой оттенок продолжительности действия, например: *ахшн хестә бән* 'твой брат продолжает лежать'; *одбш үлә идә бән?* 'до сих пор он ест и пьет?'. В разговорной речи хорчин причастие на *-ә* встречается сравнительно редко.

Причастие на *-х* выражает действие, которое должно совершиться в будущем. В предикативном употреблении оно обычно сопровождается как вспомогательным глаголом, так и связкой, например: *би ене шт моқолі сурах асна* 'мне бы научиться писать на этом новом монгольском письме'.

Причастие будущего времени с глаголом *бол* - 'становиться', а также с словами *јостә* и *уштрә* обладает модальным оттенком долженствования, например: *теңдә хүрген јастәр јаваз болджә* 'таким образом, жених должен идти пешком'; *мнә хү үдеш јтрех јостә* 'мой сын должен вернуться вечером'; *би енә багшәс сурах (асүх) уштрә* 'об этом я должен спросить у учителя'.

Чаще всего причастие на *-x* употребляется в функции определения. В этом случае причастие указывает на действие, которое должно совершиться в будущем, или на назначение какого-нибудь предмета, например: *маһи йдгг олдх нхэ улс* 'люди, которые должны кочевать в поисках лучших пастбищных угодий'; *ене мнй хонох гер* 'это дом, в котором я заночую'; *уназ мёр* 'верховая лошадь'; *омшиг ном* 'книга для чтения'.

Причастие на *-сан* выражает действие, предшествующее моменту речи. В хорчинском говоре причастие прошедшего времени в роли сказуемого употребляется в основном со связками, например: *менгг ошход тер жердндан јашинсан бгджэ* 'когда я пришел, он, оказывается, уже ушел в поле'; *хотод эрэн малшд јрсен блэ* 'в город прибыло много скотоводов'; *тер јх ертэс дамү үсан јм* 'он рано стал курить табак'.

Часты случаи употребления причастий на *-сан* в качестве определения: *шнй сгнсгн геджгсан хүн мжм дгг?* 'таков человек, о котором ты говорил, что он прекрасен?'; *емел тохсон мёр джохсодж бгн* 'стоит оседланная лошадь'; *жернэ телсен үгенд лгдбд херег бгнү?* 'есть ли смысла надеяться на сказанное им?'; *манэ енд јрсен хү јүн хүгг?* 'что за мальчик, который приехал к вам?'.

Причастие на *-гша* встречается в говорах редко. В них заметна тенденция превращения его в имя деятеля. Примеры, записанные нами у хорчин, только с этим значением: *жернй сурагша бгн* 'он учащийся'; *мнй хү ене джл сургалһн джхтрагша боллб* 'мой сын в этом году стал директором школы'; *тер — манэ удрдагша* 'он наш руководитель'.

Причастие многократное на *-даг* в роли сказуемого встречается редко. В материалах, записанных нами у хорчин, имеются примеры на *-даг* без связки, например: *жергг хадүрар хаддаг (хаддгг)* 'жнут хлеб серпом'; *манэ Эя мал малжддаг* 'наши односельчане занимаются скотоводством'. Если форма на *-даг* употребляется со связкой *блэ*, то доминирует оттенок многократности действия, а время уточняется следующим за ним глаголом-связкой, например: *жернэ дү мангд јрэд шэ үдаг блэ* 'его младший брат бывал у нас и пил чай'; *оһлмнй аджлһн гән хүрэд јрдег блэ* 'моя дочь после работы прибегала ко мне'.

Наиболее характерным для говора является употребление причастия на *-даг* в качестве определения: *халдег үг* 'слова, которые обычно произносят'; *үдаг дамү* 'табак, который обычно курят', 'курительный табак'; *емдег ховчис* 'одежда, которую обычно носят', 'носильные вещи'. Использование его в других функциях является более ограниченным.

В хорчинском говоре зафиксирована и форма на *-мәр*, которую мы условно относим к причастиям. Форма на *-мәр* обозначает процессное свойство предмета, которое должно проявляться в той или иной допустимой или необходимой степени, и обычно употребляется в определительной функции, например: *мангд үджмер јм үгүг* 'у нас нет вещей, которыми можно любоваться'; *енешн үдж болмөр шэ* 'это чай, который можно пить'; *енешн герен саммәр үдер* 'этот день таков, что заскучаешь по дому'.

Деепричастие

Деепричастия не передают время непосредственно по отношению к моменту высказывания, они выражают его лишь по отношению ко времени действия, которое передается основным глаголом-сказуемым. Деепричастия значат действия зависимые, сопутствующие, воспринимаемые как одновременные или предшествующие, или последующие (предстоящие). Вследствие этого деепричастия не могут выступать в функции финитного глагольного сказуемого.

В соответствии с различающими их суффиксами и некоторыми относительными временными и модальными признаками по отношению к заключительному глагольному сказуемому деепричастия в хорчинском говоре можно классифицировать на следующие разряды: деепричастие на *-дж* (соединительное), деепричастие на *-н* (слитное), деепричастие на *-ад* (разделительное), деепричастие на *-сәр* (продолжительное), деепричастие на *-маги* и *-нәрән* (предварительное), деепричастие на *-лā* (последовательное), деепричастия *-маги* и *-нәрән* (предварительное), деепричастие на *-лā* (последовательное), деепричастие на *-вал* (условное), деепричастие на *-ваш* и *йш* (уступительное), деепричастие на *-хәр* и *хүс* (цели), деепричастие на *-тал* (предела). По традиции они делятся на сопутствующие (соединительное, слитное и разделительное) и на обстоятельствоженные (все остальные).

Деепричастие на *-дж* обозначает действие, протекающее одновременно с главным действием, выраженным глаголом-сказуемым, например: *хүхед нег нег ён түлхелдедж, иньледедж герт сүв* 'дети сидели в доме смеясь и подталкивая друг друга'.

В зависимости от контекста соединительное деепричастие может обозначать сопутствующее действие, которое предшествует действию, выраженному основным глаголом-сказуемым: *тад биднē энд йрдж шē ү* 'приходит нам, попейте чай'; *үд нēддедж, хуралд оролсон улсүд орд йрөө* 'дверь открылась, вошли участники собрания'; *ер үдер бүр үлнās түлē авдж, хот худалдадж эмдардж бēлā* '[Тот] мужчина, ежедневно собирая топливо (дрова) на горе, продавал его в городе и этим жил'.

Соединительное деепричастие может употребляться и в удвоенном виде, придавая всему деепричастному сочетанию характер длительности, продолжительности действия, например: *гадā йүдж йүдж йрēд бү хүйтен ус ү* 'не пей холодной воды, когда, набегавшись, приходишь с улицы (букв. бегая бегая)'; *тер гадā нāдадж нāдадж йрēд бас нāджджēн* 'наигравшись и возвратясь домой, он снова играет (букв. играя играя)'.

Деепричастие на *-н* обозначает такое действие, которое поясняет конкретизирует значение совершающегося параллельно с ним основного действия, передаваемого глаголом-сказуемым: *ixen үлен инēн ахдāн хеледж* 'плача и смеясь, девочка рассказывает своему старшему брату'. Еще А. Ровников указывал, что слитное деепричастие употребляется «При действии одновременных, когда два глагола описывают одно и то же действие, то одним высказывается общее понятие, а другим — частное, так что значение одного глагола уже заключается в другом, или когда один глагол употребляется только (подобно качественным именам) для ограничения смысла».

гого /1, с. 314/. Слитное деепричастие употребляется чаще всего в функции обстоятельства, но индивидуальной особенностью слитного деепричастия на -н является то, что оно: 1) наиболее тесно связано с действием основного глагола-сказуемого и 2) реже остальных сопутствующих деепричастий употребляется в говоре.

Деепричастие на -ад обозначает зависимое действие, совершенное до наступления другого, главного действия, передаваемого глаголом-сказуемым. Иначе говоря, действия, передаваемые разделительными деепричастиями, если их несколько, совершаются последовательно — по окончании одного начинается другое, например: *жэргэйн хададж барад, гертэн джодж бэнэ* 'закончив убирать урожай, возят к себе домой'; *мед төрөд, джаман аюадажэ* 'заблудившись, они потеряли дорогу'; *олин их болбо, байш джалад, биги үджүлд өрдөм ном эрэн сургаба* 'девочка выросла, пригласили к ней учителя, стали ее учить грамоте, затем и обучать наукам'.

Известна и относительная свобода в их использовании, возможность замены одной формы деепричастия другой. Хотя сочетание разных форм деепричастий и подчеркивает большую выразительность передаваемых ими действий, но некоторая пестрота и неустойчивость сопутствующих деепричастий сохраняется.

Для монгольских говоров весьма показательным является участие сопутствующих деепричастий в различного рода оборотах и в образовании аналитических конструкций. Специфика значения делает их наиболее употребительными и распространенными. Так, сочетание «сопутствующее деепричастие плюс вспомогательный глагол» чаще всего употребляется в качестве сказуемого. В этом случае деепричастие указывает на конкретно передаваемое действие, тогда как вспомогательный или служебный глагол, грамматически оформляя глагольное сочетание-сказуемое, придает последнему видо-временные и модальные оттенки значения. Ср. значения и функции таких глаголов, как *бэ-* 'быть', *йре-* 'приходить', *ява-* 'идти, ехать' и др., которые известны во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии.

Что касается обстоятельственных деепричастий, то «они могут употребляться только в качестве обстоятельственных членов предложения, являясь обстоятельственными условиями, цели, предела, образа действия, времени и т.п.» /3, с. 281—282/. Эти деепричастия отличается известная определенность и устойчивость как в семантическом, так и в синтаксическом плане.

Деепричастие на -сэр обозначает длительно протекающее действие, в процессе совершения которого происходит другое, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *мүр джблөн дугар мэлсэр хордн джагад хүрөс* 'кошка, продолжая нежно мяукать, добралась до края забора'; *тер төрөдж төрсэр гертэн хэрджэ* 'он, пробуждая, вернулся домой'; *би нар унтал мал хэрүлсэр их ядарла* 'я очень устал, пася скот до захода солнца'.

Возможно употребление продолжительного деепричастия на -сэр при основном глаголе-сказуемом в значении, близком к значению предварительного деепричастия на -маш, например: *шг гертэн хэрсэр нэд түрген шимэ өгө* 'приедешь домой, тотчас пришли мне весточку'; *шас орсэр жеуер хүйрен* 'снег продолжал падать, становилось холодно'; *би тері үссэр жэншгиджэ* 'как только его увидел, [тут же] узнал'.

зафиксированы случаи, когда деепричастие на *-сър* используется в функции финитного сказуемого предложения, при этом оно оформляется дополнительным долгим гласным, например: *тă мундѣ сусърѹ? – сусарă дă* 'вы ты продолжаете жить? – Продолжаю жить'; *манѣ ах гертѣн унтсарă* 'старший брат продолжает спать у себя дома'.

Предварительное деепричастие образуется посредством двух суффиксов – *-маш* и *-нарăн* – и обозначает такое зависимое действие, которое сразу же наступает другое. Первое и второе действия глаголов могут быть связаны между собой, как простой временной последовательностью так и причинно-следственной зависимостью, например: *ѳдж хѳтнѳрѳн унтсарă* 'мать заснула, как только легла'; *орѳ болнѳрѳн (болмогш) деу кошѳджѣ* 'он только наступил вечер, зажгли лампу'; *тер ѳднѳсѳн гарнѳрѳн (гармагш) пѳдѳджѣ* 'как только он переступил порог дома, тут же выстрелил'; *борѳн орѳрѳн дулѳн болджѣ* 'как только пошел дождь, стало теплее'; *ѳсѳн тѳнѳрѳн хѳрѳд ѳрджѣ* 'как только свезли сено, тут же вернулись домой'.

Информанты–носители говора ясно различали форму письменную, литературную и разговорную на *-нарăн* и каждый раз замечала: *ѳрѳнѳ* 'разговорно'. Ср. еще несколько примеров: *тер хѳгѳн хѳрнѳрѳн нѳдхѳр ѳвѳджѣ* 'как только загнал овец (в сарай), он пошел играть'; *тернѳ ѳджнѳрѳн дулѳджѣ* 'как только его увидел, он бросился бежать'; *шѳмѳн ѳанѳрѳн тер хѳрѳд ѳрджѣ* 'как только ты ушел, он пришел'.

В говоре форма на *-нарăн* может иногда заменяться и другими, близкими по значению формами. Так, наряду с *би тернѳ ѳджнѳрѳн асѳджѣ* 'как только увидел, я спросил у него' возможны: *би тернѳ ѳджсѳр* (*ѳджлѣ сесѳр, ѳджлѣ сесѳр, ѳджмеш*) *асѳджѣ*.

Образование и генезис формы на *-нарăн* пока неясны.

Деепричастие на *-хлă* обозначает такое действие, во время которого или в момент завершения которого происходит главное действие, передаваемое глаголом-сказуемым, например: *соуcoxлă абдар дотор бѳх болмѳ* 'когда прислушался [к разговору], то понял, что [драгоценность должна находиться] в сундуке'; *шѳнѳн ѳрхлѳ ендѳс нег мѳртѳ хун гарѳд ѳвѳбă* 'когда приехал, отсюда выехал кто-то верхом'.

Форма на *-хлă* нередко встречается с частицей возвратного притяжания, например: *шѳ ѳвѳхлăгѳн ене мѳр унѳд ѳв* 'когда поедешь, поезжай на этом коне'; *бѳден ѳбхлăгѳн адлн тухă хелелшѳѳ* 'когда мы поедем, поговорим о работе'.

Деепричастие на *-вал* (*-бал*) обозначает зависимое действие, при условии наступления которого совершается другое, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *тер ѳлсѳвал хѳрнѳ эмтнѳ бѳрдж ѳѳд, ундѳсвал нѳрнѳн усѳ ѳдж хулѳлѳ* 'она (собака) все ждала. Если хотелось есть, она ловила степных зверюшек; если мучила жажда, шла к озеру'; *тер аджлѳн барбал ѳвѳн* 'он поедет, если закончит свою работу'; *шѳ терă тервал, бѳ мал хѳрѳлѳ* 'если ты будешь сеять, я пойду пасти животных'.

Вариантом этого суффикса является разговорная форма на *-ул*, например: *шѳ мнѳ герт хѳрѳл хѳр дѳ* 'если ты дойдешь до моего дома, то дойди'; *тер хотод сѳгѳл сѳг дă* 'если он живет в городе, пусть живет'; *ене теңедж хѳлѳ хелег дѳ* 'если он так говорит, пусть говорит'.

Условное деепричастие на *-вал* (*-бал*) может употребляться и с усиливающим его значение союзом *хөрөө* 'если', например: *ш1 хөрөө хотбс ирвел, мт1 эндбэйр ир* 'если ты вернешься из города, приезжай ко мне'; *хөрөө тер ирвел, б1 баса ирмё* 'если он придет, и я приду'.

Уступительное деепричастие в говоре существует в двух формах — *-ваш(-баш)* и *-jāsh* — и обозначает такое действие, вопреки которому совершается другое действие, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *мүр бэх аджр1 медсен болбош аваз араг олсонгүэ* 'хотя кошка и узнала место, где находится драгоценность, но не придумала способа, как ее добыть'; *хелбеш м1м, хелехгүэ болбош м1м иjmё* 'хоть и говори — останется таким, и не говори — то же самое'; *тер хэвөш б1 jавазгүэ* 'хотя он и гонит, я не пойду'; *ус хед1 үjāsh ханахгүэ* 'сколько бы ни пил воды, не напьется'; *одб борбн орjāsh мустгүэ* 'хотя сейчас и пойдет дождь, но от него пользы не будет'; *хелjēsh мет1м, хелхүэ болjōsh мет1м* 'хоть и скажешь, будет таким, и не скажешь, останется таким'.

Чисто разговорным вариантом является *-үш*, например: *хен хелүш тер соу сон* 'кто бы ни говорил, он прислушивается'; *маjāsh шас орүш б1 jавнā* 'хотя завтра и пойдет снег, я поеду'.

Деепричастие цели обозначает действие (цель), для осуществления которого совершается главное действие, выраженное основным глаголом-сказуемым. В хорчинском говоре оно образуется посредством двух суффиксов — *-xā(r)* и *-хүэ*. Примеры: *тер мврбн усалxā(r) jавнā* 'он идет, чтобы поить своего коня'; *бид хоjүлән бадā юхүэ ошнō* 'вдвоем идем, чтобы поесть пиши'; *ōxm ус үхүэ ирджэ* 'девочка пришла, чтобы напиться воды'; *ш1 хурдан жулән тосхō(r) гар* 'скорее выходи, чтобы встретить своих телят'.

Деепричастие предела на *-тал* обозначает такое действие, до наступления которого осуществляется другое действие или же является пределом этого главного действия, переданного основным глаголом-сказуемым, например: *хү унтатал бид энд сүjā* 'пока мальчик заснет, мы посидимте-ка тут'; *ш1 хурал болтол хуред ир* 'ты приходи, пока не начнется собрание'; *тер агām үд болтол хүлелē* 'он ждал брата до полудня'; *мант jавтал загас шат бэн* 'до того пока мы поедем, остается еще полчаса времени'.

Иногда деепричастие на *-тал* принимает частицу возвратного притяжания: *б1 ене үдер jаттлән аджл хиджэ* 'я сегодня работал, пока не устал'; *ш1 jавтлән манед сүджэ* 'пока поедешь, ты поживи у нас'.

О глаголе *а* 'быть'

Вспомогательный глагол *а* 'быть' в процессе развития монгольских языков утратил систему форм и почти исчез из этих языков (кроме СПМЯ, дагурского), оставив лишь кое-где реликтовые формы. Ср. в современном монгольском (халха) языке *ажээ* (глагол *а* в форме прошедшего времени на *-жээ*) и *-сам* (рефлекс причастия прошедшего времени *aysan* от глагола *а* в виде суффикса).

В отличие от него в говорах языка монголов Внутренней Монголии под влиянием СПМЯ сохраняется несколько форм глагола бытия *a-*. В живой речорчин зафиксированы *асан* (*аснā*), *аджэ*, *алā* и *эддā* как устойчивые формы прошедшего времени:

а) *асан* (*аснā*) – причастие прошедшего времени глагола бытия *a-* с суффиксом *-сан*. Зафиксированы следующие примеры на употребление этой формы: *би нел сургад орох аснā* ‘мне бы учиться в школе’; *мөр ирвэл би адунд ја аснā* ‘когда приведет коня, я бы поехал за табуном’; *би шн моцол нел аснā* ‘мне бы овладеть новым монгольским письмом’. Употребляясь с причастием будущего времени на *-х*, *асан* выражает модальные оттенки действия, осуществление которого представляется для говорящего предположительным или желательным.

б) *аджэ* – форма прошедшего времени глагола *a-* с суффиксом *-джэ*: *ангандā лам аджэ* ‘раньше он был ламой’; *тернī бхн сехан бхн аджэ* ‘о дочь была красивой девушкой’; *тер хун сэн джацтэ хун аджэ* ‘у того человека был хороший характер’. Примеры показывают, что *аджэ*, связка прошедшего времени, стоит после именной части составного сказуемого и относит действие в отдаленное прошлое. Эта форма глагола встречается также в современном монгольском (*ажээ*) и в бурятском (*ажа*) языках, а в калмыцком она сохранилась;

в) *алā* – архаическая форма прошедшего времени глагола *a-* с суффиксом *-лā*. Ни в СПМЯ, ни в других монгольских языках такой формы нет. Эта форма глагола бытия *a-* удержалась в некоторых говорах восточного диалекта. В хорчинском говоре она встретилась в примерах: *би тернэс энī асува ју гедж хелех алā?* ‘что он ответит, если я спрошу у него об этом?’; *терн јим алā?* ‘что бы это из себя представляло?’; *шī энī хдх шадх алā?* ‘ты смог бы это сделать?’;

г) *эддā* – по-видимому, это та же форма глагола *a-* в прошедшем времени (ср. СПМЯ *ајуу*, хорч. *аджэ*) с присоединенной к ней частицей *дā*, подвергшаяся фонетической трансформации и произносимая хорчинами слитно. По своей функции она не отличается от *аджэ*. Ср. следующие примеры: *еншн демтэ хун эддā* ‘он был образованным человеком’; *Бату хунэ үгенд баян хун эддā* ‘Бату был человеком, который радовался (добрым) словам людей’. Присутствием частицы *дā* подчеркивается результативный характер состояния, выраженного этим сочетанием. Особенно это заметно, когда *эддā* стоит после слова *тīm* ‘такой’ при отрицании в первой части предложения, например: *тенхүэ јāх јим, үл тīm эддā?* ‘как это не узнает, [конечно, узнает], не ты ли?’.

Наречие

Наречия во всех говорах в основном те же, что и в СПМЯ. Их отличия сят главным образом фонетический или лексико-семантический характер. Наречия по своему значению подразделяются на несколько разрядов. В хорчинском зарегистрированы следующие их разряды:

1) наречия, указывающие на место совершения или на направление действия предмета, например: *енд (менд)* 'здесь, тут' (*ши менд сүджэ, би иренэ* 'ты посиди тут, я приду'); *тенд (метенд)* 'там' (*шнл бэли метенд бэн* 'твоя дочь находится там'); *нашан* 'сюда, в этом направлении (сторону)' (*та нашан харā дā* 'вы посмотрите сюда, в эту сторону') и др.;

2) наречия, указывающие на время совершения действия, например: *ерт (ерте)* 'рано' (*жер ерт унтād ерт боснō* 'он рано ложится спать и рано встает'); *орд* 'поздно' (*биден ене удер бāхан орд бослō* 'мы сегодня встали немного поздно'); *мунē, одō* 'сейчас' (*шнл ах мунē хā бэлхм?* 'где сейчас находится твой старший брат?'); *хајā* 'изредка' (*жер манз енд хајā ирен* 'он изредка приходит к нам') и др.;

3) наречия, указывающие на степень, интенсивность признака действия, например: *маш* 'весьма, очень' (*жернз мōр маш турдан гүн* 'его конь бежит очень быстро').

По способу образования наречия неоднородны. Наиболее распространенным способом образования наречий является суффиксальный.

Этимологически наречия восходят к разным разрядам слов. В зависимости от этого они бывают и сложными, образованными из сочетаний нескольких компонентов, ср., например, *енд (менд)* и *тенд (метенд)*, застывшие в форме дательного-местного падежа (т.е. состоящие из древних основ *ен-, тен - + -д*).

Наречия, указывая на признак действия, выступают при глагольных и именных членах предложения в функции различного рода обстоятельств.

Служебные слова

Послелого. Выполняя служебную функцию, послелого управляют той или иной падежной формой именных разрядов слов и употребляются после того имени, к которому они относятся. В большинстве своем послелого являются вторичными, восходящими к различным разрядам знаменательных слов. Собственно послелогов в говоре немного. К ним можно отнести, например, такие, как *толō* 'для, ради, за', *тухā* 'о, относительно', *мет* 'как, подобно, словно' и некоторые другие.

Основную массу послелогов составляют те, которые образовались на базе разных частей речи — в основном имен существительных, наречий и редко глаголов, которые, утрачивая лексическую и синтаксическую самостоятельность, употребляются в качестве послелогов. Однако значение послелого не может быть реализовано вне связи с падежной формой имени. Значения послелогов выступают отчетливее, если они рассматриваются в сочетании с управляемыми ими именами.

В говоре зафиксированы послелого, которые требуют постановки имен в родительном, исходном, совместном падежах, а также в форме основы.

Послелого с основой имени:

дёр имеет пространственное значение — местонахождение предмета на чем-либо (на поверхности чего-либо), например: *гер дёр бӯ гарā* 'не залезай на крышу дома'; *ене штрē дёр бэсан ил хā бэн?* 'где та вещь, которая лежала на этом столе?';

дӱр указывает на местонахождение предмета под чем-либо, например: *уссен дӱр хестӱ* 'он лежал под сеном'. Хорчины произносят это слово так как зафиксировано в СПМЯ — *доога*, т.е. с долгим гласным;

дотор употребляется в пространственном значении, но с оттенком направленности действия внутрь чего-либо (в, внутри...) или с оттенком «среди в кругу», например: *ирсен улс гер дотор сӱнӱ* 'приехавшие сидят в доме'; *енд ирсен улс дотор Батӱ бас бӕн* 'среди прибывших есть и Бату';

мет употребляется при уподоблении со значением 'как, словно, подобно': *шас мет шагӱн* 'белый, словно снег'; *далӱ мет иӱн* 'глубокий, словно океан-море';

Эдал 'как, подобно, одинаково': *елдӱн эдал мал* 'животное наподобие осла'. Хорчинский говор показателен тем, что в нем послелоги *эдал* управляет также и именем в дательном-местном падеже: *шамд эдал* 'подобно тебе'; *мӱронд эдал* 'подобно лошади';

хуртел 'до' указывает на предел распространения действия во времени в пространстве, например: *шӱ немӕтӱ ирс сар хуртел хулӱ* 'ты жди меня до сентября месяца'; *гер хуртел эрӱн гаджр бӕн* 'до дома порядочное расстояние';

Послелоги с родительным падежом:

дӱр и *дотор* 'в, внутри' указывают на местоположение предмета, например: *харандӱштӱ шрӱн дӱр хестӱ* 'твой карандаш лежит под столом'; *герӱн дотор хен бӕн?* 'кто находится внутри дома?';

дунд 'в, среди': *герӱн дунд сӱнӱ* 'сидит в центре юрты', но *олӱн дунд* 'среди общества людей';

хӱронд 'между': *герӱн хӱронд* 'между домами'; *бадӱ шангӱн хӱронд идӱлӱн* 'ест, не дожидаясь, пока сварится пища';

ард 'позади': *мал улӱн ард идедж жаван* 'скот пасется позади горы (за горой)';

оронд 'вместо': *шӱ мӱнӱ оронд ошӱд ир* 'ты поезжай вместо меня';

дарӱ 'после': *тернӱ дарӱ гарӱ* 'ты выйди после него'; *ус ӱснӱ дарӱ дам ӱджӱ* 'после того как попил воды, стал курить';

хӱн 'после': *нег сарӱн хӱн...* 'после месяца...';

толӱ 'за, ради, для': *ардӱн толӱ темшӱн* 'борется ради аратов'; *ех орнӱ толӱ хӱшӱн гарган* 'отдает все силы за родину';

тухӱ 'о, насчет, относительно': *алӱн тухӱ жралшав* 'говорили насчет старшего брата'. Здесь приведены наиболее употребительные послелоги, часто встречающиеся в разговорном языке.

Послелоги с исходным падежом встречаются редко, нами зафиксировано лишь *урт* 'до, до того как': *нарнас урт бослӱ* 'встал до восхода солнца'; *борд орхӱс урт джавар хедӱллӱ* 'до того как идти дождю, поднялся ветер';

Послелоги с совместным падежом также редки. К ним относятся:

хамт 'с, вместе': *мӱнӱ хӱ нег хӱншӱ хамт ирджӱ* 'мой сын приехал вместе с каким-то человеком'; *тер Алтансаутӱ хамт жавӱлӱ* 'он уехал вместе с Алтансаном';

эдал 'подобно': *тер шамтӱ эдал шадалтӱ* 'он такой же сильный, как и ты';

Союзы. В говоре представлено незначительное количество союзов, известных из СПИМЯ. К ним относятся: *бā 'и', бөгөд 'и, да', болон и болбо 'и', мөртөн 'а', 'хотя'*, которые используются в основном для связи однородных членов предложения. Примеры: *биден мал ба хогон тегш өслөн 'мы одинаково разводим и крупный скот и овец'; емел ба хаджаран нашан орул 'внеси сюда седло и уздечку'; жер хун джалу бөгөд гинхэ 'тот человек молодой и стеснительный'; ајаг болон шанган дөшөн, шредерт тев 'чашки и разливательную ложку положи наверх, на стол'; ші гертес малаг болдо белі эштр 'ты принеси из дому шапку и рукавицы'; дүмнй бага мөртөн эмтга 'мой младший брат молодой, а робкий'*.

Следует отметить, что союзов в говоре мало, встречаются они в разговорной речи редко.

Частицы. В говоре встречаются достаточно часто и придают дополнительные модальные оттенки значениям отдельных слов, словосочетаний и предложений. Частицы делятся на следующие группы.

Вопросительные:

а) *Г* употребляется с изъявительными формами (в основном с глаголом настоящего-будущего времени на -нā): *шī магаш јавнī ? 'едешь ли ты завтра?'; тер шэгән үдөжәнī ? 'пьет ли он чай?'; ае бадагаән јөджәнī ? 'ест ли отец свою пищу?'*. Частица *Г* встречается также и при имени существительном: *ене манэ үхрī ? 'это ваш скот?'*

б) *ү* ставится после формы прошедшего времени: *аджэ хоршон дөр ошджү ? 'ходил ли отец в кооператив?'; тер ерт јавджү ? 'рано ли он уехал?'; шī магаән јөджү ? 'ты поел мяса?'*

в) *е, бī (оī), ба* встречаются с именами и причастиями: *тер хенī мөров ? 'тот чей конь?'; та хедī малтэ бī ? 'сколько у вас скота?'; тер дэс штī ба ? 'тот пояс твой?'; та хеджэ јрсен бī ? 'когда вы приехали?'* Как видно из примеров, все они стоят в конце слова, к которому относится вопрос.

Отрицательные:

1) препозитивные: а) *үл* употребляется в основном с формой причастия на -ш: *үл бүтеш јимнэ үгөр бү үг хī 'не стоит принимать во внимание слова человека, который не выполнит обещание'*; б) *ес* в говоре встречается редко, в основном перед формами причастий: *ес бүссенёр бү ашлā 'из-за того что не исполнилось (намеченное), не расстраивайся'*.

2) постпозитивные: а) *үгэ (үгүгэ)* встречается в основном с отдельными формами причастий и деепричастий: *тер херсанүгэ 'он не пошел домой'; багш јавдж үгүгэ 'учитель не уехал'*; б) *дэ* (< письм. монг. *edül, dül* 'еще не') употребляется с формой причастия настоящего времени: *бī бас олудэ 'я тоже еще не нашел'; тер сердэ 'он еще не проснулся'*.

Частицы запрета: *бү* — препозитивная частица, встречающаяся лишь при повелительно-желательных формах: *усанд бү орд 'не входи в воду'; шī бү үр хурд бэ 'ты не злился'*.

Утвердительные:

а) *л:* *ене ушрī тер л меден 'причину этого именно он знает'; аш шэ сэн л үлā 'брат вдоволь напился чаю';*

б) *шү: нохō хаджан шү, бү гар хур* *не трогай, укусит собака*; *тер сүс минī дү шү* *тот, сидевший, — мой младший брат*;

в) *дā: шТ хурдан жавас дā* *ты скорее поезжай*; *тā туралд орбс дō* *ты походи на собрание*; *хү нег гуа ден дō* *мальчик ест дыню*; *малын шайын гбс дō* *отгони подальше свой скот*.

Уступительные:

а) *ш* ставится отдельно от слова: *енī би ш шатхүг* *это и я не смог сделать*; б) *шаг (шүлү, шүлтэ): хенī үгī шаг сонсохүг* *хотя никого (буничьих слов) и не слушает*. Этимология частиц *шүлү, шүлтэ* остается пока неясной.

Частица одобрения *джэ*, например: *шī манēд ошдō минī ном а ирб.* — *джэ, би авад ирјб* *ты сходи к нам и принеси мою книгу. — Ладно, привнесу*. В основном эта частица употребляется при ответе на просьбу стоящих.

Частица сомнения *бā*, например: *тер гертбс гардж жавсан танē бā* *тот, который вышел из дома, ведь ваш брат*; *ене үдер шннк долбн бā* *сегодняшний день не седьмое ли число месяца?*

Междометия служат для выражения чувств и побуждения. В говоре зафиксирована лишь группа междометий, передающих чувства:

а) *ē, ī* выражают чувство сожаления, досады, пренебрежения: *ē, хїра хүн!* *о! несчастный человек!*; *ī, шī јү ш хїдж шадатхүг* *эх, ты ничего не умеешь делать*;

б) *ōш (дā)* выражает чувство сожаления: *ōш, тā јамар амар үгүг хүн!* *ай! какой вы беспокойный человек!*

в) *нү* выражает чувство отвращения: *нү, јамар мүхā үнер јмī* *фу, какой отвратительный запах*;

г) *јā, јā -јох* выражают чувство сильной боли: *јā, гармнн тгв, өвддж* *ой! выпусти руку, больно!*

д) *јї-јї* выражает чувство удивления, восхищения: *јї-јї, үджидж өг!* *о! посмотри-ка!*

е) *ш-шī* выражает чувство неприятного ощущения холода: *ш-шī, ене үдер јамар хїтен үдер јмī* *брр, какой сегодня холодный день*. Все перечисленные междометия являются непроезными.

ДЖАСАГТУСКИЙ ПОДГОВОР

Хошун входил в состав Хулунбуирского и Джеримского аймаков. Речь телей хошуна Джасагту-ван сохраняет некоторые отличия, обусловленные территориальным положением, что позволяет выделить его в качестве отдельного подговора.

Особенности фонетики. Гласный *ō* СПМЯ в джасагтуском подговоре читается в виде более узкого огубленного гласного *ү^б*:

⁶ Речь племен хорчин, джарут и горлос в основном одинакова. Состав гласных и согласных звуков в них также одинаков, но в произношении каждого из них заметны некоторые отклонения.

	Дархан	Джасагту	Джарут	Горлос
<i>öndür</i> "высокий"	үндөр	үндөр	үндөр	үндөр
<i>ölügei</i> "люлька"	үлгй	үлгй	үлгй	үлгй
<i>dörüge</i> "стремя"	дүрб	дүрб	дүрб	дүрб

Однако в зависимости от произношения носителей того или другого говора гласный *ö* может реализоваться и как *ө*, и как *ү*. Ср., например: *mönggün* "серебро", дархан *мүң(ен)*, джасагту *мөң(өн)*, джарут *мүң(ен)*, горлос *мөң(өн)*.

Благодаря влиянию аффрикат *ʃ* и *ʒ* гласный *ө* первого слога слова в хорчинском говоре в целом (т.е. в говоре и подговоре) имеет тенденцию перехода в более узкий гласный *ɪ*, например:

	Джасагту	Джарут	Горлос
<i>ʃebseg</i> "оружие"	дʒеґсег	дʒеґсег	дʒеґсег
<i>ʒeʒen</i> "мудрый"	шʒиʒн	шʒиʒн	шʒиʒн

В небольшом количестве слов старописьменному монгольскому *u* соответствует в говоре гласный *o*. Аналогичное наблюдается и в речи джарут и горлос, например:

	Хорчин	Джарут	Горлос
<i>buda-</i> "красить"	бодо-	бодо-	бодо-
<i>mungqay</i> "невежественный"	моңгог	моңгог	моңгог

В отличие от них в джасагтском подговоре старописьменный монгольский *u* сохраняется. Подобное заметно и в речи горлос, например:

	Джасагту	Горлос
<i>bulay</i> "родник"	булаг	булаг
<i>subud</i> "жемчуг"	субуд	субуд

В хорчинском говоре и джасагтском подговоре не имеет места перелом гласного *ɪ* в следующих словах:

	Хорчин (дархан), Джасагту
<i>kiʃayalang</i> "четырёхгодовалый" (о животных)	хиджялан
<i>bitegü</i> "канун Нового года"	битү
<i>biʃegü</i> "точильный камень"	биʃү
<i>stregün</i> "грубый"	шрүн
<i>kiʃyasun</i> "волос (конский)"	хлгас(ан)

В речи горлос вместо хорчинского *шалдж* "клеш (накожный)" произносятся *шлдж*.

Замечается переход СПМЯ *ʃ* или *ʒ* перед согласными *t*, *ʃ* и *s* (*ʃ*) в хорчинском говоре и джасагтском подговоре в спирант *x*. Примеры:

	Хорчин	Горлос
<i>mayta-</i> "хвалить"	махта-	махта-
<i>aysum</i> "буйство"	атсам	атсам

Однако иногда и в самом хорчинском, и в речи горлос γ или g остаются без изменения:

<i>joγsoγa-</i>	*прекращать*	<i>джоxсō-</i>	<i>джоxсō-</i>
<i>jigsi-</i>	*испытывать*	<i>джигш-</i>	<i>джигш-</i>
	отвращение*		

В джасагтуском подговоре известны чередования:

- а) вместо аффрикаты γ в нем употребляется иногда взрывной согласный $д$, например: *degüjite-* *привесить*, в джасагту *дүдле-*, в горлос — *дүдгле-*;
 б) в небольшом количестве слов вместо $н$ встречается $л$:

		Джасагту	Горлос
<i>nabči</i>	*листья*	<i>лэвш</i>	<i>лэвш</i>
<i>nabte</i>	*сквозь*	<i>лэшт</i>	<i>лэшт</i>

в) несколько изолированным представляется чередование в хорчин и джасагту согласных $н/л$:

		Хорчин (дархан)	Джасагту
<i>Intyedün</i>	*смех*	<i>төд(ен), тјөд(ен)</i>	<i>төд(ен), тјөнү</i>
<i>sonin</i>	*новость, весть*	<i>сөнт, сөйт</i>	<i>сөнт, сөйт</i>
<i>ünür</i>	*запах*	<i>үнер, үјер</i>	<i>үнер, үјер</i>

Слово *тјөнү* *смех* кроме джасагтуского подговора зафиксировано еще в речи горлос.

В небольшом количестве слов наряду с образованием долгого гласного сохраняется интервокальный согласный, например:

		Хорчин (дархан)	Джасагту
<i>slgüderl</i>	*роса*	<i>сүндер</i>	<i>сүндер</i>
<i>boγumta</i>	*преграда*	<i>богбмт</i>	<i>ббмт</i>
<i>barγan</i>	*скарб*	<i>баргән</i>	<i>баргән</i>
<i>ayalji</i>	*паук*	<i>агәлдж</i>	<i>атгәлдж</i>

За пределами хорчинских хошунов харчины и туметы Джостуского аймака произносятся слово «паук» как *агәлдж*, монголы хошуна Джалайт — в форме *атгәлдж*. Дурбеты и горлосы отличаются несколько особым произношением его как *атгәлдж*.

Соответствие СПМЯ аффрикаты γ в позиции перед $т$ и остальными гласными джасагтускому спиранту $ш$ сближает последний с хорчинским говором. Эта характерная черта присуща также речи джарут и горлос.

<i>čillüge</i>	*свободное время*	<i>шөлө</i>	<i>шөлө</i>	<i>шөлө</i>
<i>čitsün</i>	*кровь*	<i>шус(ан)</i>	<i>шус(ан)</i>	<i>шус(ан)</i>
<i>čog</i>	*горящий уголь*	<i>шот</i>	<i>шот</i>	<i>шот</i>
<i>čarča-</i>	*охлаждаться*	<i>шарша-</i>	<i>шарша-</i>	<i>шарша-</i>

Мы уже отмечали, что широкое употребление спиранта $ш$ служит известным критерием для выделения хорчинского говора среди всех остальных говоров и диалектов. В настоящее время представляется возможность точно установить границы распространения спиранта $ш$. Помимо хорчин к γ -говору

близки джасагтский и джалайт-дурбетский подговоры и речь племен джарут, северных и южных горлос.

Особенности морфологии. Характерной чертой склонения в джасагтском подговоре является наличие направительного падежа. Об образуется прибавлением к основе имени суффикса *-джү*, восходящего к послелогу *джүг* (имени со значением «сторона, направление»). Если в речи хорчин (дархан) *джүг* встречается в полной форме (например, *шĭ үлан джүг үджĕ* «ты посмотри на гору») и отдельно от слова, то в джасагтском подговоре он, приобретая долготу, пишется слитно, как любой падежный суффикс, например: *манĕ мбрĭд усанджү ĭрлĕ* «наши кони пришли к водопою»; *тер нох надджү ĭрлĕ* «та собака прибежала ко мне»; *минĭ ахĭ хон худанджү јавлĕ* «овцы моего брата направились к колодцу».

Послелог *үрү* употребляется так же, как и в хорчин, например: *тер мбртĕ хүн ĕл үрү ордж ĭрджĕ* «тот всадник въехал в селение». Здесь *үрү* сохраняет свое послеложное значение. То же самое и в джарутской речи: *хад үрү унлĕ* «упал с горы»; *гер үрү орлĕ* «вошел в дом».

В отличие от говора в джасагтском подговоре сохраняются две формы порядкового числительного. Помимо единого для говора и подговора суффикса *-дугар* (например, *гурав* «три» — *гуравдугар* «третий») в джасагтском подговоре имеется суффикс *-дахи*, который по типу порядковых числительных в бурятском языке пишется слитно. Примеры:

Хорчин (дархан)		Джасагту
<i>негдугар</i>	«первый»	<i>негдугар, негдахи</i>
<i>дүрөвдугар</i>	«четвертый»	<i>дүрөвдугар, дүрөвдахи</i>
<i>тавдугар</i>	«пятый»	<i>тавдугар, тавдахи</i>

В речи джарут и горлос суффикс *-дахи* не зафиксирован, как джаруты, так и горлосы используют суффикс *-дугар*: *гушдугар* «тридцатый», *јиддугар* «девятый» (джарут) и *тавдугар* «пятый», *долбдугар* «седьмой» (горлос).

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *бĭ* «я», *шĭ* «ты» также сохраняют супpletивные основы косвенных падежей. Ср. следующую парадигму:

1-е л. ед.ч.	Джасагту	Джарут	Горлос
Им.	<i>бĭ</i>	<i>бĭ</i>	<i>бĭ</i>
Род.	<i>минĭ</i>	<i>минĭ</i>	<i>минĭ</i>
Дат.-местн.	<i>нĕд</i>	<i>нĕд, намĕд</i>	<i>нĕд</i>
Вин.	<i>менĕг</i>	<i>немĕг</i>	<i>немĕгт</i>
Исх.	<i>нĕдĕс, надĕс</i>	<i>нĕдĕс, намĕс</i>	<i>нĕдĕс</i>
Орудн.	<i>надĕр</i>	<i>надĕр</i>	<i>нĕдĕр</i>
Совм.	<i>надтĕ</i>	<i>надтĕ</i>	<i>нĕдтĕ</i>

2-е л. ед.ч.	Джасагту	Джарут	Горлос
Им.	<i>шĭ</i>	<i>шĭ</i>	<i>шĭ</i>
Род.	<i>шинĭ</i>	<i>шинĭ</i>	<i>шинĭ</i>
Дат.-местн.	<i>шамд</i>	<i>шамд, шамĕд</i>	<i>шамд, шĕмĕд</i>
Вин.	<i>шĕмĕг(г)</i>	<i>шĕмĕг</i>	<i>шĕмĕгт</i>

Иск.	шамās	шэмэйās	шэмэйās
Орудн.	шамār	шамār, шамāгār	шэмэйār
Совм.	шамтэ	шамтэ, шамātэ	шэмэтэ

Местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа не имеют отличий внутри говора, хорчины, джаруты и горлос произносят их одинаково.

Система глагола в джасагтуском подговоре та же, что и в хорчинском говоре. Существенных различий ни в образовании, ни в значении и употреблении их не наблюдается.

Здесь мы обращаем внимание лишь на те немногие черты, которые не были учтены при общей характеристике хорчинского говора. Эти же особенности типичны и для джасагтуского подговора.

В хорчинском говоре и подговоре джасагту, а также в речи джарут встречается суффикс *-тай* (*-тайā*), образование и значение которого пока не ясны. См. примеры: *шī ene эджлī хлētэй* 'сделать бы тебе эту работу'; *шī гертэй нег сугтай* 'посидеть бы тебе немного дома' (джасагту); *бид тэргāн үджētэй* 'посмотреть бы нам свои посева'; *бид эшрсан бадāгāн идджлāгтай* 'покушать бы нам принесенную пищу' (джарут).

В говоре и подговоре, а также в речи джарут употребляется глагольная форма *-лагуэ*, состоящая из *-лаг* и отрицания *гуэ*. Семантика *-лаг* не совсем ясна. Может быть, *-лаг*, присоединяемый к основе глагола, представляет собой суффикс, образующий отглагольное имя с отвлеченным значением типа «делание», «хождение», «говорение». В джасагтуском подговоре зафиксированы примеры: *шī јавлагуэ* 'ты не ходи'; *та мбрōн өлөгүэ* 'вы не отдавайте своего коня'; *шīm бол шī хлөгүэ* 'если так, ты не делай'.

Во всех говорах и диалектах известна глагольная форма на *-л* + отрицание *үгүэ*, например: *енī хелел үгүэ болхүэ* 'не сказать об этом нельзя'; *тер хүшнī хл үгүэ јавшнджэ* 'оказывается, он уехал, не закончив работу'.

Однако между указанными выше двумя формами есть и отличие. Записанные в говоре примеры говорят о том, что глагол с *-лагуэ* замыкает предложение, за ним не следует другое слово или частица.

Обратим внимание на еще одно глагольное образование. Здесь речь идет о группе глаголов с суффиксом *-сгэ* (несамостоятельная форма на *-с + г* - 'говорить' или *хл* - 'делать').

В подговоре и хорчинском говоре зафиксировано несколько примеров на глаголы движения и состояния с суффиксом *-сгэ*. Присоединяясь к основе побных глаголов, суффикс *-сгэ* несколько видоизменяет лексическое значение исходной основы, ср.: *тер эрхл хлүл* 'подогрей то вино' - *тер эрхл хлүлсгэ* 'немножко подогрей то вино'; *шī амрā* 'ты отдохни' - *шī амрасгэ* 'ты немножко отдохни'; *тā энд хүлэ* 'вы подождите здесь' - *тā энд хүлэсгэ* 'вы немножко подождите здесь'; *шī урашāн јав* 'ты пройди вперед' - *шī урашāн јавсгэ* 'ты немножко пройди вперед'. Эти соотносительные пары глаголов передают разные действия. В данном случае суффикс *-сгэ* привносит в глагольную основу значение кратковременности, ограниченности действия. Это своеобразно недолго длящегося действия, протекания его в ограниченных пределах. Лишний раз подчеркивается в хорчинском постановкой перед глаголом на *-сгэ*

таких поясняющих слов, как *нег бага* 'немного, немножко', например: *шэйтэн нег бага халүүлсгэд авад ир* 'немного подогрей чай и носи его сюда'.

Мы уже отмечали, что типичным для разговорной речи является наличие предварительного деепричастия на *-нэрэн*, которое встречается во всех говорах и подговорах восточного диалекта.

В говоре и джасагтуском подговоре часто глаголы с суффиксом *-нэрэн* могут быть заменены:

а) глаголами на *-сэр* (продолжительное деепричастие): *би тер хүнт үссэр тэнджэ* (*би тер хүнт үджнэрэн тэнджэ*) 'как только увидел того человека, я (тут же) узнал его';

б) глаголом в прошедшем времени с последующим за ним глаголом *ге-* (в переносном значении 'полагать, решить') в форме продолжительного деепричастия: *бид хеллэ гесэр медджиджэ* (*бид хелнэрэн медджиджэ*) 'как только мы сказали, нас поняли'; *ш! ирвэ гесэр бид яван* (*ш! ирнэрэн бид яван*) 'как только ты придешь, мы пойдем'.

При втором варианте характерно то, что вспомогательный глагол *ге-* может быть опущен, ср.: *-ендэс нутаг хүртел хол?* 'далеко ли отсюда до кочевий?'; *тол үгүэ, мүн дбр гарлэ* (вместо ожидаемого *гарнэрэн, гарлэ гесэр*) *хүршлен* 'нет, недалеко. Как только спуститесь вниз, считайте, что вы уже добрались'; *мн! аз эрх дэхүгэ, нег бага үвэ* (вместо ожидаемого *үнэрэн, үвэ гесэр*) *солтон* 'мой брат не выносит алкоголя, как только немного выпьет, становится пьяным'.

ДЖАЛАЙТ-ДУРБЕТСКИЙ ПОДГОВОР

Носители джалайт-дурбетского подговора живут в разных местах: джалайты — на территории Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия, а дурбеты — в провинции Хэйлуцзян, за пределами Внутренней Монголии.

Джалайты составляют население одного хошуна под наименованием Джалайт. Хошун граничит на севере с солонами Хулунбуирского аймака, на востоке — с дурбетами, на юге — с горлосами провинции Хэйлуцзян, а на западе — с хорчинами. Джалайты много веков живут рядом с хорчинами западного крыла (Туше-гун, Джасагту-ван).

Дурбеты также составляют один хошун, граничащий на севере, востоке и юге с провинцией Хэйлуцзян, а на западе — с джалайтами Хулунбуирского аймака.

Особенности вокализма и консонантизма. Состав гласных звуков джалайт-дурбетского подговора не отличается от хорчинского говора. В нем гласные первого слога *a* и *o* благодаря влиянию гласного *i* второго слога развились в гласные переднего ряда *э* и *ё*. Примеры: *takiya* 'курица', *әйәтүг* 'платок', *qoni* 'овца', *җори* 'стремиться' — джал.-дурб. *тэхә*, *эшүр*, *хөн*, *джөр*.

Если дифтонги *ai* или *oi* СПМЯ в конце слова отражаются в джалайт-дурбетском говоре как долгие *э̄* или *ё̄*, то гласными первого слога стано-

вятся соответственно краткие гласные ϵ или \bar{o} , например: *datal* 'океан', *ḡa-ral* 'лицо', *oroi* 'поздно', *qormai* 'подол' — джал.-дурб. *ḡelḡ*, *ḡerḡ*, *ḡrḡ*, *ḡbrḡ*

Характерная для всего хорчинского говора фонетическая особенность — развитие аффрикаты \check{c} (как перед гласной *l*, так и перед остальными гласными) в спирант *ш* — является общей и для джалайт-дурбетского подговора. Джалайты и дурбеты на месте старописьменной монгольской аффрикаты \check{c} и спиранта *s* произносят лишь один спирант *ш*, что обликает их речь с речью хорчин. Примеры: *qayučin* 'старый', *ḡisun* 'кровь', *temeḡe-* 'бороться', *viḡḡu-* 'возвращать', *ḡabḡi* 'листья' — джал.-дурб. *xuḡin*, *ḡut(ан)*, *ḡeḡi-*, *ḡuḡa-*, *ḡeḡeḡ*.

Одной из типичных черт подговора является отсутствие в составе согласных звуков переднеязычного согласного — спиранта *s*, известного во всех остальных говорах Внутренней Монголии, а также и во всех других монгольских языках.

Употребление вместо него взрывного *т* придает речи джалайт-дурбет исключительное своеобразие, выделяя в этом отношении джалайт и дурбет среди всех остальных монголов.

Обилие слов со взрывным *т* становится четко различимым признаком, определяющим подговор в целом. Остается, однако, неясным, был ли он с самого начала *t*-подговором, или это результат более позднего развития, когда *s* был заменен на *т*.

Хорчин		Джалайт-дурбет
<i>сар</i>	'луна, месяц'	<i>тар</i>
<i>сургаḡ</i>	'школа, учеба'	<i>тургаḡ</i>
<i>шас(ан)</i>	'снег'	<i>шат(ан)</i>
<i>согтḡ</i>	'пьяный'	<i>тогтḡ</i>
<i>асуḡт</i>	'вопрос'	<i>атуḡт</i>
<i>соḡḡḡ</i>	'левша'	<i>тоḡḡḡ</i>
<i>джоḡсо-</i>	'стоять'	<i>джоḡто-</i>
<i>джаḡас(ан)</i>	'рыба'	<i>джаḡат(ан)</i>
<i>соḡḡ-</i>	'менять'	<i>тоḡḡ-</i>
<i>соḡсо-</i>	'слышать'	<i>тоḡто-</i>
<i>боḡсо-</i>	'вставать'	<i>бото-</i>
<i>туḡсла-</i>	'помогать'	<i>туḡтла-</i>

Имеется лишь несколько слов, где вместо ожидаемого *т* встречается \check{d} (в конечной позиции), например:

	Хорчин	Джалайт-дурбет
<i>ḡes, ḡs</i>	'медь, медный'	<i>ḡḡis</i>
<i>bḡs</i>	'ткань, материя'	<i>бḡḡ</i>
<i>ḡerḡes</i>	'завет, завещание'	<i>ḡerḡḡ</i>
<i>qubḡḡasun</i>	'одежда, платье'	<i>xoḡḡos(он)</i>
		<i>xuḡḡad</i>

Из аффрикат известна только *дж*. Старописьменная монгольская аффриката \check{c} как перед гласной *l*, так и перед остальными гласными остается в подговоре без изменения, т.е. сохраняет свой шипящий характер. Примеры:

Joba 'мучиться', *qajayar* 'уздечка', *Yiguyap* 'шесть', *Jüsum* 'ломоть, кусок', *ayafñi* 'паук', *Yiguya* 'иноходь' — джал.-дурб. *джого-*, *хэджар*, *джурга(н)*, *джутем*, *атгадж*, *джорб*.

Особенности морфологии. Множественное число образуется так же, как в хорчинском говоре, используются те же суффиксы. Следует лишь отметить, что в подговоре суффикс *-т* не имеет самостоятельного употребления, он выступает вместе с другим, в удвоенном виде как *-түд*, например: *ноjin* 'нойон, князь' — *нотүд*; *ем* 'женщина' — *емтүд*. Ср. во фразах: *теринт jixtūd daxād jaxtīmī?* 'последовал ли он за взрослыми?'; *шулардж бэтан ертүдшинт jaxtīmī?* 'куда делись мужчины, которые стояли группой?'. .

В результате определенных фонетических явлений некоторые падежные формы в подговоре принимают своеобразный облик. Винительный падеж не имеет суффикса *-и*, в нем могут встречаться или *ī*, или *-иī*; первый вариант присоединяется к основам имен, оканчивающихся на все согласные, а второй — к основам на долгие гласные: *мөд*, *мод(он)* 'дерево' — *мөдī*, *модī*; *гер* 'дом' — *герī*; *утат(ан)* 'нитка' — *утатī*; *дү* 'младший брат' — *дүиī*; *шулү(н)* 'камень' — *шулүиī*.

Исходный падеж в джалайт-дурбетском образуется суффиксом *-āt*, соответствующим хорчинскому *-āo*: *шат* 'время' — *шатāt*; *гол* 'река' — *голтāt*; *гер* 'дом' — *герēt* (*бүд ене голтāt ут аван* 'мы берем воду из этой речки'; *теринт емшēt джалтан ем* 'то — лекарство, прописанное врачом'; *шатāt шатан jimē?* 'разве это белее снега?'; *децнēt бāхан голд тү* 'сядь подальше от лампы').

В джалайт-дурбетском зафиксирован суффикс направительного падежа *-джү*. Он имеется в речи носителей джасагтуского подговора, территориально наиболее близкого к джалайтам. Примеры: *тер түн мэмь герджү јавджэн* 'тот человек идет по направлению к нашему дому'; *тугалд голджү јавлә, ші гарād үджешт* 'телята направились к реке, выйди и посмотри (что с ними)'; *тер худадджү јавлә* 'он отправился к колодцу'.

Имя числительное отличается незначительными фонетическими особенностями. Ср.: хорч. *јүс(ен)* 'девять' — джал.-дурб. *јүт(ен)*. Обращает внимание наличие в подговоре нескольких счетных слов, сходных с такими же в хорчинском говоре. Несколько примеров из дурбетского: а) *толог* 'штука (голова)' для счета животных, но здесь относится к овощам: *бүд тер джл джүн толог туанда авлә* 'в том году мы получили сто головок чеснока'; б) *ул* 'корень' (для растений, овощей): *Батүнāхан шатан ногд мэчан ул авас* 'семья Бату получила тысячу кочанов капусты'; в) *бөлт* 'связка' (для растений): *хөрон бөлт үст хаджэ* 'накосили двадцать связок травы'; г) *гер(р)* — для счета сигарет: *нег гер) дамаг үјә* 'выкурим по одной сигарете'.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *би* 'я' и *ши* 'ты' в косвенных падежах имеют небольшие отклонения от джасагтуского подговора:

Им.	<i>би</i>	<i>ши</i>
Род.	<i>мині</i>	<i>шині</i>
Дат.-местн.	<i>над</i>	<i>шамд</i>
Вин.	<i>манē, мэнсēt</i>	<i>шэ мс̄, шэмсēt</i>

Исх.	<i>nādāt</i>	<i>шамāt</i>
Орудн.	<i>nādār</i>	<i>шамār</i>
Совм.	<i>nādēt</i>	<i>шамēt</i>

В падежах дательного-местного, исходного, орудного и совместного употребляются основы *nād-* (*nād-*) для 1-го лица, *шам-* для 2-го лица, к ним присоединяются суффиксы соответствующих падежей. Все остальные разряды местоимений в хорчинском говоре и джалайт-дурбетском подговоре образуются и употребляются одинаково.

Некоторые глагольные категории в джалайт-дурбетском подговоре могут оформляться иначе, чем в хорчинском, в зависимости от фонетических изменений. Отдельные суффиксы ограничены в своем использовании.

В речи дурбет заметна предпочтительность в употреблении суффикса глагола прошедшего времени *-дж* (вместо суффикса с долгим гласным), например: *бид үшгедер јирдж* *мы приехали вчера*; *тер шимё јиртен хбн јавдж* *он уехал после того, как получил известие*. Однако употребительна и вторая форма глагола на *-джэ*.

Причастие прошедшего времени имеет суффикс *-тан*: *шэмэ јастанд би байлаа* *я радуюсь твоему отъезду*; *мині ху хбн хэрүлтан билэ* *мой сын пас овец*; *хоршбнд оштон улт јирджэ* *вернулись люди, которые ездили в кооператив*.

В качестве суффикса продолжительного деепричастия употребляется *-тар*: *мортэ хүн доволтоёр јилэ* *прискакал верховой*; *бид малан утазтөр*; *бэгид үдрт баршиджэ* *весь день потратили на то, чтобы напоить скот*.

Редко встречается в подговоре суффикс деепричастия цели *-хүг*. Он замещается суффиксом *-ха* или *-хәр*, например: *би хэталаг түгөр ошно* *я по собирать топливо*.

Типичная для восточного диалекта разговорная форма предварительного деепричастия на *-нарән* известна и джалайт-дурбетскому подговору, например: *ул гарнарән борбн ордж* *как только появились тучи, пошел дождь*; *менэ јан нарән тер хүрэд јирдж* *как только я ушел, он пришел*; *тер хэрдж јирнөрән хэтәдж* *как только он вернулся, зажег огонь*.

Весьма близкими к нему по значению являются несколько деепричастных и глагольных форм. Его замещают: продолжительное деепричастие на *-тәр* (*би терт үджтөр тәндж* *как только его увидел, узнал*); слитное деепричастие на *-н* (*тертөн орон гарад јавшигджэ* *как только вошел, тут же вышел из дома*); форма прошедшего времени на *-лэ* (*шг хеллэ, би ошлэ* *как только ты сказал, я пошел*). Здесь четко проявляются функциональная близость отдельных глагольных форм, переплетение и совпадение их значений. Несмотря на многие соответствия, суффикс *-нарән* бытует как один из отличительных признаков восточного диалекта.

В отличие от хорчинского говора в речи дурбет сохраняется лишь одна форма глагола *а-* *быть*. Это форма прошедшего времени на *-джэ*, т.е. *аджэ*, например: *тер хүн тән хүн аджэ* *тот был хорошим человеком*.

В подговоре зафиксирована и связка *билэ*: *минт нершиг хен билэ?* *как твое имя?*; *минт мөршиг тән мөр билэ* *мой конь был хорошим конем*; *тер үшгедер јиртен билэ* *он приехал вчера*.

В речи дурбет имеется разделительный союз *бују* со значением 'или, либо', например: *бада бују шэ* 'еда (обед) или чай'; *шаган бују хар* 'белый или черный'. Иногда *бују* заменяет и описательная форма с отрицанием. Вместо *ногди бују шар* 'зеленый или желтый' употребляется *ногди бши болул* (вместо *болбол*) *шар* 'если не зеленый, то желтый'.

Как и во всем говоре, в джалайт-дурбетском подговоре существуют разные фонетические варианты одного и того же наречного слова: *енд*, *менд* 'здесь, тут' (*шэ менд бэджэ* 'ты побудь здесь'); *тенд*, *метенд* 'там' (*би менд ошод ирјэ* 'я схожу туда и вернусь'); *нендэт*, *мендэт* 'отсюда' (*мендэт бу јав* 'отсюда не уезжай'); *метендэт* 'оттуда' (*мишэ тусиди метендэт авад ир* 'оттуда привеси мое одеяние'); *нашэн*, *нашэн*, 'сюда, поближе' (*шэ бу на-шэн*, *шашэн јавадлэ* 'ты не ходи туда, сюда'); *шашэн*, *шашэн* 'туда дальше' (*шэ шашэн тэ* 'садись подальше'); *дшэн*, *дшэн*, 'вниз, ниже' (*бу унделджд бэ*, *дшэн тэ* 'не приподнимайся, сиди внизу'); *хэн*, *хэн* 'сзади, позади' (*мөр-шэн хэн бэн* 'конь твой чаходится сзади (чего-то)'); *гадэн* 'вне, снаружи'. 'на улице' (*гадэн борон орджен* 'на улице идет дождь'); *орб* 'поздно' (*би ене тун димэ унтатјуэ*, *орб ботджэ* 'я сегодня ночью спал неважно, [позто-му] проснулся поздно'); *одб*, *мунэ* 'теперь, сейчас' (*шэ мунэ ју хиджен* 'что ты сейчас делаешь?'); *урхелдждэн*, *хедждэн*, *нандидэн* 'всегда, постоянно' (*ене ақа менэ енд нандидэн ирне* 'этот ребенок всегда ходит к нам'; *шэ урхелдждэн тенд тухимэ* 'ты всегда там будешь жить?').

Джалайт-дурбетский подговор отличает еще и характер употребления вопросительной частицы *г*. Хотя это не является нормой, но в подговоре замечено частое использование частицы *г*, присоединяемой к сказуемому, осложненному словом *јим*, *јум* 'вещь, нечто, действительно'. Ср. несколько примеров: *та нар енд хурдж иртимэ?* 'вы приехали сюда?'; *ене удер шэ хоршод оштимэ?* 'был ли ты сегодня в кооперативе?'; *шамд тен хелдж өгхитэ?* 'кто тебе скажет?'. При наличии вопросительного слова частица *г* может быть опущена: *шэ ју гедж хуред иршитимэ?* (*шэ ју гедж хуред иршитимэ?*) 'почему ты вернулся?'. .

Иногда между вопросительной частицей и вопросительным словом может быть вставлена частица *ш* со значением 'не': *шэ туншјэ?* 'не ты ли сидел?'; *шшэн үдэн бада јуменшјэ?* 'разве ты не обедал?'. .

Когда имеет место самостоятельное использование *бши* 'не', то частица вопроса присоединяется к частице *бши*: *шэ хэт элд туджштан бши?* 'не жил ли ты в аиле, что на северной стороне?'. .

В джалайт-дурбетском подговоре зафиксирована частица запрета *бтг* 'не', которая ставится перед повелительно-желательными формами глаголов, например: *тернер бтг хелул* 'с ним ты ничего не передавай (устно)'; *бтг үр хуре* 'не злись'; *бтг тошто* 'не слушай'; *удэн бтг јава* 'долго не ходи'. .

Чисто разговорной формой является частица *анэ*, которая употребляется в значении согласия совершить то или другое действие. Кроме дурбет она встречается и в речи джасагту, например: *шэ хоршонд ошну?* — *анэ*, *би ошну* 'пойдешь ли в кооператив? — Да, я пойду'; *минэ хелтнэ меджджју?* — *анэ*, *меджджэ* 'понял ли, что я сказал? — Да, понял'. .

Харчины давно проживают вместе с китайцами в провинции Жэхэ, а туметы — частью в провинциях Жэхэ и Ляонин. С получением монголами своей автономии провинция Жэхэ снова вошла в состав Внутренней Монголии в качестве Джостуского аймака.

Харчины делятся на три хошуна: хошун западного, среднего и восточного крыла. Туметы два хошуна: хошун западного крыла в уезде Чаоянь провинции Жэхэ и хошун восточного крыла в уезде Фусинь провинции Ляонин.

Харчины и туметы издавна занимаются земледелием. Лучше других монголов они усвоили китайскую культуру и язык. Большинство (особенно молодежь) стало двуязычным, в некоторых местах, проживая длительно среди китайцев, они стали забывать родную речь. Общая численность населения харчин и туметов составляет 354 000 человек. Небольшая часть туметов несколько веков проживает на месте, близ г. Хухэ-Хото, центра Автономного района Внутренняя Монголия.

Особенности фонетики⁷. Состав гласных звуков харчин-туметского говора не отличается от хорчинского; в нем имеются те же гласные переднего ряда $\varepsilon, \bar{\varepsilon}, \bar{o}, \bar{ö}, \bar{y}$, которые характерны для всего восточного диалекта. Ср. несколько примеров: *qaŋaŋar* 'узdecka', *datal* 'океан', *doklya* 'сигнал', *üyle* 'дело, деяние' — харч.-тум. *хэджэр, дэлэ, дөхө, үл.*

Однако для говора характерны и некоторые специфические особенности в реализации гласных первого слога слова, которые отличают его от остальных говоров восточного диалекта.

Различие в употреблении γ , соответствующего \bar{o} СПМЯ, проходит по всем говорам восточного диалекта, составляя отличительную черту диалекта в целом, однако распределение \bar{o} и γ по говорам неодинаково, ср.:

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>östye</i> 'месть'	$\gamma\bar{sh}\bar{e}$	$\gamma\bar{sh}\bar{e}$
<i>ölügel</i> 'колыбель'	$\gamma\bar{l}\bar{u}\bar{g}\bar{e}$	$\gamma\bar{l}\bar{u}\bar{g}\bar{e}$
<i>öčügedür</i> 'вчера'	$\gamma\bar{u}\bar{l}\bar{e}\bar{d}\bar{e}\bar{r}$	$\gamma\bar{u}\bar{l}\bar{e}\bar{d}\bar{e}\bar{r}, \gamma\bar{u}\bar{l}\bar{e}\bar{d}\bar{e}\bar{r}$
<i>nöğüge edür</i> 'послезавтра'	$\gamma\bar{n}\bar{u}\bar{g}\bar{e}\bar{d}\bar{e}\bar{r}$	$\gamma\bar{n}\bar{u}\bar{g}\bar{e}\bar{d}\bar{e}\bar{r}$

Соответствие γ СПМЯ гласному \bar{o} также типично для говоров восточного диалекта. И все же произношение γ как \bar{o} особенно отличает речь харчин и туметов. Если в остальных говорах — хорчинском и архорчин-баринском — замешается лишь краткий гласный, то в отличие от них в харчин-туметском говоре древний комплекс $\gamma\bar{u}\bar{l}$ отражается в виде долгого гласного $\bar{ö}$:

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>buday</i> 'краска'	<i>бодол</i>	<i>бодол</i>
<i>bulay</i> 'родник'	<i>болол</i>	<i>болол</i>
<i>ayula</i> 'гора'	<i>үл</i>	<i>өл</i>

⁷ Здесь и далее используются материалы, записанные у харчин хошуна среднего крыла (уезд Нинчэн) и туметов хошуна восточного крыла (уезд Фусинь).

<i>dayun</i> 'песня'	<i>д̄у(н)</i>	<i>д̄б(н)</i>
<i>sayu-</i> 'сидеть'	<i>с̄у-</i>	<i>с̄б-</i>
<i>bayu-</i> 'спускаться'	<i>б̄у-</i>	<i>б̄б-</i>
<i>qurai</i> 'собрание'	<i>хура?</i>	<i>хорал</i>
<i>bula</i> 'пух'	<i>бул</i>	<i>бол</i>
<i>burqan</i> 'бог', 'будда'	<i>бурхан</i>	<i>борзон</i>

Не менее интересным в речи харчин и туметов является своеобразная передача гласных переднего ряда *ö* и *õ*. Если СПМЯ дифтонги *ai* и *oi* в конце слова отражаются в харчин-туметском говоре в виде долгого *õ*, то гласным первого слога будет соответственно краткий гласный *ö*, тогда как в остальных говорах восточного диалекта (кроме джалайт-дурбетского) этот переход не обязателен.

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>qormol</i> 'подол'	<i>хорм̄õ, хõрм̄õ</i>	<i>хõрм̄õ</i>
<i>noqol</i> 'собака'	<i>нох̄õ</i>	<i>нõх̄õ</i>
<i>qoruqai</i> 'насекомое'	<i>хорх̄õ</i>	<i>хõрх̄õ</i>
<i>soluqai</i> 'левый', 'лева'	<i>солл̄õ</i>	<i>сõлл̄õ</i>
<i>onçayai</i> 'особенный'	<i>онш̄õ</i>	<i>õнш̄õ</i>

Здесь мы можем говорить лишь о некоторой тенденции в последовательности употребления *ö* и *õ* в одном слове, придающей речи харчин и туметов определенное благозвучие, своеобразие в произношении.

Вместо обычного для других говоров восточного диалекта огубленного долгого гласного *ü* (< сочетания *V-y-l*) в харчин-туметском говоре встречается долгий гласный *ĩ*, например:

	Хорчин	Арухорчин	Харчин-тумет
<i>küyiten</i> 'холодный'	<i>х̄ү̄тен</i>	<i>х̄ү̄тен</i>	<i>х̄түн</i>
<i>küytsun</i> (анат.) 'пупок'	<i>х̄ү̄с(ен)</i>	<i>х̄ү̄с(ен)</i>	<i>х̄тс(ен)</i>

Уже отмечалось, что в говорах восточного диалекта отсутствуют дифтонги и что появление их связано со словами, заимствованными из китайского языка, ср. *õйуа* 'арбуз'.

Материалы, записанные у харчин и туметов свидетельствуют, что в единичных случаях, в основном там, где в СПМЯ в первом слоге был огубленный гласный *и*, в харчин-туметском говоре наряду с гласным *у* слышится и входящий дифтонг *уа*. В экспедиционных материалах были зафиксированы следующие слова: *utus-* 'течь, протекать', *yurban* 'три', *urba-* 'изменять, предавать', *usun* 'вода' — харч.-тум. *уарса-, урса-, гуарав, гурав, уарва-, урва-, уас(ан), ус(ан)*.

В наших записях у туметов также встречается несколько слов, содержащих дифтонг *уа*. К сожалению, нам не удалось до конца выяснить, действительно ли имеет место образование дифтонга на месте краткого гласного. Просьба к информанту повторить произнесенное им не совсем ясное в фонетическом отношении слово сбывала его, он начинал приспосабливаться, переходя на общепринятое произношение слов с гласным *у*. В туметском нами за-

фиксировано: *чās* *гэджир дёр уанджэ* 'бумага упала на пол'; *беден уас ао-туэ* *ичи* 'мы пойдем за водой', где *уанджэ* и *уас(ан)* соответствуют в остальных говорах словам *унджэ* и *ус(ан)*.

В харчин-туметском говоре, как и в остальных говорах восточного диалекта, старомонгольская аффриката *ʃ* как перед гласным *i*, так и перед остальными гласными сохраняет свой исконный шипящий характер: *ʃigür* 'крыло, крылья', *ʃiууа* 'поводья, вожжи', *ʃöge-* 'таскать', *urʃinan ʃil* 'позапрошлый год', *qavayur* 'узда, уздечка' — харчин-тумет *джибер*, *джолд*, *джб-*, *урджикан джл*, *хэджар*.

По сравнению с хорчинским говором и джалайт-дурбетским подговором харчин-туметский говор отличает наличие еще одной аффрикаты — переднеязычной сильной аффрикаты *ч*. Аффриката *č* как перед гласным *i*, так и перед другими гласными остается в нем как *ч*, т.е. сохраняет шипящий характер, в то время как в хорчинском он развился в шипящий спирант *ш*, в шилингольском перед *i* согласный *č* остается, а перед другими гласными, кроме *i*, развивается в свистящую аффрикату *ч*:

	Хорчин	Шилингол	Харчин-тумет
<i>udir</i> 'случай'	<i>ушр</i>	<i>учр</i>	<i>учр</i>
<i>dingna-</i> 'слушать'	<i>шацла-</i>	<i>чагна-</i>	<i>чагна-</i>
<i>temče-</i> 'бороться'	<i>темш-</i>	<i>темче-</i>	<i>темчи-</i>
<i>čulbuγur</i> 'чембур'	<i>шулбур</i>	<i>чулвур</i>	<i>чулвур</i>
<i>čag</i> 'время'	<i>шаг</i>	<i>чаг</i>	<i>чаг</i>

Однако в ослабленных позициях в шилингольском (как и в чахарском и ордосском) аффриката *č* соответствует шипящей же аффрикате *дж*. Этого никогда не бывает в говорах восточного диалекта:

	Хорчин	Харчин-тумет	Шилингол, ордос
<i>čokl-</i> 'бить, ударить'	<i>шохл-</i>	<i>чохл-</i>	<i>джохл-</i>
<i>čisun</i> 'кровь'	<i>шус(ан)</i>	<i>чус(ан)</i>	<i>джус(ан)</i>

Весьма характерно для речи харчин и туметов (особенно для харчин) произношение аффрикат *дж* и *ч* (а также и спиранта *ш*) как ретрофлексных согласных, т.е. произносимых с поднятием кончика языка к вершине нёба. В записях экспедиционных групп, обследовавших речь харчин и туметов, они отмечались через *дж*, *ч*, *ш*. Следует отметить, что это в харчин-туметском говоре не самостоятельные фонемы, а лишь варианты, встречающиеся в словах с гласными заднего и переднего ряда: СПМЯ *ʃobayə-* 'мучить', *ʃarayə* 'еж', *ʃayasan* 'рыба', *čayasan* 'бумага', *siqa-* 'жать, прижимать', *qasiya* 'забор' — харч. *джовд-* (*джовд-*), *джард* (*джард*), *джагасан* (*джагасан*), *чдсан* (*чдсан*), *шаха-* (*шаха-*), *хашд* (*хаша*).

Согласные СПМЯ *γ* и *g* перед сильными взрывным *t* и спирантом *s* соответствуют в произношении харчин и туметов согласному *х*, например: *bayta-* 'помещаться', *ʃoysoya-* 'останавливать', *ʃigst-* 'испытывать отвращение' — харчин-тумет *бахта-*, *джохсд-*, *джихл-*.

В речи туметов прослеживается одна особенная черта: консонант *х*, закрывающий конечный слог, выступает как заднеязычный *t*. Это заметно в суф-

фиксе причастия будущего времени. Нами были зафиксированы следующие примеры: *чи беденте хамт жаба дор үгүе болбол тел* 'если у тебя нет желания идти с нами, то скажи'; *чи ене үдер ирел ирэхүе би медэхүе* 'я не знаю, придешь ты сегодня или не придешь'. Вместо *жабах* и *ирех*, обычных для этого причастия во всех диалектах Внутренней Монголии, употреблена форма *жаба* и *ирел*. Следует, однако, заметить, что употребление *и* наряду с *х* в причастии будущего времени носит факультативный характер.

Особенности морфологии. Формы множественного числа имен существительных образуются посредством тех же самых суффиксов, что и в других говорах восточного диалекта. Но в каждом говоре мы находим те или иные слова, для образования которых используются или разные суффиксы, или суффиксы, употребляющиеся в говорах или же в СПМЯ для других имен. Примером может служить образование множественного числа имен при помощи суффикса *-д*.

«Классическим» можно считать образования множественного числа типа *адү(н)* 'табун лошадей' — *адүд*; *нох* 'собака' — *нохдс*; *мал* 'скот' — *малнүд*. Однако в речи харчин и туметов часто встречаются имена, формы множественного числа которых образуются несколько иначе, например: *нөх* 'собака' — *нөхдд*; *галь* 'свинья' — *гальдд*; *мал* 'скот' — *малд*.

В речи туметов не встречается суффикс множественного числа *-нүд*, вместо него употребляется *-гүд*. Впрочем, и в других говорах нередки случаи чередования этих суффиксов, но индивидуальную особенность речи туметов составляет устойчивое использование лишь формы *-гүд*:

Харчин	Тумет
<i>шир</i> 'стол' — <i>ширэнүд</i>	<i>ширэгүд</i>
<i>галь</i> 'гусь' — <i>гальнүд</i>	<i>гальгүд</i>

Однако и в харчин-туметском, как и в остальных говорах, возможна синонимия суффиксов множественного числа, например: *малд*, *малнүд*; *гальд*, *гальнүд*, *гальгүд* и т.д.

Как уже известно, в хорчинском говоре показателем винительного падежа имен выступают *-т* (*-тн*), *-и* (*-ит*), а в джалайт-дурбетском подговоре — *-т* (*-ит*). Харчин-туметский говор относится к типу джалайт-дурбет и в винительном падеже имеет суффикс *-т* (после основ, оканчивающихся на любой согласный) и *-ит* (после основ, оканчивающихся на долгие гласные), например: *чи минт авт догрд өгт* 'ты позови моего отца'; *тер таратт хадвал баран талас хадд* 'если будешь жать хлеб, то начни с правой стороны [пашни]'; *би ене бичгитт оншидж бартал чи сбддж* 'ты подожди меня, пока я не закончу читать это письмо'; *енчин соргүлн геритт үдджж* 'он видел школьное здание (школу)'.

Соединительный падеж в говоре широкого распространения не имеет. Показателем его выступает *-лэ*, например: *тер өрлэгэн хамт иддж* 'она пошла вместе с матерью'; *беден терлэ жавсан илм* 'мы ходили вместе с ним'; *меден Батүүлэ хамт баад идджжн* 'они едят вместе с Бату'. Как и со-вместный падеж, его часто сопровождает послелог *хамт* 'вместе': *дүлэгэн хамт ирлэ* 'он вернулся вместе со своим младшим братом'.

В харчин-туметском говоре существуют все формы двоянных падежей, где основами выступают родительный, совместный или дательно-местный падежи. Здесь наиболее примечательным является сохранение удвоенной формы дательно-местного и исходного падежей от существительного *гар* 'рука': *гартас* 'из рук'.

Различия в числительных основаны на фонетических особенностях. Особенно это заметно в числительном «девять», ср. харч. *јус(ен)*, джал. *јум(ен)*, шгол. *јос(ен)*, чах. *јис(ен)*, орд. *јису(н)*, *јусу(н)*, харч. *јис(ен)*, тум. *јис(ен)*. Лишь в речи туметов оно звучит без инициального *ј*. Как и во всех говорах, перед *јис(ен)* 'девять' числительное теряет конечный согласный *н*: *дал јис(ен)* 'семьдесят девять' (харч.), *гум јис(ен)* 'тридцать девять' (тум.).

В речи харчин зафиксирован суффикс порядкового числительного *-дази*, который существует параллельно с более распространенным в говоре суффиксом *-дугар*: *долб(н)* 'семь' — *долбдугар* (тум.) 'седьмой' — *долбдугар, доллодази* (харч.); *нѣм(ан)* 'восемь' — *нѣмдугар* (тум.) 'восьмой' — *нѣмдугар, нѣмдази* (харч.).

Обычно значение кратности передается постановкой после числительного слов *удā* 'раз' и *дэхлн* 'раз, повторно': *тер хојор удā гчджѣ* 'он ходил дважды'; *ѣс нугал дѣр гурав дэхлн гчджѣ* 'отец приезжал в кочевья трижды' (тум.).

В этой связи интересным представляется зафиксированный в речи харчин суффикс *-т*, который придает значение кратности. При присоединении этого суффикса конечный *-н* числительного восстанавливается, например: *гурав* (*гурван*) 'три' — *гурвант* 'трижды'; *дөрөв* (*дөрвөн*) 'четыре' — *дөрвөнт* 'четырежды'. Факультативный суффикс *-т*, используемый в речи харчин, соответствует в СПМЯ *-та, -те*: *nigen* 'один' — *nigente* 'один раз'; *qoyar* 'два' — *qoyarta* 'дважды'.

У туметов записано несколько счетных слов — классификаторов — и передающих единицы измерения. К ним относятся: *толиб* 'штука', 'головка' (для подсчета овощей): *ене намар менѣ хоршибн менчан толиб сарлмсаг авджѣ* 'этой осенью наш кооператив получил тысячу головок чеснока'; *джаң* 'лист' (для счета бумаги): *арван джаң чās хеді гурджѣхлм?* 'сколько будет стоить десять листов бумаги?'; *сѣр* 'луночки', 'саженцы' (для подсчета овощей и деревьев): *бед тгван сѣр лүван терджѣ* 'мы посадили пятьдесят лунок моркови'; *долдн сѣр гуа* 'семь лунок дыни'; *гогчо* 'моток' (для счета ниток): *нег гогчо хар утас* 'один моток черных ниток'; *беден хојор гогчо улāн утас авсан бѣнā* 'мы купили два мотка красных ниток', параллельно с ним употребляется и китайское слово; *джаз* 'штука' (для счета одежды): *джундāн менѣ хүн бүр хојор джаз ховчис хлѣ* 'летом каждый в нашей семье справляет себе по две пары одежды'; *бѣдж* 'вязанка' (для растений): *тер үдер болгон гучлн таван бѣдж түлѣ хаднā* 'он каждый день накашивает по тридцать пять вязанок травы на топку'.

Личное местоимение 1-го лица единственного числа сохраняет супpletивные основы косвенных падежей. Оно несколько обособляется и внутри говора:

	Харчин	Тумет
Дат.-местн.	<i>над, надад, нанд, намд</i>	<i>нанд</i>
Вин.	<i>нэмэгд, мэнэгд</i>	<i>нэмэгд, мэнэгд</i>
Исх.	<i>надас, нанас, намас, нэмэгас</i>	<i>надас, нанас, нэмэгас, мэнэгас</i>
Орудн.	<i>надар, нанар, намар</i>	<i>надар, нанар, намар</i>
Совм.	<i>нант, нант</i>	<i>надт, нант</i>
Соед.	<i>надл, нанл</i>	

В речи харчин и туметов сохраняются параллельные основы косвенных падежей *над-* и *нан-*, вторая из которых считается наиболее архаичной и бытующей лишь в таких монгольских языках, как могольский и калмыцкий.

В речи туметов зарегистрирована в дательном падеже лишь одна основа *нан-*. В наших записях встретились примеры: *чĕ нанд нел дөөтер эчĕрд өг* 'ты принеси мне книгу'; *тер чĕ халүүлс гэд нанд авад јір* 'подогрей немного тот чай и принеси мне'.

Местоимение 1-го лица множественного числа в туметском имеет глагольный *e* вместо харчинского *i*, ср.:

	Харчин	Тумет
Им.	<i>биден</i>	<i>беден</i>
Род.	<i>биднэ, манэ</i>	<i>беднэ, мэнэ</i>
Дат.-местн.	<i>биденд, манд</i>	<i>беденд, манд</i>
Вин.	<i>биднĕ, манĕ</i>	<i>беднĕ, манĕ</i>
Исх.	<i>биднэс, манас</i>	<i>беднэс, манас</i>
Орудн.	<i>биднэр, манар</i>	<i>беднэр, манар</i>
Совм.	<i>бидент, мант</i>	<i>бедент, мант</i>
Соед.	<i>биденлэ, манлэ</i>	

Указательные местоимения, выступающие в роли личных местоимений 3-го лица, склоняются по типу, свойственному лишь особенностям языка восточных монголов. Как в речи харчин, так и туметов они изменяются одинаково:

	Харчин	Тумет
Им.	<i>ене</i>	<i>тер</i>
Род.	<i>еннэ</i>	<i>тернэ</i>
Дат.-местн.	<i>ененд</i>	<i>теренд</i>
Вин.	<i>еннĕ, енĕ</i>	<i>терĕ</i>
Исх.	<i>еннэс, энэс</i>	<i>тернэс, терэс</i>
Орудн.	<i>еннэр, энэр</i>	<i>тернэр, терэр</i>
Совм.	<i>енент, энт</i>	<i>терент, терт</i>
Соед.	<i>енлэ (харч.)</i>	<i>теренлэ (харч.)</i>

Остальные разряды местоимений одинаковы с такими же местоимениями других говоров: *хен* 'кто', *јү(н)* 'что', *эл* 'который', *јамар* 'какой', *хөдĕ* 'сколько', *бүгд, бүр* 'все, весь' и др.

Местоимение 'сам' имеет в туметском две формы: *өрөн* и *бээн*, в родительном падеже — *өрĕн* и *бөһн*: *өрĕн (бөһн) бада* 'своя еда, пища'.

Повелительно-желательные формы глаголов харчин-туметского говора совпадают с таковыми же харчинского говора. В харчин-тумет-

ском говоре зафиксирован суффикс *-ātai*: *чи ене элчүрї нег боддог* 'по-
красить бы тебе этот платок'; *ени эмгенден телетег* 'сказать бы об этом
своей старухе'; *чи манед нег иретег* 'зайти бы тебе к нам'.

В 3-м лице единственного и множественного числа употребляется суф-
фикс *-и*, который есть во всех говорах: *тер мүнэ телег* 'теперь пусть он ска-
жет'; *теден үджег* 'пусть они посмотрят'.

В харчин-туметском говоре имеется суффикс множественного числа
субъекта действия *-джага* (харч.), *-чага* (тум.), например: *галун чэйт бүү эр*
үджага, хүс гаран 'не пейте много горячего чая, вспотеете'; *бүү хтэн ус*
учага 'не пейте холодной воды'. Однако это не составляет нормы, так как и
суффикс множественности субъекта действия во всех монгольских языках
употребляется факультативно.

Употребительна форма настояще-будущего времени на *-нā (-н)*: *тер хүн*
өр хүрдж яван 'тот человек сердится'; *ене бас нэн* 'он тоже смеется'; *бї*
одд төрхүгэ ичин 'я пойду сейчас гулять'; *беден бадагайн иднэ* 'мы будем
обедать'; *тед магагар Элд явна* (тум.) 'они завтра поедут в гости'. В этих
предложениях время действия — настоящее оно или будущее — определяется
по контексту или по наличию и отсутствию слов, указывающих на время. В во-
сточном диалекте характерным представляется существование и широкое упо-
требление суффикса *-джэнā (-джэн)* в качестве показателя настоящего време-
ни. Суффикс *-джэнā (-джэн)* продуктивен и в харчин-туметском: *бї дөл оджэн*
'я шью шубу'; *тер өс хаджджэнā* 'он косит сено'; *баран герин хүгед туглэн*
хэджэнā 'дети из дома, что на правой стороне, гонятся за твоим теленком'.

Форма *-в (-вā)* употребляется редко; чаще встречается форма на *-джэ*
(редко *-чэ*): *мині дү таранд явджэ* 'мой младший брат отправился на уборку
хлебов'; *мал хашатаасан гарчэ* 'животные ушли из сарая'; *хүнї оддод*
асүджэ 'позвали человека и спросили'; *сонин джүд джүдлэжэ* 'снился ему
интересный сон'.

Деепричастия разнообразны и весьма употребительны. Часто испол-
зуются удвоенные формы соединительного, слитного или разделительного
деепричастия. Ср. несколько примеров из речи туметов: *ене хүн телдж телдн*
шадхүгэ, бэчиджджэн 'он говорит, говорит и ничего не может сказать, то-
рется'; *тер урт хтсен хергэн бодон бодон бїгэн гелжин* 'он думает, ду-
мает о прошлом (поступке) и вивит себя'; *ене хүнчин идэд идэд тас шатхүгэ*
человек ест, ест и никак не насытитесь'.

Условное деепричастие образуется при помощи суффикса *-вал, (-вал)*.
Однако в говоре встречается и чисто разговорная форма на *-үл*, которая при-
соединяется к основам, оканчивающимся на долгий гласный: *чи менд сөгүл*
бї сөхүгэ 'если ты будешь сидеть здесь, я не стану сидеть'; *тер түлэ джбїл*
бї ус авја 'если он будет носить дрова, я пойду за водой'.

В харчин-туметском говоре преимущественно распространено дееприча-
стие цели на *-хүгэ*: *надхүгэ гарджэ* 'вышел, чтобы поиграть'; *үдер үджилжэ*
ирджэ 'он приехал, чтобы определить благоприятный день (для свадьбы)';
теден бада идхүгэ явджэ 'они ушли, чтобы обедать'.

Уступительное деепричастие образуется присоединением к основе глаго-
ла нескольких суффиксов. Наряду с формой, совпадающей с формой СПИЯ,
в говоре часто используются разговорные формы. К ним относятся: 1) *-үч*.

ене эджлї хїҕҕи болн хїхүҕ болбоч болнө *эту работу хоть сделаемь, хоть не сделаешь — ничего не случится*; 2) -јач: хедї халүн үгүз болјоч беден јад-джэ *хотя было не так жарко, мы устали*; еј јагадж тарјајач бї мүне ічнө *как бы мать ни ругала, я иду*; хедї јаралтө болјоч хурал нег хїчхнө *как бы ни был занят, он соберет собрание*.

В харчин-туметском существует предварительное деепричастие на -нāрāн, встречающееся и в других говорах восточного диалекта: тер јїрнөрөн бадагāн ідөд јавдјэ *как только пришел, пообедал и ушел*; хотонд хүрнөрөн өрдөн бї-чи јавүлдјэ *как только добрался до селения, тут же отправил письмо своей матери*; үл гарнāрāн борон орччэ *как только появились облака, пошел дождь*; час орнөрдн дулардјэ *как только пошел снег, потеплело*.

В оформлении деепричастия предела есть небольшая разница: в речи харчин деепричастие предела образуется при помощи суффикса -тар, а в речи туметов — -тал, например: борон джогстор чї менд сөдјэ *ты посиди тут, пока не перестанет дождь*; тер нар гартар унтдјэ *он спал до восхода солнца*; бї үд болтор чемэ хүлөдж (харч.) *я ждал тебя до полудня*; өрб болтол эджлāн барја (тум.) *закончим работу, пока не настал вечер*.

Как известно, в конструкции с деепричастием предела имя, передающее субъект, оформляется винительным падежом. В туметской же речи зафиксировано несколько фраз, где наименование агенса выражено местоимением в именительном падеже, ср.: чемэіт јїртел мінт бада болчнө *пока ты придешь, мой обед будет готов* и бї јїртел чї менд хүлөджэ *пока я приду, ты жди меня здесь*; чемэі чө өдј бартал бї теннө герт чөд јїрјэ *пока ты пьешь чай, я схожу к соседям* и чї тарјагāн үдјөд јїртел бї үнөн сачнја *пока ты осмотришь свои посевы, я подою корову*. Подобного типа построения редки и встречаются лишь в разговорной речи.

В отличие от соседнего с ним хорчинского говора в харчин-туметском встречается еще одна деепричастная форма — это -мāн (-мāндјин). Данное деепричастие обозначает зависимое действие, которое предшествует главному, выраженному глаголом-сказуемым (указывает на причинную обусловленность действия): бї тер учрї соңсмон сэ медждјэ *так как я был слышан о том (деле), я тут же (все) понял*; тер јїрдј гүјмāн бї дөврөн сэ өгдјэ *так как он пришел просить, я тут же отдал ему свою тетрадь*. Деепричастие на -мāн (-мāндјин) по своему значению близко к значению предварительного деепричастия на -нāрāн. Слово сэ *тут же* подчеркивает, что действие, передаваемое деепричастием на -мāн (-мāндјин), и действие основного глагола-сказуемого могут быть связаны не только причинной и условной зависимостью, но и временной последовательностью: за первым действием немедленно следует другое.

В глагольном образовании замечается и такая особенность. У туметов записаны следующие фразы: сөб үд болї болї гөджэн *во-во наступит полесть*; нар үнї үнї гөджэн *во-во зайдет солнце*; гал ноцї ноцї гөджэн *во-во зажжется огонь*. Здесь обращает на себя внимание следующее: эта конструкция не употребляется без глагола гө- в форме какого-либо времени; глагол гө- требует оформления предыдущего глагола показателем -ї; глагол на -ї должен быть удвоенным, ибо без этого разрушается конструкция. В це-

лом она употребляется для придания глаголу большей выразительности, усиливает значение начала, зарождения действия.

Послелого во всех говорах и диалектах в основном одинаковы, но некоторые из них в харчин-туметском имеют такие отличия.

СПМЯ *dotora* 'в, внутри' в туметской речи соответствует *тотор* или *тор*: *хеден джил тотор (тор) өвчинтэ болджэ* 'в течение нескольких лет он болел'; *улоин тотор (тор) самүрджэ* 'среди многих (людей) сбился с толку'.

Послелог *хоронд* имеет параллельную форму *хонджир*: *бї хојор гег хорон (хонджир) гүсэр јадчиджэ* 'я устал от беготни между двумя домами'; *ене зрегчин хојлн хонджир болджэ* 'это дело исполнено посредственно, так себе'; *тер бүсчин хојлн хонджир болджэ* 'тот пояс получился так себе, ни плохим, ни хорошим'.

СПМЯ *tursi* 'в течение' у туметов соответствует *досон* или *досгон* (ср. *dayusun*): *бї үдер досгон (досгон) э джил хїд чөлө гархүэ* 'оттого что целый день работали, у меня не было свободного времени'; *терчин джил досгон өвчин тасархүэ* 'в течение года он не может избавиться от болезни'.

Тулад(дән) 'для', 'ради', 'за', 'так как' встречается в туметской речи с совместным падежом, чем отличается от некоторых других говоров восточного диалекта, например: *бордн ус джөхрохитэ туладән тарә сэн* 'оттого что дождевая вода оказывает благотворное действие, пашня похорошела'; *тер хүн джөстэ туладән бардаж на* 'оттого что у него много денег, он зазнается'. В харчинском также встречается *туладән*: *джаварт туладән јирсенгү* 'он не пришел, так как дул сильный ветер'.

Союзы в говорах встречаются редко. В харчин-туметском зарегистрированы: *бә*, *болдд*, *бөгөд* 'и', *бујү* 'или', *хервө* 'если', которые по своему значению и употреблению не отличаются от таких же союзов во всех остальных говорах восточного диалекта.

В харчин-туметском встречаются в основном те же частицы, что и в других говорах диалекта. Наиболее употребительны вопросительные частицы: а) *ү*, которая ставится после форм прошедшего времени или же причастия будущего времени: *чї гертэн херджү?* 'ты не ходил домой?'; *мині телсен үл чї меджджү?* 'ты понял то, что я тебе сказал?'; *тә ене бүдї авзімү үгүэ јімү?* 'вы купите эту ткань или нет?'; б) *Г*, которая присоединяется к форме настояще-будущего времени, причастия прошедшего времени или к имени существительному: *чї енгї меднї?* 'ты знаешь об этом?'; *чї тернэ јавсант мө јімї?* 'ты не знал, что он уехал?'; в) *в*, *бї* (*вї*) — после имен и местоимений, к которым относится вопрос: *тер јү бї?* (*тер јү?* *тер јүв?*) 'что это такое?'; *ене хенї оровї?* (*ене хенї оров?*) 'это чье место?'

Вместо СПМЯ *ја* или *буі* *Ја* в говоре встречается частица *бә* со значением сомнения: *тернэ терег ене үдер јирен бә?* 'может, сегодня прибудет их повозка?'; *тер чинї гег бә?* 'тот твой ли дом?'; *тә меден бә?* 'может быть, вы знаете?'. Изредка харчины и туметы вместо *бә* произносят *болү*: *тер чм мнғас јү асүхїм болү* 'о чем он может спросить у тебя?'

В харчин-туметском говоре употребляются те же отрицательные частицы, что и в других говорах: *үл*, *ес*, *үгэ*, *дэ* 'не'. Ср.: *ене хүн үл бүтег јимї хїгөд л бэн* 'этот человек продолжает делать трудно осуществимую работу'; *ес јавах джамар үрав удә јаван* 'ездил трижды по дороге, по которой не ез-

дят»; *терчин мессенгү* 'он не понял'; *одо ч олу* 'до сих пор не найдено'.
 Имеется и отрицание *биш* 'не': *ене нохо мэн биш*, *эр хүн* 'эта собака не наша, а другого человека'; *терчин мал биш*, *мөр* 'то не скот, а лошади'.

АРУХОРЧИН-БАРИНСКИЙ ГОВОР

Арухорчин-баринский говор распространен на территории Джоудаского аймака, граничащего на востоке с Джеримским, на юге с Джостуским, на западе с Чахарским, а на севере с Шилингольским аймаками Внутренней Монголии. Весь аймак делится на четыре хошуна: 1) Арухорчин, 2) Барин восточного крыла, 3) Барин Западного крыла и 4) Хешиктен.

Арухорчины родственны с хорчинами, живущими в Джеримском и Хулунбуирском аймаках. Однако многовековое пребывание на разных территориях и среди разных племен несколько отличает их друг от друга, и арухорчины ныне по своей речи стали близки к барин, особенно к племени барин восточного крыла. Хешиктены отличаются по речи и от арухорчин и от барин, поэтому к ним мы вернемся при рассмотрении речи чахар.

Монголы Джоудаского аймака занимаются частично скотоводством, частично земледелием. Общая численность населения составляет 160 000 человек.

Особенности фонетики. Состав гласных тот же, что и в двух других говорах восточного диалекта. Возникновение гласных переднего ряда ε , ξ , δ , δ и \dot{y} обусловлено теми же фонетическими условиями, что и в других говорах, поэтому ограничимся лишь некоторыми примерами: *tasiyur* 'кнут, плеть', *uliyasun* 'осина', *qumi-* 'собирать, подбирать', *doiyugla-* 'насмехаться, дразнить', *dyile* 'дело, деяние' — арухорч.-барин. *тэшүр*, *улэс(ан)*, *хуми-*, *дбילו*, *үл*.

Для говора арухорчин характерны следующие фонетические соответствия с СПМЯ:

- 1) переход гласного e в гласный i , например: *yes* 'медь', *čereg* 'воин', *čenqael* 'веселье, развлечение' — арухорч.-барин *джис*, *чирег*, *чичел*;
- 2) замещение гласного δ гласным y : *tögürig* 'круглый', *örüte* 'пенка', *kölde-* 'замерзать' — арухорч.-барин *түгүрег*, *үрем*, *хүлдө*;
- 3) произношение y как δ : *buča-* 'возвращаться', *sumu* 'стрела', *ungsi-* 'читать' — арухорч.-барин *бочо*, *сом*, *омши*.

Сопоставляя эти явления с данными других говоров и подговоров восточного диалекта, следует отметить, что в рассматриваемом говоре замечается меньшая их распространенность. Возможно, это связано с некоторым влиянием соседних говоров центрального диалекта, где такие соответствия не наблюдаются.

В области согласных наиболее характерной чертой арухорчинской речи по сравнению с хорчинской является то, что в арухорчинском СПМЯ аффриката ξ как перед гласной i , так и перед остальными гласными отражается в виде χ , тогда как в хорчинском говоре она развилась в спирант $ш$, ср.:

	Хорчин	Арухорчин-барин
<i>šilayun</i> 'камень'	шүлүй(н)	чулүй(н)
<i>nabđl</i> 'листья'	лэви	лэвч
<i>šodl-</i> 'испугаться'	шошл-	чочл-
<i>šuyta-</i> 'собираться'	шугла-	чугла-

Лишь в немногих словах аффриката *š* перед гласным *i* переходит в спирант *ш*, например *šida-* 'мочь, быть в состоянии', *šila-* 'варить', *šiker* 'сахар' — арухорч.-барин. *шадә-, шана-, шихер.*

Чисто локальным является в арухорчинской речи употребление взрывного согласного *d* вместо спиранта *c*, например:

	Арухорчин	Барин
<i>naγed-</i> 'играть'	<i>nāca-</i>	<i>nāda-</i>
<i>qabuda-</i> 'отекает'	<i>xacca-</i>	<i>xavda-</i>
<i>öbed-</i> 'болеть'	<i>öved-</i>	<i>övdö-</i>

Под влиянием соседних говоров центрального диалекта в речи барин восточного крыла иногда заметно ослабление сильного начального согласного *т* соответственно в *d*, например:

	Арухорчин	Барин	Чахар
<i>taqa</i> 'подкова'	<i>tax</i>	<i>дах</i>	<i>дах</i>
<i>teslyur</i> 'кнут'	<i>тэшүр</i>	<i>дэшүр, тэшүр</i>	<i>дашүр</i>

Согласным СПМЯ *γ*, *g* перед *t*, *š*, *s* и *č* в арухорчин-баринском говоре соответствует спирант *x* (тогда как, например, в калмыцком — смычный *к*). Однако в речи арухорчин спирантизация более заметна, чем в речи барин, ср. *γayso-* 'стоять', *uytu-* 'встречать' — арухорч. *джохсо-, ухта-*, барин *джогсо-, ухта-*.

Особенности морфологии. Множественное число имен существительных образуется посредством тех же суффиксов, что и в хорчинском и харчин-туметском говорах: *ем* 'женщина' — *емö*; *мör* 'конь' — *мöröd*; *эл* 'группа юрт' — *элүд*; *ax* 'старший брат' — *ax нар*; *моңол* 'монгол' — *моңолчүд*.

Но тем не менее заметны небольшие отклонения: 1) в арухорчин-баринском говоре употребляется *-чүл* — вариант суффикса *-чүд*: *бајан* 'богатый' — *бајчүд, бајчүл*; *бала* 'молодой' — *бахчүд, бахчүл*; *бүсгүл* 'женщина' — *бүсгүлчүд, бүсгүлчүл*; 2) не встречается суффикс *-нүд*, его заменяет *-гүд*: *шрē* 'стол' — *шрēгүд, шрēд*; *нохō* 'собака' — *нохōгүд, нохōдүд* и др.

В отличие от арухорчин и барин восточного крыла в речи барин западного крыла встречаются имена в соединительном падеже с суффиксом *-лā (-лē)*: *тер ахлāгāн чүг јавджēн* 'он идет вместе со своим старшим братом'; *Батнаст надлā чүг јрджē* 'Батнаст пришел вместе со мной'. Соединительный падеж употребляется в говоре редко, заменяясь более распространенным во всем диалекте совместным падежом.

Вторым падежом, который имеет ограниченное распространение в говорах, является направительный падеж. Как в хорчинском говоре, в арухорчин-баринском имеется суффикс *-джү*: *манē мал голджү орлō* 'наш скот напра-

вился к реке»; *тер барин* *гиджү жавла* 'он ушел в аил, что на правой стороне'. Однако характерным для данного говора следует считать использование посложной конструкции с *урү* 'к, по направлению': *бид хоршб урү жаван* 'мы пойдем по направлению к кооперативу'; *хбд гол урү орлб* 'овцы направились к реке'; *терчин ахн урү гарла* 'он направился к дому старшего брата'. В речи барин западного крыла зафиксировано: *мині толго урү ус шутхатаг* 'полей-ка мне на голову'.

Числительные, так же как и в остальных говорах, образуются присоединением к количественному числительному соответствующего по значению суффикса: порядковые -*дугар*, разделительные -*ад*, собирательные -*ул*: *урав* 'три' — *уравдугар* 'третий', *уравд* 'по три', *уравул* 'втроем'.

Значение кратности в речи арухорчин и барин восточного крыла передается прибавлением к числительному слова *удā* 'раз': *хогор удā* 'два раза', *тав удā* 'пять раз'. Монголы хошуна Барин западного крыла используют в этом значении слово *тау* 'раз': *нег тау* 'один раз', *урав тау* 'три раза'.

Склонение местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в речи монголов арухорчин и барин восточного крыла ничем не отличается. Небольшое отличие заметно лишь в склонении местоимений в речи барин западного крыла.

	Арухорчин	Барин восточного крыла	Барин западного крыла
Им.	<i>би (бi)</i>	<i>чи (чi)</i>	<i>би (бi)</i> <i>чи (чi)</i>
Род.	<i>минi</i>	<i>чинi</i>	<i>минi</i> <i>чинi</i>
Дат. местн.	<i>надад, нād</i>	<i>чамд</i>	<i>надад</i> <i>чамд</i>
Вин.	<i>нэмэ, нэмэi</i> <i>мэнэ, мэнэi</i>	<i>чэмэ</i> <i>чэмэi</i>	<i>мэнi</i> <i>чэмi</i> <i>мэнэi</i> <i>чэмэi</i>
Исх.	<i>надās</i>	<i>чамās</i>	<i>надās</i> <i>чамās</i>
Орудн.	<i>надār</i>	<i>чамār</i>	<i>надār</i> <i>чамār</i>
Совм.	<i>надтэ</i>	<i>чамтэ</i>	<i>надтэ</i> <i>чамтэ</i>
Соед.	—	—	<i>надлэ</i> <i>чамлэ</i>

Форма соединительного падежа сохраняется в речи барин западного крыла и в других разрядах местоимений: личное местоимени 1-го и 2-го лица множественного числа *манлэ* 'с нами', *таданлэ* 'с вами', указательные местоимения *ене, тер, еден, теден* (в роли личного местоимения 3-го лица) — *енемлэ, теренлэ, еденлэ* и *теденлэ*.

В арухорчин-баринском имеется возвратное местоимение *эс, эсөн* 'сам', которое изменяется лишь по нескольким падежам: *чи эсөн үжнэ* 'ты видишь только себя'. При образовании множественного числа присоединяется к *эсөн* суффикс -*д*: *эсөд* 'сами'.

Залогии образуются так же, как и в остальных диалектах, разница лишь в том, что некоторые из них оформляются иначе, в зависимости от фонетических процессов, типичных для говора.

Суффикс множественного числа субъекта действия в арухорчин-баринском говоре существует в двух вариантах, т.е. в речи арухорчин он произносится *-джайā*, тогда как в речи барин чаще *-чайā*: *ајад јавхās урт тертэн хi-летджайāјā* 'прежде чем отправиться в путь, отдадим наши телеги в ремонт'; *манi гл үс задчайāджэн* 'наши (в аиле) косят сено'; *бид тер үдер нүджайāјā*

гевү? "сказали, что надо кочевать в тот день?"; герт орд бада идчага "входите в дом, отведайте пищи".

Повелительно-желательные формы в арухорчин-баринском говоре имеют некоторые отличия по сравнению с другими говорами восточного диалекта. Это касается в основном форм пожелания всех трех лиц. Суффиксы *-ātaḡ (-ātiā)* речи хорчин и джарут в арухорчин-баринском соответствует суффикс *-ātaḡ (-ātiā)*: *bi neḡ sēn surātiā dā* "учиться бы мне хорошо"; *či neḡ gal tūlētāi* "ты разведал бы огонь"; *ter xūed unātaḡ bēn dā* "не упал бы этот ребенок" (арухорчин); *bi oḡd javātiā* "пойти бы мне теперь"; *či mōrōn uslā-taḡ* "напоил бы своего коня" (барин восточного крыла); *bi či yūātiā* "выпить бы мне чаю"; *či arḡal avātaḡ* "принес бы ты несколько кизяков" (барин западного крыла).

В отличие от арухорчин в речи барин восточного и западного крыла имеется еще один суффикс, по значению соответствующий СПМЯ *-yusuḡai, -gesḡai*. Это суффикс *-āslā*, который употребляется для обозначения намерения, желания, чтобы совершилось действие: *bi sēn surāslā dā* "учиться бы мне лучше"; *či jirēsle dē* "приехать бы тебе"; *ter xūn oḡd javāslā dā* "уехать бы теперь тому человеку"; *borōn orbōslā dō* "пойти бы дождю".

В экспедиционном материале встретился пример, где глагол с суффиксом *-āslā* соответствует по значению иным формам, усложненным частицами. Ср. два примера: *bi sēn surāslā dā* и *bi sēn suran bēl dā* "учиться бы мне лучше".

Повелительно-желательная форма 3-го лица на *-tūā* почти не встречается. Нами записан пример: *yter xā bēn, yḡjtūā d* "пусть посмотрят, где пасется скот".

Изывательные формы ничем не отличаются от таких же форм других говоров восточного диалекта. И в арухорчин-баринском говоре встречается весьма распространенная форма на *-džēnā (-džēn)*: *džūd žmḡn xōt džaḡ šilḡn ḡolḡ džaḡ nīldžēn* "Джодудский аймак граничит на севере с Шилинговским аймаком"; *bī yḡder болон хэн хэ рүлдžинā* "я ежедневно пасу овец"; *хад-нās булаг гардžен* "из скалы бьет родник"; *адū мал jḡx хрэн болдžен* "умножается количество табуна"; *ēj үнэн саджэнā* "мать доит корову".

Изывательная форма на *-v* нетипична для разговорной речи монголов Внутренней Монголии, поэтому она встречается реже других, в основном при вопросе: *чи хедлэ жрев?* "ты когда вернулся?"; *чи хā жавба?* "где ты был?".

Наиболее часто употребляются формы прошедшего времени на *-lā* и *-džē(-dž)*: *bi čölōsōn дар čireḡt oḡdžē* "после освобождения страны я пошел служить в армию"; *чэмэ хелехлэ bi сḡ медле* "когда ты сказал, я сразу понял". Нередки и сравненные формы: *bī багасан авад мал хэ рүлдлэ джэ* "я с детства пас скот"; *bi ene хеден джил тэ рā тэ радлэ лā* "я эти годы занимался хлебопашеством", где, например, *хэ рүлдлэ джэ* состоит из *хэ рүл* "части" + *-ād* (суффикс разделительного деепричастия) + *-л* (частица) + *-ḡ* (< бэ- "быть") + *-džē* (суффикс глагола прошедшего времени).

Употребление соединительного, слитного или разделительного деепричастия в редуцированном виде замечено в разговорной речи всех монголов восточной части Внутренней Монголии: *bī хол гаджир жавд жавож jḡrlā*

'я вернулся из далеких странствий'; *бид амран амран ирлэ* *мы пришли, часто отдыхая в пути*; *мёрдон бэрэд бэрэд тэвэдлэн* *они ловят коней и тут же выпускают*. Несколько особняком от них стоит продолжительное деепричастие: при редупликации первый из них — в форме основы глагола, а второй принимает форму продолжительного деепричастия: *тед ол олсёр идчхлм?* *что же они, по мере того как находят, тут же съедают?*; *тед ав авсёр хүнд өгдөг ижэ* *в какой мере они берут, в такой и возвращают*.

Следует отметить, что из всех деепричастных форм лишь разделительное, соединительное и продолжительное деепричастия чаще других присоединяют частицу *л* и глагол *бэ-* *быть*: *ес медсен юмэ бүү хеледлэ* *не говори о том, чего не знаешь*; *чэмэ ирен гедж соңсод бид нүден члмлэн харадлэджэ* *услышав о том, что ты приедешь, мы всматривались (в даль) до боли в глазах*; *минэ жорі тгел үгүэ бэрэдлэ* *держи моего коня, не выпуская на волю*; *би арван хөдөн джл энд сусарлэджэ* *я более десяти лет живу на этом месте*; *чамтэ үлджан гед тер хүлэсрэлэ* *она продолжала ждать, чтобы встретиться с тобой*. Сравнительно частое употребление подобных форм глаголов монголами Внутренней Монголии несколько сближает их речь с речью ойратов, проживающих в провинции Ганьсу или в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В наших записях у торгутов Синьцзян-Уйгурского автономного района встречаются такие предложения: *нүүдэн тбстэ, бүүдэн утхтэ болхтэ гидж жордхэ-нэвдн* *мы (старшие) желаем: при кочевках, чтобы пыль поднималась, а на остановках — дым клубился*; *бидн хасг аз-дүйгэн тамдан суядлэнбөдн* *мы продолжаем жить вместе со своими братьями-казахами*.

В арухорчин-баринском говоре предварительное деепричастие оформляется при помощи суффикса *-мч*: *нар гарамч би эндэс жавсан* *я поехал отсюда, как только взошло солнце*; *чамтэ хелчидж барамч жавна* *поеду, как только закончу разговор с тобой*; *үл гарамч борд орон* *как только появятся тучи, пойдет дождь*; *би чамтэ үлджамч тэнсангүэ* *как только встретил тебя, я [сразу] не узнал*.

В говоре арухорчин-баринском, как и в двух других говорах восточного диалекта, существует более употребительный суффикс предварительного деепричастия *-нэрэн*, которого нет в остальных диалектах: *теднги моңол гегэс гардж ирнэрэн бүслэд авчлхлэ* *как только они вышли из юрты, их [тут же] окружили [кольцом]*; *чэмэ хелнэрэн би медлэ* *как только ты сказал, я понял*; *бид тернэ үджнэрэн байалла* *как только мы его увидели, обрадовались*; *үглэ ерт боснөрөн гарад жавла* *как только утром рано встал, [тут же] уехал*.

Мы уже отмечали, что форма на *-нэрэн* близка по своему значению к продолжительному деепричастию на *-сэр*, ср.: *тер герт ордж ирнэрэн уої үчлхджэ* и *тер герт ордж ирсэр уої үчлхджэ* *как только он вошел в дом, тут же напился воды*.

Характерную черту арухорчин-баринского говора составляет то, что глаголы на *-мч* и *-нэрэн* замещаются конструкцией, не зафиксированной в других говорах и состоящей из склоняемой формы причастия и послелого *дотор* с значением времени: *би Серегма үджхлн тор (үджемч, үджнэрэн) тэнсан* *как только увидел Серегму, узнал ее*; *бид үссен хадхлн тор (хадамч, хаднэрэн) хэрэд ирджэ* *как только накосили сена, мы вернулись домой*; *би чэмэ хелхлн тор (хелемч, хелнэрэн) медлэ* *как только ты сказал, я тут же понял*.

Приведем еще несколько примеров, записанных в арухорчин: нар *гархит тор* (*гарамч, гарнарāн*) *тер јавджē* *как только взошло солнце, он поехал*; *б̄; босхит тор* (*боснбр̄он, боссбр̄*) *гадтē гарджē* *как только мать встала, она вышла на улицу*; *тер ордж јрхит тор* (*јрнбр̄ен, јрсбр̄*) *ханджан д̄ер с̄уджē* *как только вошел, он сел на кан*.

То, что послелог *дотор* может встречаться в некоторых случаях в сокращенном виде как *тор*, поддерживается и именами существительными, которые управляются этим послелогом: *манē сурахид тор с̄эн сурахид б̄энā* *среди наших учащихся имеются и те, которые учатся хорошо*; *гер модонд тор джохедж̄эн* *дом стоит в лесу*.

Несмотря на тенденцию использовать данные сочетания во временном значении, преобладающей и часто употребляемой разговорной формой во всех говорах восточного диалекта остается деепричастие на *-нар̄ан*.

Уступительное деепричастие и здесь имеет параллельную форму на *-јач*, обозначающую действие, вопреки которому осуществляется другое действие, передаваемое основным глаголом: *чи надад өгјач ес өгјач би энī аван* *дай ты мне ее или не дай, я возьму эту вещь*; *тер хедī гхен санјач јич хелсенгүē* *как бы она ни скучала по матери, ничего не говорила*; *ман г̄ит хедī час орјач би јаван* (арухорч.) *хотя завтра и пойдет снег, я поеду*; *хен јрјач би хөдөлхүē* *кто бы ни приходил за мной, я не стану работать*; *тер герт̄ен б̄эјач үс хаддж шадхүē* (барин) *хотя он и будет дома, он не сможет косить сено*. Эта разговорная форма уступительного деепричастия весьма распространена в говорах и предпочтительна остальным формам.

В арухорчин-баринском говоре употребляются все три формы деепричастия целом: 1) *-х̄бр* (*тер ус дамалх̄бр јавлā* *он ушел, чтобы принести воды*; *ав мод авх̄бр гарлā* *отец вышел, чтобы принести дров); 2) *-х̄ā* (*бид түлē теиб јавнā* *мы поедем, чтобы перевезти топливо*; *чи тернī мал херүлх̄ā јавүл* *ты отправь его, чтобы он пас скот*); 3) *-хүē* (*тер х̄нм̄н х̄д̄ж јрхүē јавджē* *он ушел, чтобы пригнать своих овец*; *ене х̄хед унтхүē үледж̄эн д̄ā* *этот ребенок плачет потому, что хочет спать*. Это же значение может быть передано сочетанием слитного деепричастия основного глагола с формой *гедж*: *ене х̄хед унтан гедж үледж̄эн д̄ā*.

В речи барин восточного крыла зафиксирован суффикс *-ман, -мандж*. Посредством этого суффикса образуется деепричастие, указывающее на причину совершения основного действия: *манē ав дж̄ос олм̄ндж̄и с̄ē үнē тул-дадж авлā* *так как наш отец раздобыл деньги, он тут же купил корову*; *барн орм̄н б̄ю с̄ē герт̄ орджē* *так как пошел дождь, мы тут же вбежали в дом*; *тернī үдж̄м̄ндж̄и с̄ē медл̄ē* *так как увидел его, он тут же все понял*. Деепричастие на *-ман, -мандж* отсутствует в хорчинском говоре, нет его и в подговорах. В восточном диалекте оно встречается в харчин-туметском и арухорчин-баринском говорах.

Весь инвентарь записанных послелогов тот же, что и в остальных говорах. Остановимся лишь на нескольких послелогох, встречающихся в речи барин западного крыла: 1) *ш̄и* *подобно* управляет основной имени, но он имеет вариант *ш̄ү*: *чи јамар үхер ш̄и тенег эмтан јим* *какой ты бестолковый словно скотина*; *тер харладж харалддж̄эх үхер ш̄ү јимү д̄ē* *то, что виднеется, чернея, [вдали], похоже на быка*; 2) *чүчү, джүчү* *вровень, наравне* управляет

совместным падежом: *тер надтэ джүчү эджил хин* 'он работает нарване со мной'; 3) *толэ* (иногда и *-тлэ*) 'для', 'ради', 'за' управляет родительным падежом: *тер ардйн толэ темчиджэнэ* 'он борется за простой народ'; *би хүрдйн тэлэ джовджэ* 'я страдал ради детей'; 4) *чихэ, чинэ* 'подобно, величиною' управляет основной или же родительным падежом: *тохлэ чихэ бијетэ, түүлэн чинэ мортэ* 'сам — с локоток, а конь его — с зайца'.

Союзов в говорах немного. В арухорчин-баринском говоре употребляются: 1) *бэ 'и'* (*тер хүн сэн бэ мүрйн бид медхүэ* 'мы не знаем того человека — хороший он или плохой'; *чи надад дең бэ чэс авад јир* 'ты принеси мне лампу и бумагу'); 2) *бөгөд 'и'* (*ене бүс үнтэ бөгөд бас јасан мү* 'эта ткань дорога и притом плоха по качеству'; *бид тані бүр гаднахін ши болло — өндөр бөгөд тарган, шар үстэ* 'мы представляли вас совсем иной национальности, высокой, палмой и со светлыми волосами'); 3) *болөд 'и'* (*моңол хүнэ гол идгэ — мах болөд чагаан идэ* 'основная пища монгольского населения — мясо и молочные продукты'; *чї тер тугал болөд шигэн хөчх* 'ты отгони теленка и ягненка').

Во всех говорах употребляются разнообразные частицы. В арухорчин-баринском отрицание передается тремя частицами:

1) *түэ*, которая чаще всего стоит после причастия будущего или же прошедшего времени: *дамаг үх меден, авэл метхүэ* 'знает, как курить, но не знает, как купить табак'; *тані нохтэрт медсенгүэ* 'не знал, что у вас есть собака'. Только в речи арухорчин и барин зафиксировано отрицание *түэ* со словом *эр* 'близкий' в виде *эртүэ* (букв. 'близко не подходит', т.е. превосходит по своим качествам), которое употребляется при сопоставлении сходства или различий, например: *үл эртүэ үндер хүн* '[такой] человек, который ростом выше, чем гора'; *хэнхуа эртүэ сэхан хен* '[такая] красивая девушка, что цветок лотоса с ней не сравнится'; *үхер эртүэ бүдүн гах* '[такая] толстая свинья, что бычок в сравнении с ней уступает';

2) *дэ* 'еще не', которая следует лишь за формой причастия настоящего времени: *би нгм јүмү үджүдэ* 'я такой вещи еще не видал'; *бада болүдэ* 'пища еще не готова'; *мал таргалүдэ* 'скот еще не упитан'; *тер хотос јирүдэ бэджэ* 'он, оказывается, еще не вернулся из города';

в) *бши* (*бши, шї, ш*) 'не': *мөрчин тенд бэн бши?* 'не там ли твой конь?'; *тер хүн чамд тус хтхэс бши хор хтхүэ јлм* 'от того человека, кроме пользы, вреда тебе не будет'; *чи шатар наддагши?* 'ты не играешь в шахматы?'; *чи ене элэн хүнү, бшиү?* 'ты из этого селения или нет?'. .

Характерную черту речи арухорчин составляет использование двух утвердительных частиц, объединенных в одну, чего не бывает в хорчинском и харчин-туметском говорах: *манэ эмдардж бэхчн гмита (штā < шү дā)* 'воот так мы и живем'; *хен манд үлгер хелдж өгөх бол дд?* — *тер хеленштā* 'кто нам расскажет былинку? — Конечно, он расскажет'.

Из других разрядов частиц отметим: 1) *беддэ* — несколько измененная модальная частица [ср. СПМЯ *бул ја да*, совр. монг. (халха) *буз*] с присоединенной к ней частицей *дэ*: *чи ене бичт гарган беддэ?* 'ты, может быть, сумеешь прочесть это письмо?'; *чї ени меден беддэ?* 'ты, может быть, знаешь об этом?'; *тā чндан давс хтсен беддэ?* 'вы, может быть, уже послали свой чай?';

2) \bar{I} — вопросительная частица, которая в речи арухорчин и барин часто произносится как \bar{E} (после сокращенного слова $j\bar{m}$, $j\bar{u}m - m$): $\bar{c}i$ *javax ged-j\bar{x}\bar{I}\bar{m}\bar{I}? *jadj\bar{x}\bar{I}\bar{m}\bar{E}? *ты собираешься уезжать или как?; $\bar{c}i$ *jamax u\bar{c}h\bar{r}\bar{t}\bar{E} *men\bar{E}* *d\bar{u}ddj\bar{x}\bar{I}\bar{m}\bar{E}? *по какому поводу меня вызываешь?; *ed hedj\bar{E} javax\bar{I}m*? [*ed hedj\bar{E} javax\bar{I}\bar{m}\bar{I}* (*javax\bar{I}\bar{m}\bar{E}*)?] *когда они едут?*. Особенно употребительна она после причастной формы, тогда как после имен остается \bar{I} : *ter\bar{c}h\bar{I}* *m\bar{o}r* *j\bar{I}\bar{m}\bar{I}? *то—конь?******

Хотя частица \bar{I} известна во всех говорах восточного диалекта, но произносится как \bar{E} лишь в арухорчин-баринском и подговоре их-мянган.

Междометия во всех говорах в основном одинаковы. При выражении удивления или восторга в речи арухорчин и барин употребляются разные междометия: арухорчин *ix*, *hed\bar{I}* *s\bar{x}\bar{a}n xuax j\bar{I}\bar{m}\bar{I}! *ой, какой красивый цветок!; барин восточного крыла *v\bar{a}d\bar{a}*, *ene hed\bar{I}* *s\bar{x}\bar{a}n j\bar{I}\bar{m}\bar{I}! *ой, какая это красивая вещь!; барин западного крыла *had\bar{d}\bar{a}*, *ene \bar{c}h\bar{I}m \bar{c}ul\bar{u}* *bas b\bar{x}\bar{a}m id\bar{a}! *ой, и здесь встречаются такие камни!*. Общим для всего говора является \bar{I} , которое встречается и у арухорчин и у барин: \bar{I} , *x\bar{x}\bar{r}\bar{a}n j\bar{u}\bar{m}\bar{I}, *jadj\bar{x}\bar{I}\bar{m}\bar{I}* *ged\bar{a}* *d\bar{e}\bar{I}! *ой, какая жалость! как вы потеряли его?; \bar{I} , *x\bar{b}\bar{r}\bar{x}\bar{I}* *zen\bar{I}* *x\bar{u}hed j\bar{I}\bar{m}\bar{I}? *ой, бедняжки, чьи это дети?*. Как видно из примеров, данное междометие приобретает несколько иной оттенок значения.******

ОННЮТ-НАЙМАНСКИЙ ПОДГОВОР

Оннюты два хошуна — восточного и западного крыла, — которые территориально входят в состав Джоудаского аймака. Земли оннюты на севере граничат с баринами, на востоке — с найманами, на юге — с харчинами, а на западе — с хешиктенами.

Монголов-найман всего один хошун. Он находится в Джеримском аймаке, гранича на севере с оннютами и арухорчинами, на востоке — с аоханами. Аохан также один хошун, ныне он входит в состав оннюты. По своей речи аохане очень близки к оннютам.

Жители всех этих хошунов — оннюты, найманы и аохане — издавна занимаются земледелием.

Речь оннюты и найман, проживающих в разных аймаках Внутренней Монголии, мы выделяем в отдельный подговор потому, что он обладает чертами, общими как с восточным, так и с центральным диалектом. Переплетение особенностей разных диалектных групп дает возможность рассматривать его как самостоятельную единицу. Остановимся кратко лишь на некоторых его особенностях.

Особенности фонетики. Состав гласных такой же, как и в арухорчин-баринском говоре: помимо обычных во всех говорах и диалектах семи гласных имеются в нем переднерядные \bar{e} (\bar{e}), \bar{o} (\bar{o}), \bar{y} : *tak\bar{I}ya* *курица*, *may\bar{I}la* *блеять*, *m\bar{I}laya* *сделать подарок ребенку, если ему купили что-либо новое*, *qay\bar{I}ra* *жалость, сожаление*, *yar\bar{I}* *разговаривать*, *soll\bar{I}* *менять, сменять*, *jad\bar{I}n* *гость*, *qon\bar{I}* *овца*, *boy\bar{I}ji* *подрастать, вырастать*, *say\bar{I}ri* *основа

ние, место* — оннют-найман *дэхд, жэлд-, жэла-, хэр, гери-, сол-, джон, хон, боджи-, сур.*

Речь оннютов несколько отличается от речи найман:

1) в речи оннютов древнему комплексу *ayū* соответствует иногда долгий гласный *ō*, в то время как в найманской — долгий *yū*:

	Оннют	Найман
<i>ayula</i> 'гора'	дл	yūл
<i>jayu-</i> 'держат в зубах'	джō-	джy-
<i>sayulya</i> 'ведро'	сблoл	сyлaл
<i>ayuski</i> <i>амт.</i> 'легкие'	ошл	yшл
<i>dayun</i> 'песня'	дō(н)	дy(н)

2) в речи найман там, где в СПМЯ в первом слоге находился гласный заднего ряда *u*, иногда встречается восходящий дифтонг *ya*:

	Найман	Оннют
<i>ulayun</i> 'красный'	улāн, уалāн	улāн
<i>usun</i> 'вода'	yc(ан), yac(ан)	yc(ан)
<i>urtu</i> 'длинный'	урт, уарт	урт
<i>utusun</i> 'нитка'	ytac(ан), yatac(ан)	ytac(ан)

Возможно, здесь сказалось влияние речи соседних с ними монголов, поскольку подобное отклонение было зафиксировано лишь в харчин-туметском говоре восточного диалекта.

Оннют-найманский подговор характерен тем, что в нем наблюдаются звуковые процессы, нетипичные для других говоров и подговоров восточного диалекта. Мы имеем в виду переход сильных начальных согласных в определенных фонетических условиях в слабые начальные согласные. Подобное диссимилятивное явление известно лишь в говорах центрального и южного диалектов.

1) шипящая аффриката СПМЯ *č* сохраняется в оннют-найманском подговоре, не теряя своего исконного качества: *čimki* 'шепотка', *čad-* 'насыщать-ся', *čulbuγur* 'поводья' — оннют-найман *чмх, мад-, чолбур*. Однако сильная начальная аффриката *č* перед такими же сильными согласными второго слога слова (*č* или *q, k, s*) диссимилятивно отражается в виде слабой аффрикаты *дж*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>čiči-</i> 'колоть, произывать'	джчi-	чичi-
<i>čidqu-</i> 'лить, вливать'	джчiа-	ччiа-
<i>čidkür</i> 'дьявол'	джчiер	ччiер
<i>čarčaya-</i> 'охлаждать'	джарчā-	чарчā-
<i>čoki-</i> 'бить'	джокi-	чокi-

2) сильный начальный смычный СПМЯ *t* перед такими же сильными согласными второго слога в слове (*t* или *č, q, k, s*) диссимилятивно отражается в говоре в виде слабого смычного *д*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>tata-</i> 'тянуть, тащить'	<i>тата-</i>	<i>тата-</i>
<i>tobđi</i> 'пуговица'	<i>дбвч</i>	<i>тбвч</i>
<i>toqum</i> 'потник'	<i>дотом</i>	<i>тотом</i>
<i>törküm</i> 'родня замужней женщины'	<i>дөрхөм</i>	<i>төрхөм</i>
<i>tusiyal</i> 'приказ'	<i>душал</i>	<i>тушал</i>

3) сильный начальный спират СПМЯ *q* в положении перед такими же сильными согласными последующего слога (*q* или *t*, *č*, *s*) в оннют-найманском подговоре отражается в виде слабого смычного *ɥ*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>qadqu-</i> 'колоть, уколоть'	<i>ɥатга-</i>	<i>татга-</i>
<i>qaltar</i> 'мухортый (о масти)'	<i>ɥалтар</i>	<i>талтар</i>
<i>qačar</i> 'щека'	<i>ɥəčir</i>	<i>тəčir</i>
<i>qusum</i> 'пригорелая корка'	<i>ɥусам</i>	<i>тусам</i>
<i>qašiyala-</i> 'огораживать'	<i>ɥашāла-</i>	<i>ташāла-</i>

4) сильный начальный заднеязычный СПМЯ *k* перед такими же сильными согласными второго слога (*k* или *t*, *č*, *s*) отражается в виде слабого смычного *ɥ*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>kökere-</i> 'зеленеть, синеть'	<i>ɥөтрө-</i>	<i>төтрө-</i>
<i>kötul-</i> 'вести'	<i>ɥөтлө-</i>	<i>төтлө-</i>
<i>küdir</i> 'трудный'	<i>ɥүчир</i>	<i>түчир</i>
<i>küsel</i> 'желание'	<i>ɥүсел</i>	<i>түсел</i>
<i>kisigtai</i> 'счастливый'	<i>ɥешитмэ</i>	<i>тешитмэ</i>

В оннют-найманском подговоре, как и во всех других подразделениях восточного диалекта, шипящая аффриката *ʃ* перед *i*, а также и перед остальными гласными сохраняет свое исконное качество: *ʃürken* 'сердце', *ʃalya-* 'присоединять', *ʃaydur* 'грива (например, у льва)', *ʃun* 'лето', *ʃusu-* 'резать ломтями', *ʃebseg* 'орудие' — оннют-найман *джүрц(ен)*, *джалга-*, *джодор*, *джун*, *джүсө-*, *джевсег*.¹

В оннют-найманском носовому СПМЯ *n* соответствует латеральный *ɳ*: *noytu* 'недоуздок' — *ношт*; *nabđi* 'листья' — *нəвч*; аффрикате *ɳ* — взрывной *ɳ*: *anʃisun* 'плуг' — *эндад*; *deguʃile-* 'привесить' — *дүдлө-*.¹

Особенности морфологии. Личное местоимение 1-го и 2-го лица единственного числа в речи монголов-найман старшего поколения иногда встречается в соединительном падеже: *тер чамлэ ирсен хен иjmI?* 'кто тот, который пришел с тобой?'; *нэмлэлэ хамт јавтар хүлөдј сүнә* 'сидит и ждет, чтобы поехать вместе со мной'.¹

Глагол имеет следующие отличия:

1) в арухорчин-баринском говоре форма пожелания на *-āslā* отмечалась лишь в речи жителей двух хошунов. Эта форма имеет место и в речи оннют-

бејечин сѣн болдслад *был бы здоров*; *тер магѣтар јирѣслѣ* *приехал бы он завтра*; *хү ертѣгѣн үлджасла* *встретился бы мальчик со своей матерью*;

2) параллельно с формой глагола настоящего-будущего времени на *-нѣ (-н)* в онкют-найманском подговоре существует и суффикс *-джѣнѣ* для выражения действия, совершаемого в настоящее время: *мал хѣнѣ* *(он) гонит скот*; *голд орон* *(он) входит в реку*; *бѣ магѣтар јавнѣ* *я поеду завтра*; *тер гер нугугѣн херѣжѣнѣ* *он возвращается в свои родные кочевья*. Однако следует заметить, что форма на *-джѣнѣ* менее распространена в подговоре, замещаясь часто аналитической конструкцией с деепричастием на *-дж* и глаголом-связкой *бѣ*: *быть*: *биден танѣ јирсенѣ јѣ бѣјлдджѣнѣ* (чаще: *бѣјлддж бѣнѣ*) *мы радуемся вашему приходу*; *мѣр ус үджѣнѣ* (чаще: *ус үдж бѣнѣ*) *конь пьет воду*; *манѣ еѣ бадѣ хѣджѣнѣ* (чаще: *бадѣ хѣдж бѣнѣ*) *наша мать готовит пищу*;

3) в отличие от всех говоров и подговоров восточного диалекта в онкют-найманском предварительное деепричастие на *-нѣрѣн* используется реже. Хотя онкюты и найманы и говорят: *нар јарнѣрѣн дуларѣ* *как только взошло солнце, потеплело*; *гер ормѣрдѣн хелджѣ* *как только вошел в дом, он сказал*; но более широкое распространение в их речи приобретает другой суффикс предварительного деепричастия — *-магч*: *ахѣн дү јармагч соңсѣджѣ* *как только брат сказал, тут же послушался*; *менѣт сурмагч тер медлѣ* *как только я спросил, он понял*; *джас ормогч минѣ дү надхүл јарчѣджѣ* *как только выпал снег, мой братишка вышел играть*.

Однако между речью найман и онкютов наблюдаются и такие различия: иногда вместо суффиксов *-нѣрѣн* и *-магч* в речи найман употребляется *-ит*, например: *тернѣ үджемт јарѣд јрѣджѣ* *как только его увидел, вышел на встречу*.

В речи онкютов все эти суффиксы предварительного деепричастия иногда замещаются конструкцией с причастием и последующим *тор* (сокращенный *дотор*). Так, в нем зафиксированы: *чинѣ јрѣхѣнт тор бѣ јавсан* *как только ты пришел, я ушел*; *јү хѣлѣ јрѣвѣ? гѣдж джѣ хүгѣн үджѣхѣнт тор хелнѣ* *что ты явилась? — спросила она своего племянника, как только увидела его*. С подобной конструкцией мы встречались в арухорчин-баринском говоре. Так же как и в нем, в онкютской речи *дотор* и при основе имени встречается в виде *тор*: *ене авдар тор дѣл бѣн* *в этом сундуке хранится шуба*; *тернѣ гер тор хрѣн хүн бѣн* *у них в доме много народу*. Однако возможна и полная форма *дотор*: *ашѣ дотор туглѣн үлѣ* *теленка привязала в сарае*.

ИХ-МЯНГАНСКИЙ ПОДГОВОР

Немногочисленное население монголов хошуна Их-мянган еще в середине XVIII в. было переселено из района Кобдо (МНР) в пределы бывшей Маньчжурской империи, в провинцию Хэйлуцзян. В литературе они известны еще и как маннай-олты (олот, элют). О них писалось: *Население хошуна принадлежит к западной ветви монгол, называемой китайцами ольтами, олотами, элютами, а русскими калмыками. Ольты распадаются на несколько племен, ольты, населяющие этот хошун, принадлежат к племени хойтов, поколению Ёхе-Мингань /4, с. 99/.

Их-мянгань составляют один хошун и территориально входят в район Фухай уезда Фуюй провинции Хэйлунцзян. Общая численность населения — 400 человек.

Фонетическая и морфологическая структура их-мянганского подговора за два с лишним века развития в другой среде несколько изменилась, и, согласно данным экспедиции, можно утверждать, что она сейчас ближе всего стоит к строю говора типа арухорчин-баринского восточного диалекта. Что касается лексики, то заметна следующая особенность: с одной стороны, сохраняются некоторые черты, общие с ойратскими говорами Синьцзян-Уйгурского автономного района, а с другой — общие с языком монголов Внутренней Монголии.

Особенности фонетики. В их-мянганском подговоре существуют те же самые гласные звуки, что и во всех говорах восточного диалекта, в частности гласные переднего ряда ξ , ξ , \dot{o} , \ddot{o} :

	Их-мянган	Арухорчин-барин
<i>tasl' yur'</i> 'плеть, кнут'	<i>тэ шүр</i>	<i>тэ шүр</i>
<i>aylmtuyal</i> 'боязливый'	<i>эймтхэ</i>	<i>эймтхэ</i>
<i>morin</i> 'конь'	<i>мөр(н)</i>	<i>мөр(н)</i>
<i>qormal</i> 'подол'	<i>хормо</i>	<i>хормо</i>

Гласный \ddot{o} СПМЯ отражается в подговоре в виде узкого γ : *dörüge* 'стремя', *böglege* 'пробка', *möndür* 'град' — их-мянган *дүрө, бүглэ, мүндөр*. Подобное замещение объединяет все говоры восточного диалекта.

В их-мянганском подговоре не имеют «перелома» гласного / такие слова, как: *širan* 'шестьдесят', *kilbar* 'легкий', *kirayü* 'иной', *šina-* 'варить', *šitayä-* 'сжигать', *šidun* 'зубы', *šiltay* 'повод, предлог' — *джиран, килбар, шитайя-, шина-, шидан, шилтай.*

Аффриката ξ СПМЯ как перед гласным /, так и перед остальными гласными сохраняет в подговоре свой исконный шипящий характер и отражается в виде ψ : *šad-* 'наедаться, насыщаться', *šerig* 'воин, войско', *šitsun* 'кровь', *šiyayun* 'белый' — их-мянган *чад-, шрег, мус(ан), чайан.*

Шипящая аффриката γ в положении перед гласным /, а также и перед другими гласными, сохраняя свое исконное качество, отражается в виде $\dot{d}j$: *šegerde* 'рыжий (масть)', *šegüden* 'сон, сновидение', *šobu-* 'мучиться', *šiyayal* 'сорока', *šiyasun* 'рыба', *šiyayun* 'толстый' — их-мянган *джедро, джудо(ен), джово-, шаджидэ, джасас(ан), джуджэн.*

Отличительную черту подговора составляет то, что в нем одним из всех говоров восточного и центрального диалектов встречается заднеязычный смычный согласный *k*. Он известен в южном (ордосском) диалекте Внутренней Монголии, а из других монгольских языков — в СПМЯ, калмыцком и ойратских говорах провинций Ганьсу, Шинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Во всех других говорах Внутренней Монголии древний *k* слился со спирантом x :

<i>takiya</i> "курица"	<i>тахā</i>	<i>тхā</i>
<i>ketē</i> "огниво"	<i>кет</i>	<i>тет</i>
<i>kürgen</i> "зять"	<i>күрген</i>	<i>хүрген</i>
<i>ebke-</i> "свертывать"	<i>евке-</i>	<i>ехе-</i>
<i>küre-</i> "достичь"	<i>күре-</i>	<i>хүре-</i>
<i>süke</i> "топор"	<i>сүх</i>	<i>сүх</i>
<i>keregül</i> "ссора"	<i>керүл</i>	<i>терүл</i>
<i>yeke</i> "большой"	<i>ик</i>	<i>йх</i>
<i>kesig</i> "счастье"	<i>кешиг</i>	<i>тешиг</i>
<i>kegere</i> "поле, степь"	<i>кёр</i>	<i>хёр</i>
<i>čikiböl</i> "наушники"	<i>чкевчи</i>	<i>чхевчи</i>
<i>kümün</i> "человек"	<i>күн</i>	<i>хүн</i>
<i>üker</i> "крупный скот"	<i>үкер</i>	<i>үхер</i>
<i>kebter</i> "лёжка скота"	<i>кестер</i>	<i>хестер</i>
<i>kürje</i> "лопата"	<i>күрдж</i>	<i>хүрдж</i>
<i>kbmüske</i> "брови"	<i>күмсег</i>	<i>хөмсөг</i>
<i>kebte-</i> "лежать"	<i>кесте-</i>	<i>хесте-</i>

В подговоре замечается озвончение переднеязычного смычного *т* в начале и середине слов, что несвойственно говорам восточного диалекта: их-мянган *čajaj* "трость, палка", *čexim* "коленный сгиб", *duj* "знамя", *devdē-* "размягчать" — хорчин *тајиг*, *тххим*, *туг*, *деств-*.

Чередование согласных *л* и *к* известно всем говорам восточного диалекта. Оно заметно и в данном подговоре:

Их-мянган	Хорчин	Чахар
<i>лошт</i> "недоуздок"	<i>лошт</i>	<i>ношт</i>
<i>лавч</i> "листья"	<i>лэвш</i>	<i>навч</i>
<i>гамла-</i> "экономить"	<i>гамла-</i>	<i>гамна-</i>
<i>лѣда-</i> "надеяться"	<i>лѣда-</i>	<i>наѣда-</i>
<i>дамла-</i> "нести на коромысле"	<i>дамла-</i>	<i>дамна-</i>
<i>домло-</i> "исцелять"	<i>домло-</i>	<i>домно-</i>

Однако в подговоре отмечается *р* вместо *л* СПМЯ или других говоров: *таула-* "блеять" — их-мянган *мѣра-*, арухорч.-барин. *мѣла-*, нах. *маѣла-*.
Особенностью их-мянганского подговора является метатеза согласных в тех словах, в которых нет ее в других говорах и диалектах:

	Их-мянган	Хорчин	Шилингол
<i>ülger</i> "образец"	<i>үргел</i>	<i>үлгер</i>	<i>үлгер</i>
<i>malar</i> "дикая кошка"	<i>марал</i>	<i>малар</i>	<i>малар</i>
<i>erbegekel</i> "бабочка"	<i>еврѣхѣ</i>	<i>ербѣхѣ</i>	<i>ербѣхѣ</i>
<i>utasun</i> "нитка"	<i>усад</i>	<i>утас(ан)</i>	<i>утас(ан)</i>

В немногих словах аффрикате *č* СПМЯ соответствует в подговоре спирант *ш*:

	Их-мянган	Арухорчин-барин
<i>šna</i> - 'варить'	<i>шна</i>	<i>чана</i>
<i>štege</i> 'весть, известие'	<i>шмѣ</i>	<i>чимѣ</i>
<i>šlakür</i> 'демон'	<i>штгер</i>	<i>штгер, чүтгер</i>

Особенности морфологии. Образование множественного числа имен в основном совпадает с таковым же в арухорчин-баринском говоре. Мы лишь перечислим эти суффиксы: 1) *-с*: *емс* 'женщины', *ерс* 'мужчины'; 2) *-д*: *мөрүд* 'кони', *нохд* 'собаки', *шрөд* 'столы', *адүд* 'табуны'; 3) *-үд*: *улсүд* 'люди, народ', *дарханүд* 'кузнецы', *жасүд* 'взрослые'; 4) *-чүд*: *багчүд* 'молодежь', *байачүд* 'богачи'; 5) *нар*: *чухер нар* 'друзья', *емч нар* 'врачи'.

В их-мянган, так же как в арухорчин-баринском говоре, отсутствуют суффиксы *-нүд* и *-чүл*.

Падежи не отличаются от арухорчин-баринского говора, они имеют те же самые суффиксы образования.

Все разряды числительных образуются присоединением тех же суффиксов, что и в арухорчин-баринском говоре: *-үл* (собирательное числительное), *-ад* (разделительное числительное), *-дул ар* (порядковое числительное).

Местоимения 1-го и 2-го лица единственного *би*, *чи* и множественного числа *биден*:

Им.	<i>би</i>	<i>биден</i>	<i>-</i>	<i>чи</i>
Род.	<i>мині</i>	<i>бидені</i>	<i>мені</i>	<i>чині</i>
Дат.-местн.	<i>над</i>	<i>биденд</i>	<i>манд</i>	<i>чамд</i>
Вин.	<i>немѣтї</i>	<i>биднт</i>	<i>мант</i>	<i>чемѣтї</i>
Исх.	<i>надас</i>	<i>биднѣс</i>	<i>манас</i>	<i>чамас</i>
Орудн.	<i>надар</i>	<i>биднѣр</i>	<i>манар</i>	<i>чамар</i>
Совм.	<i>надтѣ</i>	<i>бидентѣ</i>	<i>мантѣ</i>	<i>чамтѣ</i>

В склонении личных местоимений отмечено: а) в именительном падеже *би* 'я', *чи* 'ты' не имеют долгих гласных; б) напротив, основа косвенных падежей приобретает долгую гласную — *и* (*д*); в) местоимение с основой на *ман* менее употребительно, чем местоимение *бид*.

Образование всех форм глаголов мало отличается от арухорчин-баринского говора.

В употреблении повелительно-желательных форм замечены следующие особенности: а) в подговоре отсутствуют формы пожелания на *-ама* и *-дсла*, которые характерны для арухорчин-баринского говора; б) в подговоре употребляется повелительно-просительная форма 2-го лица на *-ач* (иногда *-ац*): *жавач*, *жрѣш*.

Изъявительные формы не отличаются от аналогичных форм глаголов арухорчин-баринского говора, в их-мянганском употребляются те же формы времен. Из трех форм прошедшего времени наиболее употребительной остается и здесь форма на *-джѣ*: *јѣја ѣлд јаджѣ* 'дед уехал в деревню'; *еник джовлоц үджджѣ* 'она перенесла много горя'.

В подговоре отсутствует несколько суффиксов деепричастий, употребляющихся в арухорчин-баринском говоре параллельно с другими суффиксами,

например *-магч* (предварительное деепричастие), *-ја̄ч* (уступительное деепричастие), *-ха̄р* (деепричастие цели).

В остальных разрядах слов (наречие, послелог, союзы, частицы) их-мянганский подговор не имеет особых отклонений от арухорчин-баринского говора, если не учитывать некоторые явления, связанные с фонетическими процессами в подговоре.

Фонетические и морфологические данные их-мянганского подговора больше всего совпадают с данными арухорчин-баринского говора. Можно допустить, что малочисленная группа ойратов, оказавшись много веков назад в другой языковой среде, постепенно усвоила и перешла на речь окружавшего ее местного населения — монголов восточной части Внутренней Монголии. Несмотря на малочисленность носителей, их-мянганский подговор функционирует как средство общения на узкоограниченной территории, сохраняя общие восточномонгольские черты.

Носителями центрального диалекта являются монголы, населяющие три аймака Автономного района Внутренняя Монголия — Чахарский, Шилингольский и Уланцабский, общей численностью немногим более 200 000 человек.

Центральный диалект делится на два говора — чахарский и шилингольский.

ЧАХАРСКИЙ ГОВОР

Данный говор распространен на всей территории Чахарского аймака, т.е. среди населения следующих хошунов: Гул хухэ, Мянган тайвас западного крыла, Мянган тайвас восточного крыла, Шанд хувет шар и Шулуи хувет чаган¹. На этом говоре общаются и чахары, живущие в административном районе Пиндичоань. Здесь чахары проживают в трех хошунах (средний, передний и задний) западного крыла. Это монголы-чахары, земли которых более полувека назад были присоединены к китайской провинции. Они живут рядом с китайцами, занимаясь в основном земледелием, тогда как основная масса чахар в Чахарском аймаке занята скотоводством. По данным переписи, всех чахар насчитывается 47 000 человек, из них в Гливдицоане живет 10 000 человек.

К чахарскому говору близка речь части населения Уланцабского аймака. Это племена урат (население хошунов Урат переднего крыла и жители объединенного хошуна Урат среднего и заднего крыла) и дурбен хухет. Следует отметить, что речь дурбен хухет неоднородна: жители северной части хошуна по своей речи близки к монголам Шилингольского аймака, тогда как восточной части — к чахарам.

Если речь части племен (урат и дурбен хухет) Уланцабского аймака можно включить в чахарский говор, так как отличия между ними незначительны,

¹ Согласно военной организации при маньчжурской династии всему чахарскому населению вменялось в обязанность нести военную службу. Чахары были подразделены на восемь хошунов, каждый из которых имел особое, определенное цвета знамя — сплошное или обшитое каймой. Эти прежние наименования до сих пор сохраняются за хошунами. Следовательно, хошун Гул улан означает «хошун сплошь красного знамени», тогда как хошун Хувет улан — «хошун красного знамени с каймой».

то речь монголов-хешиктен (хошун Хешиктен в Джоудаском аймаке) мы рассматриваем отдельно как подговор чахарского говора.

Особенности фонетики. Общая характеристика говора строится на основе речи чахар хошуна Мянган тайвас западного крыла.

Гласные те же самые традиционно известные четырнадцать гласных звуков: *a* (*ā*), *y* (*ȳ*), *o* (*ō*), *ə* (*ē*), *γ* (*ȳ*), *e* (*ē*), *i* (*ī*). Там, где гласные *a* и *o* первого слога под влиянием гласного *i* второго слога развились в говорах восточного диалекта в гласные переднего ряда *ɛ*, *ø*, в чахарском заметна палатализация согласного перед *i*:

	Хорчин	Чахар
<i>šəbi</i> 'послушник'	<i>шɛв</i>	<i>шав'</i>
<i>barɣyul</i> 'ручка, черенок'	<i>бэ р̄үл</i>	<i>бар̄үл</i>
<i>morin</i> 'конь'	<i>мөр(и)</i>	<i>мор(и)</i>
<i>qoni</i> 'овца'	<i>хөн</i>	<i>хон'</i>

В говоре на месте древнего комплекса *v + y + i* развились дифтонги *аё, оё, уё, үё*. То же самое имеет место и в речи урат и дурбен хухет:

	Чахар	Урат
<i>ayil</i> 'аил, группа юрт'	<i>аёл</i>	<i>аёл</i>
<i>boyil</i> 'подрастать, расти'	<i>боёджи</i>	<i>боёджи</i>
<i>uylla</i> 'плакать'	<i>уёла</i>	<i>уёла</i>
<i>iyille</i> 'дело'	<i>үёл</i>	<i>үёл</i>

Однако заметна тенденция к переходу дифтонгов в долгие монофтонги, особенно в непервых слогах: *ei* СПМЯ соответствует долгий гласный *ē*: *billg-tel* 'талантливый' — чах. *билгтэ*.

Наиболее существенные отличия, которые обнаруживаются в чахарском говоре, касаются согласных, находящихся в оппозиции «сильные—слабые»: Сильными и слабыми могут быть как смычные и спиранты, так и аффрикаты.

Своеобразие противопоставления «сильные—слабые» состоит в том, что в чахарском прослеживается тенденция к ослаблению сильных начальных согласных, чего не наблюдается в говорах восточного диалекта (кроме оннюр-найманского подговора арухорчин-баринского говора).

Ослабленную группу согласных монголисты находили в ордосском диалекте языка монголов Внутренней Монголии /15, с. 110/. Наши материалы расширяют рамки этого явления. Тенденция к ослаблению сильных начальных согласных прослеживается не только в южном (ордосском), но также в говорах центрального диалекта — чахарском и шилингольском (т.е. в речи монголов обширного ареала — Шилингольского, Чахарского и Уланцабского аймаков), а также в одном из подговоров восточного диалекта.

Сильная начальная шипящая аффриката СПМЯ *ʃ* в положении перед такими же сильными последующего слога в слове (*ʃ* или *q, k, s*) отражается в чахарском в виде слабой аффрикаты *дж*, например:

Чахар Харчин-тумет

čabčl- 'рубить'	джавчl-	чавчl-
čaqalal 'чайка'	джаклā	чаклā
čokl- 'бить, ударять'	джокl-	чокl-
člsun 'кровь'	джус(ан)	чус(ан)
časun 'снег'	джас(ан)	час(ан)

В других случаях ослабления сильной шипящей аффрикаты č не происходит, т.е. č сохраняет свое исконное качество и остается в виде ч:

	Чахар	Харчин-тумет
čayasun 'бумага'	час(ан)	час(ан)
čulbuyur 'поводья'	чулбур	чулбур
čimklgur 'щипцы'	чмхур	чмхур
čirlg, čerlg 'воин'	чрлг	чрлг

Сильный начальный t СПИМЯ перед такими же сильными согласными второго слога (t или č, q, k, s) диссимилятивно отражается в говоре в виде слабого смычного d:

	Чахар	Харчин-тумет
tateyu 'недостаток'	датū	татū
toqal 'локоть'	дохō	тохō
tūklgur 'ключ'	дүлхур	түлхур
tosun 'масло'	дос(он)	тос(он)
tusalamj 'помощь'	душламдж	тусламдж
tuslya 'путы-треноги'	душā	тушā

В чахарском зафиксированы три глагольные основы, которые односложны и закрыты спирантом s и в которых начальный сильный согласный ослаблен, например:

	Чахар	Харчин-тумет
tes- 'терпеть'	дес-	тес-
tos- 'встречать'	дос-	тос-
tus- 'попадать'	дус-	тус-

Сильный начальный спирант q в положении перед такими же сильными согласными последующего слога в слове (q или t, č, s) в чахарском говоре отражается в виде слабого смычного g:

	Чахар	Харчин-тумет
qaga- 'поперхнуться'	гата-	тата-
qatayā- 'сушить'	гатā-	татā-
qubčasu 'одежда'	гувачас(ан)	хōвчлс(он)
qačar 'щека'	гачар	хачар
qasu- 'убавлять'	гаса-	хаса-
qasing 'ленивый'	гашлң	хашлң

Сильный начальный заднеязычный *k* в положении перед такими же сильными согласными второго слога (*k* или *t, ṭ, s*) в чахарском отражается в виде слабого *ɣ*:

	Чахар	Харчин-тумет
<i>köke</i> 'синий, зеленый'	<i>ɣox</i>	<i>xox</i>
<i>kebter</i> 'лежка (скота)'	<i>ɣeɣter</i>	<i>xeɣter</i>
<i>köčlye-</i> 'согреться'	<i>ɣөлчө-</i>	<i>xөлчө-</i>
<i>küse-</i> 'желать'	<i>ɣүсө-</i>	<i>xүсө-</i>
<i>kisig</i> 'счастье'	<i>ɣешн</i>	<i>xешн</i>

Собранный экспедициями материал у уланцабских монголов (урат и дурбен хухет восточной части) свидетельствует о том, что в их речи не имеет места ослабление сильных начальных согласных, которое наблюдается в чахарском говоре. Речь урат и дурбен хухет объединяет с чахарами то, что древний консонант *č* сохраняет в них свое исконное качество не только перед гласным *i*, но и перед остальными гласными.

Относительная определенность и регулярность этого явления регрессивной диссимиляции, противопоставление сильного начального слабому начальному согласному — результат длительного развития. Возможно, что отдельные говоры и диалекты языка монголов Внутренней Монголии отличались этой чертой в более ранний период, примерно в XIII—XIV вв. (см. /2, с. 109—110/).

Шипящая аффриката *ʃ* в положении перед гласным *i* и перед остальными гласными в чахарском сохраняет свое исконное качество и отражается в нем в виде *дж*:

ʃ перед гласным *i*:

	Чахар	Арухорчин-барин
<i>ʃiyasun</i> 'рыба'	<i>джагас(ан)</i>	<i>джагас(ан)</i>
<i>ʃiyura-</i> 'месить'	<i>джура-</i>	<i>джура-</i>
<i>ʃibere-</i> 'ржаветь'	<i>джире-</i>	<i>джире-</i>

ʃ перед остальными гласными:

<i>ʃuɣaɣan</i> 'толстый'	<i>джуджән</i>	<i>джуджән</i>
<i>ʃatay</i> 'тина'	<i>джамаг</i>	<i>джамаг</i>
<i>ʃögei</i> 'пчела'	<i>джөгт</i>	<i>джөгт</i>
<i>ʃegü-</i> 'привешивать'	<i>джү-</i>	<i>джү-</i>
<i>ʃaba-</i> 'мучиться'	<i>джово-</i>	<i>джово-</i>
<i>ʃüg</i> 'направление'	<i>джүг</i>	<i>джүг</i>

В небольшом количестве слов в речи дурбен хухет замечается переход аффрикаты СПМЯ *č* перед гласным *i* в спирант *ш*: *čidar* 'путы-треноги', *čidal* 'сила, мощь', *čir-* 'тащить', *čina-* 'варить, готовить' — дурбен хухет *шөдөр*, *шадал*, *шире-*, *шана-*.

Напротив, в речи уратов зарегистрировано несколько слов, где имеет место развитие взрывного согласного *ɣ* в спирант *с*, например: *ebed-* 'болеть', *qabuda-* 'отекает', *paɣud-* 'играть' — урат *өвсө*, *хавса*, *наса*. Подобные явления имеют место в арухорчин-баринском говоре восточного диалекта.

В речи чахар и дурбен хухет наблюдается перестановка согласных там, не бывает ее в говорах других диалектов, например: *bifregü* 'сыпь' — дурбен хухет *бирджэ; sibnegür* 'бабка (у лошади)' — чах. *шлеэр*.

Особенности морфологии. Образование имен во множественном числе имеет отличий от других говоров. В чахарском заметно лишь широкое употребление параллельной формы множественного числа - *-чүл* и *-чүд*: *джалүчүл*, *джалүчүд* 'молодежь', *моңголчүл*, *моңголчүд* 'монголы'.

Падеж и имен существительных имеют небольшие отличия, характерные для говора. Они в основном касаются образования родительного падежа. Здесь для чахарского говора зафиксированы: 1) *-ң*, присоединяемый к основам имен, оканчивающимся на дифтонг: *түлаё* 'заяц' — *түлаёң; ногоё* 'собака' — *ногоёң*; 2) *-һ*, присоединяемый к основам, оканчивающимся на согласные: *үл* 'гора' — *үлһ; нүр* 'озеро' — *нүрһ; аё* 'отец' — *аёһ*; 3) *-аё*, присоединяемый к основам, оканчивающимся на скрытый *н*: *мод(он)* 'дерево' — *модноё; адүн* 'табун лошадей' — *адүнаё*.

Винительный падеж образуется суффиксами *-и* (*хормоё* 'подол' — *хормои*) и *-ге* (*мор* 'конь' — *морге*). Однако в чахарском употребляется и суффикс *-т*, что сближает его с говорами восточного диалекта: *нас(ан)* 'возраст' — *наот*; *үг* 'слово' — *үгт*.

Образование удвоенных форм, присоединение частиц личного и возвратного притяжений не отличается по всем говорам. Зафиксирована удвоенная форма дательно-местного и исходного падежей от слов *гертдо* 'из дома' и *гартас* 'из рук'. В наших записях у чахар кошуна Шанд хухет шармы находим: *Ролма гартасчт баллгид аочих* 'Ролма может [это] вырвать из твоей руки', но следует помета: «*гартас... ене үгг арвин джархүё*» 'гартас... этим словом пользуются редко'.

Только в чахарском говоре и в речи урат частица возвратного притяжения имеет на конце заднеязычный *ң*, т.е. встречается в виде *-аң*: *барүн аблдо алаң дүддәт-р* 'позови своего брата из аила, что на западной стороне'; *тер: жүмге едждёң атрәд өг* 'принеси ту вещь своей матери'.

В речи дурбен хухет встречается частица возвратного притяжения *-а* (*аң* редко): *аха дүддәт-рөч* 'позови-ка своего старшего брата'; *гандә үсгүё, гандә аргалгүё* 'в чане у него нет воды, а во дворе — аргала (кизьяка)'.

В произношении количественного числительного «девять» чахары сближаются с харчинами, т.е. оно произносится *jis(ен)*: *арав jis* — 19, *гуч jis* — 39, *тав jis* — 59 и т.д. В речи урат и дурбен хухет «девять» будет *яс(он)*. В остальном чахарский ничем не отличается от других говоров: 1) *-дугар* в порядковом числительном (*джургидугар* 'шестой', *дорөдүгү* 'четвертый'); 2) *-үл* в собирательном числительном (*арөүл* 'вдесятером', *исөүл* 'вдвелятером'); 3) *-ад* в разделительном числительном (*гучад* 'по тридцать', *итрөд* 'по девяносто').

Личное местоимение 1-го лица единственного числа имеет две параллельные основы косвенных падежей — *над-* и *нам-*:

Им.	<i>би</i>
Род.	<i>мині</i>
Дат.-местн.	<i>надад, намаёд</i>
Вин.	<i>намади</i>
Исх.	<i>надаc, намадиас</i>
Орудн.	<i>надаp, намадиар</i>
Совм.	<i>надаб, намадтаб</i>

В речи чахар хошуна Шанд хувет шар мы записали наряду с *намади* (вин. пад. от *би*) и чередующуюся форму *манади* 'меня', например: *манади үнэ са-тар тер ху сатууджэ* 'пока я подою корову, понянчи того ребенка'.

Парадигма местоимений *бид(ен)* 'мы', *чи* 'ты', *та* 'вы' ничем не отличается от склонения их в других говорах. Лишь следует остановиться на указательных местоимениях *ене, тер* в значении личного местоимения 3-го лица. Своеобразие чахарского говора в сравнении с теми говорами, о которых шла речь прежде, заключается в том, что эти местоимения в единичных случаях включают еще и основу *-үнэ*:

	Чахар		Арухорчин-барин	
Им.	<i>ене</i>	<i>тер</i>	<i>ене</i>	<i>тер</i>
Род.	<i>енинэ</i>	<i>терне</i>	<i>енинэ</i>	<i>тернэ</i>
Дат.-местн.	<i>енинд, теренд, терүнд</i>		<i>енинд</i>	<i>теренд</i>
Вин.	<i>енинэ</i>	<i>теринэ</i>	<i>енинэ</i>	<i>теринэ</i>
Исх.	<i>енинэc</i>	<i>тернэc</i>	<i>енинэc</i>	<i>тернэc</i>
Орудн.	<i>енинэр</i>	<i>тернэр</i>	<i>енинэр</i>	<i>тернэр</i>
Сов.	<i>енинтэ</i>	<i>терентэ, тертэ</i>	<i>енинтэ</i>	<i>терентэ</i>
	<i>енинтэ</i>	<i>терүнтэ</i>		

В речи чахар хошунов Гул хухэ и Шанд хувет шар наряду с *теринэ* (вин. пад.) весьма часто употребляется параллельная ей форма *тернэ*: *тернэ хүдөөч ес хүдөөч дур үгүдэ* (Шанд хувет шар) 'что ждать, что не ждать его — все равно бесполезно'; *тернэ үнэгэн саниут мах бучалла* (Гул хухэ) 'пока она доила свою корову, мясо закипело'.

Отличает речь чахар и употребление местоимений во множественном числе *еднүс* 'эти', *теднүс* 'те': *теднүс готос бичи атвал би үджнэ* 'если те привезут письмо из города, я прочту'; *еднүс бас хүрэд трджэ* 'эти тоже приехали'.

В речи урат и дурбен хухет местоимения *ене* и *тер* имеют разные основы косвенных падежей: *енин-, енүн-, тер-, терүн-* (урат); *енин-, тер-* (дурбен хухет):

		Урат	Дурбен хухет
Дат.-местн.	<i>egün-dür</i>	<i>енинд, енүнд</i>	<i>енинд</i>
	<i>tegün-dür</i>	<i>теренд, терүнд</i>	<i>теренд</i>
Исх.	<i>egün-ёсе</i>	<i>енинэc, енүнэc</i>	<i>енинэc</i>
	<i>tegün-ёсе</i>	<i>тернэc, терүнэc</i>	<i>тернэc</i>

Повелительно-пригласительной формой 1-го лица обоих чисел является *-ја*: *би одо горшбнд очја* 'я сейчас поеду в кооператив'; *бид чагац үја*

«выпьемте-ка чаю»; *эрт гарад үдлэ-ирэ* «выедемте пораньше и вернемтесь в полдень».

К поведительной форме 2-го лица, как и в говорах восточного диалекта часто присоединяется долгий гласный: *тā майттар жаа* «вы поезжайте завтра»; *миг дү ном сайн сурб* «мой братишка, учись хорошо»; *чи манаэд өнө ороб-ирэ* «приходи к нам вечером».

Последнюю фразу мы записали у чахара, жителя хошуна Гул хухэ. Согласно сведениям информанта, «*ирэ* — *улам гүчэ болгож, их гүседж байн медүүлэ*», т.е. информант поясняет: когда чахары произносят вместо *ирэ* форму *ирэ*, то этим хотят подчеркнуть поведение, желание, приказание, отдаваемое в более настойчивой форме.

В речи дурбен хухет зафиксирована поведительно-просительная форма 2-го лица *-ач*, которая известна в соседнем шилингольском говоре: *хүгедми чагтай үнч* «пейте, дети мои, свой чай»; *чи гертэ хурдан очач* «ты быстрее иди к себе домой».

В 3-м лице используется известная и распространенная во всех говорах поведительно-желательная форма *-и*: *майттар готод Буянбат жаага* «завтра в город пусть едет Буянбат». Суффикс 3-го лица *-тугай* (СПМЯ *-тууи*, *-түгөй*) употребляется редко.

В чахарском говоре зафиксирован суффикс *-дсаё*. Посредством этого суффикса образуется желательная форма: *чи бордондс түрү жавасаё* «поехал бы ты до дождя»; *би Гаджимай усанд очдсоё гесенгүё* «я не сказал Гаджике, чтобы пошла за водой».

Часто эта форма употребляется с глаголом 3-го лица. Так, в речи чахар хошуна Шанд хувет шар нам встретился пример: *аргадмайад жавасаё да* «приложил бы все старания и усилия, поехал бы».

Как и все монголы Внутренней Монголии, чахары редко употребляют суффикс множественности субъектов действия. По признанию самих носителей говора, «*одб хамгайүб хергелдэжнэ*» (т.е. словоформы типа *жавга* и *жавгагай* употребляются не строго).

Изывительная форма настоящего-будущего времени сохраняет суффикс *-нэ* (*-н*): *майттар теңгер хүтетен болом* «завтра будет холодная погода»; *би өглө суманд жавнэ* «я утром поеду в сомон»; *та хаша жавнү?* «вы куда едете?»; *тад Баочанд жавах гедж байнү?* «вы собираетесь в Баочан?».

Обращает на себя внимание существование в диалектах Внутренней Монголии глагола «быть» в двух формах, вместе с формой предшествующего деепричастия несущих значение настоящего времени. Для восточного диалекта это синтетическая форма *-джэнэ* (< *-дж* + *бэнэ*), а для центрального — аналитическая, состоящая из *-дж* и *баён*. Эти формы стали для каждого из диалектов нормой в передаче действия, совершаемого в настоящее время.

Форма глагола прошедшего времени на *-в* в функции сказуемого почти не встречается. Чахарский говор не является исключением. И в нем форма на *-в* употреблена в предложении с вопросительной частицей или вопросительным словом: *та ендёс жавд хэ хонов?* «выехав отсюда, где вы ночевали?»; *өчидер чи лошүнд очаву?* «ты вчера не ездил в хошун?».

Напротив, остальные две формы глаголов прошедшего времени — на -лā и -джē(-чē) — широко используются в говоре: *тер ху джочн серлē* 'мальчик проснулся от испуга'; *егчй усанд очкнлрѣн дѣгн дагыллā* 'когда сестра пошла за водой, взяла с собой своего младшего брата'; *би одд долѣн настā боллō* 'мне теперь исполнилось семь лет'; *орѣ бй эгчлѣн дастаджē* 'вечером я повторил свои уроки'; *тернѣ тулалчн хуѣн егчē* 'ту /вещи/ отдали мальчику — пастуху телят'.

Причастия прошедшего времени в чахарском несвойственно заменять конечный и заднеязычным џ, как это наблюдается в шидингольском говоре, т.е. в нем мы имеем суффикс -сам: *чй жайѣ теңд очсонгүѣ билē дѣ?* 'почему ты туда не пошел?'; *тх ердѣж сурсан хүн* 'человек высокообразованный'; *ур-гāн авād мор бархār жавсан* 'ушел с укрюком (шестом), чтобы ловить ковы'; *би чмѣ джājдж өгсөн јобѣр хісен* 'я сделал так, как ты меня учил'. Из всех причастных форм она употребительнее других, тогда как остальные, в особенности причастие на -ā, функционально более ограничены.

В образовании деепричастий сопутствующих, т.е. соединительного, слитного и разделительного, чахарский не отличается от других говоров и диалектов. Особенности говора заметны в другой группе деепричастий — обстоятельственных.

1. Последовательное деепричастие имеет два варианта суффикса -лār (-хār): *жавхārāн (жавхārāн) манайгār даѣрд гарā* 'когда поедешь, заезжай по дороге к нам'; *Гаджидмā жавлār (жавхār) чй јавнү?* 'когда поедет Гаджидма, ты с ней поедешь?'; *над давсāн тѣжнрѣн (тѣ-хлрѣн) манай тергē авād јавā* 'когда поедете за солью, берите нашу телегу'. Обе формы деепричастия одинаково распространены и употребительны.

2. В речи чахар хошуна Шанд хует шар зарегистрирована параллельная форма деепричастия цели на -хāн вместо -лār, известного в речи чахар остальных хошунов: *чй усāн дамхāн (дамхār) јавхārāн манай дудчлх, нуг јавјā* 'когда пойдешь за водой, позови меня, пойдем вместе'; *хојулан ене өдѣр аргал түхѣн (түхār) јавјā* 'пойдем вдвоем сегодня собирать аргал (кизьяк)'; *чй үнѣгн сāхāн (сāхār) гар* 'ты иди, чтобы подоить корову'; *Баяр адү-гāн усалхāн (усалхār) гертѣсен ховдгн авād гарлā* 'Баяр вышел из дому с колезной бадьей, чтобы напоить табун лошадей'.

3. Уступительное деепричастие образуется посредством суффикса -авч: *харвач ес харвач болохгүѣ* 'смотри не смотри — все равно'; *чй теңд очкоч јүч болохгүѣ* 'хотя ты и пойдешь, все равно ничего не получится'. Однако в речи жителей хошунов Шанд хует шар и Гул хухэ бытует другая форма этого деепричастия, хорошо нам известная по говорам восточного диалекта. Это суффикс -јāч: *чамайг трјѣч (трѣч) тер трдж шадхгүѣ* 'если ты и придешь, он не сможет прийти'; *та харјāч (харвāч) харсангүѣ ч тер трехгүѣ* (Шанд хует шар) 'смотри не смотри, он не придет'; *чй ерт јавјāч (јавбāч) надās түрү ху-рехгүѣ* 'хотя ты и раньше меня поедешь, но раньше меня не доберешься'; *трјѣч трехгүѣ болбач бй јавнā* (Гул хухэ) 'придет он или не придет, я поеду'.

4. Предварительное деепричастие на -магч в чахарском, как и во всем центральном диалекте, зафиксировано в следующих примерах: *джас ормогч теңг ер мұхāѣ боллō* 'как только выпал снег, погода ухудшилась'; *Сарангер-лāн дүдмагч бй хурѣд трлē* 'как только позвала Сарангерел, я тут же явился'.

В подтверждение того, что это деепричастие обозначает действие, после осуществления которого следует тут же другое действие, в чахарском говоре наблюдается частая замена деепричастной формы причастием прошедшего времени со словом *мортон* 'как только, сразу' (ср. СПМЯ *tör tegeŋ*, совр. монг. *мортөө*). Особенно это заметно в речи чахар хошунов Шанд хувет шар и Гул хухэ, например: *Джамса герт орсон мортон (ормогчон) гарад жавла* 'как только Джамса вошел в юрту, сразу вышел'; *бэж гаднас грсен мортон (прметчен) чаггай чагай* 'как только мать пришла, стала варить чай'; *тед адугац тэдэж грсен мортон (прметчен) усалла* 'как только они пригнали табун, стали поить'; *Оролма багшнд орсон мортон (ормогчон) гарад жавла* 'как только Оролма вошла в дом, тут же вышла'. Объяснение информанта: «*орбд удсангүе, дора гарад жавла*» (т.е. вошел человек в дом — не задержался, тут же вышел).

5. Деепричастие предела в чахарском имеет параллельные формы на *-таг(-тар)*: *Оунгерел пртел (пртер) чи ене чаггай чанад тэддэж* 'пока придет Оунгерел, ты приготовь этот чай'; *сүсэр багтар (багтал) Лубсан хүрэд грав* 'пока сидели, пришел Лубсан'; *жа бада бучалтар (бучалтал) энд сүдэж бай (сүдэж)* 'пока сварится еда, вы посидите тут'.

6. Деепричастие причины на *-манджин (-ман)* сохраняет за собой и значенные условия осуществления действия: *чи очмон ене херег саё бүтнэ* 'если ты пойдешь, это дело тут же разрешится'; *чи хелмэн би саё медлэ* 'так как ты сказал, я тут же понял'. Форма на *-манджин* чаще встречается в речи чахар хошунов Шанд хувет шар и Гул хухэ. Нами зафиксированы следующие примеры: *чи јавманджин саё тер хүн гниэ ба?* 'если ты поедешь, он тут же придет?'; *чи очмонджин тер херег бүтнэ шү* 'если ты пойдешь, то и дело наверняка совершится'.

Приведем два примера, записанные нами у информанта: *чи хелмэнджин їм болло ба да?* 'ведь так получилось оттого, что ты сказал?'. К этой фразе сохранилось в наших записях пояснение самого информанта: «*чи хелнэс їм болло, чи хелсенгүе бол їм болохүе гесен мајатай*» (т.е. оттого что ты сказал, этак получилось; если бы ты не сказал, такого не было бы); *чи үджмэнджин морон саё тайла ба да* 'так как ты заметил, он распознал своего коня'. И здесь пояснение информанта: «*чи үдженгүе бол тер морон олохүе гесен мајатай*» (т.е. если бы ты не увидел, он не нашел бы своего коня).

Эти два примера с деепричастием на *-манджин* указывают, что здесь сохраняется причинно-условная зависимость действий. Это подтверждается и пояснениями: в первом случае употребляется фраза, начинающаяся с *чи хелнэс...* (причина), а во втором информант пользуется другой конструкцией — *чи хелсенгүе бол...* (условие).

В речи чахар хошуна Шанд хувет шар деепричастие на *-манджин* иногда может соответствовать по значению предварительному деепричастию: *ене јавманджин би саё јавна* 'как только он пойдет, я тут же пойду'.

7. В чахарском говоре существует форма попутного деепричастия, которая не встречается в говорах восточного диалекта. Это деепричастие образуется присоединением к основе глагола суффикса *-нүгүт*. Оно обозначает действие, во время совершения которого попутно может произойти другое действие, передаваемое основным глаголом-сказуемым: *чи аёл тоёроцүгүт ма*

лән үджі * когда будешь разезжать по аилам, присматривай и за скотом*;
 тһиёң јавангүтәү манәд хаджінд нег бүгәд гар * когда будешь туда ехать, зайди и к нашим сватьям*; тер туглаң харүлаңгүтәү аргал түлө * когда он пас своих телят, собирал и аргал (кизяк)*. Однако возможно и значение последовательности совершаемых действий: тер хүн намағи треңгүт джерд гарла * как только я пришел, он вышел навстречу*; ёдж түлөгән авч треңгүтәң чағән чанла * как только мать принесла топливо, стала варить чай*.

Это значение чаще всего поддерживается значением и другого суффикса — -ңиә (-ңиёң), заимствованного из халхаского диалекта: Сепелма терһи үджіёң танла * как только Сепелма увидела его, она узнала*; тер адүнас треңгүт дорһи јавла * как только он вернулся из табуна, тут же ушел*; ажи морһос бүңга терт орло * как только брат спешился, вошел в юрту*.

В наших записях встречаются примеры на -ңиә, нередко заменяемые формами предварительного или последовательного деепричастия: тер манәд ороңгүт (ормоғочу, орһиёрдү) гард јавла * как только он вошел к нам, тут же вышел*.

Послелог в чахарском говоре в основном те же, что и во всех остальных говорах и диалектах, лишь в некоторых случаях в употреблении их наблюдаются отличия, связанные с фонетическими явлениями, типичными для говора. Приведем несколько послелогов:

1) удбар управляет исходным падежом и встречается во временном значении: јансан манүсәс удбар трһгәсен * Янсан пришел раньше, чем мы*; тер аджлаң ағләсәң удбар зюжә * он выполнил работу прежде своего брата*;

2) духаә *о, относительно* управляет родительным падежом: өнөдөр мај адж-ахун духаә хурај зилә * сегодня устроили собрание относительно развития животноводства*; Нима дуғуёлан баёғүлсанһиң духаә јарһисан * Нима говорил относительно создания кружка*;

3) шг, шү *подобно, как* управляет основой имени: дос шг борд * дождь, подобно маслу*; горһин шү гтад үг јардј шадазгүә * он не может говорить по-китайски, как хорчин*; однако в уподобительном значении он встречается только как шг: чагһгалвал суврај шг, һаш јавбал дёс шг * свернется клубком — словно пирамида; двинется дальше — словно веревка* (загадка: змея).

4) барам встречается только с отрицанием үл (которое ему предшествует) с общим значением *не только, но и...*. Он управляет орудным падежом: монғол бһиһ медхәр үл барам гтад бһиһ бас меднә * он знает не только монгольское письмо, но и китайское*; бһи терһи медхәр үл барам бас хидж шаднә * я не только это знаю, но и могу сделать*; едһүс үхәр үл барам йөдј йөдј јавла * они не только пили, но и, наевшись, ушли*; тер соңсхәр үл барам үд-жедј баёла * он не только слышал, но и видел*. Данный послелог распространен во всех говорах и диалектах;

5) несколько приближается к нему по своему значению и послелог баёту-гаә *не только, но и...*, употребляющийся после причастия будущего времени, например: енһиң үдјиһ баётугаә соңсох ч дурһүә * не только видеть его, но и слышать о нем не хочется*; хүнә телех баётугаә ороң бас шадазгүә * не только осуждает людей, но и сам тоже не может сделать*; бид хојор танһах баётугаә үгерхед уодај баёна * мы не только знакомы, но и дружим давно*.

Частицы в основном идентичны по значению и делятся на те же группы что и в других говорах и диалектах, но в чахарском наблюдаются небольшие отличия.

1. Наиболее употребительной из отрицательных частиц является *-гүё* *не, *ганчан чүдең гал болохгүё, ганчан хүн аёл болохгүё* *одна спичка — не огонь, один человек — не семья*; *дамьин джочин бүр үйгүё, нег — хоёр сордо, бучайад өгчигинё* *гость до конца не курит трубку, после одной-двух затяжек возвращает хозяину*; *хя гаджргүё гүч чьхон* *езде у них силы слабые*; *бир гер сахад теңд очсонгүё ба да* *так как караулил дом, я не смог туда поехать

2. Чахары широко пользуются утвердительными частицами *шү, да; та те-рн үджсен шү* *вы его видели*; *одд наёрт јавна шү* *сейчас идем на празднество*; *тер ерт босод хондбон јаван да* *пусть встанет пораньше и пойдет за овцами*; *чи гард нод да* *иди на улицу, поиграй*; *тер ертөн очсон штә* *он пошел домой*; *тер хеджө трөө дө?* — *саё трлө штә* *когда он приехал? — Он не-давно приехал*; *Дугимачин ене өглө-трсен штә* *Дугима вернулась утром*. В говоре заметно и объединение двух частей в одну. Частица *штә* (< *шү + да*) подтверждает реальность высказывания и придает речи чахар своеобразный колорит. У чахар хошуна Шанд хувет шар нами зафиксировано: *Пунсагчин та саён дү дүлдаи хүн јим генё, тјм штә* *говорят, Пунсаг очень хорошо поет песни. Вот таков (он)*.

3. Усилительно-противопоставительная частица *ч* известна и в центральном диалекте. Ср. в чахарском: *елдигең джигенд ус хјсен ч баёга, дос хјсен ч баёга* *в уши осла хоть воду налей, хоть масло — все бесполезно*; *чбс ч бш, бчн ч бш, деветер шү* *это не бумага, не книга, а тетрадь*.

По данным экспедиционной группы, посетившей чахар в административном районе Пиндицюань, заметна одна деталь: здешние чахары наряду с частицей *ч* используют в той же роли частицу *ја:* *горшонд јү ч дутхүё баён (горшонд јү је дутхүё баён)* *в кооперативе ни в чем недостатка нет*; *чи иде дө, чаё ч хорчиджө (чи иде дө, чаё ја хорчиджө)* *ты ешь, не то чай остынет*; *теднн дүда, хөл ч хорчиллө (теднн дүда, хөл јө хорчиллө)* *зови их, не то пища остынет*.

4. В значении запрета сохраняются две параллельные формы — *бтн* и *бтн:*. *та готод бтн јавә* *вы не ездите в город*; *чи бтн уёлад баё* *ты не плачь*. С повелительно-желательными формами употребляется частица *бү:* *чи бү јар, джәхон сүгад јавә* *ты не спеши, посиди немного и пойдешь*; *чи галар бү нод* *ты не играй с огнем*.

5. В говоре чахар хошуна Шанд хувет шар при вопросе часто употребляется глагол *гов-* *сказать, говорить* со связкой *баё:* *тад Баочанд јаван гедж баёнү (геджинү)?* *вы собираетесь ехать в Баочан?*; *та морндон јаван гедж баёнү (геджинү)?* *вы собираетесь пойти за своим конем?*; *та хлбон идех гедж баёнү (геджинү)?* *вы собираетесь кушать?*. Ср. еще пример на сращенные формы глагола *гов-* с частицей *л:* *тер өггөн үлгер саён меддег јим генлө* (< *гов-кнө + л*) *говорят, тот старик знает много былин*.

Часто встречается в чахарском частица *бидж* со значением вероятности, предположительности: *ах готбс бучадж трегүё бидж* *старший брат, наверное, не вернулся из города*; *чимегүё сүхис дөр бидж дө* *должно быть, это лучше*.

чем сидеть молча; *енчи мнй алчур бидж дэ* 'это, вероятно, мой платок'; *ма-
аатар та яснэ бидж дэ* 'вы, вероятно, едете завтра'.

В чахарском говоре зафиксировано несколько междометий, которым нет соответствия в других говорах:

1) *лэ-лэ, хедэ лосштоё јим!* 'ой, сколько у них хлама!'; *лэ-лэ, јамар мѳ-
хаё јим!* 'ой, какая некрасивая вещь!';

2) *хэ-хэ, ене ху јасан алё јим!* 'о! какой он шабун!'; *хэ-хэ, јамар саёхан
едэр ед!* 'о! какой прекрасный день!';

3) *ш-ш, чи јатчхсан јим дё!* 'ой, что ты наделал!'; *ш-ш, чи јамар ам-
тан јим!* 'ох, какой ты человек!';

4) *пэ-пэ, јамар өмэл јим!* 'фу, какой неприятный запах!'; *пэ-пэ, јамар
дүрс мѳтаё јим!* 'фу, какой страшный на вид!';

ХЕШИКТЕНСКИЙ ПОДГОВОР

Монголы-хешиктены населяют один хошун, который входит в состав Джоудаского аймака. Он граничит на севере с хучитами, на востоке — с баринами, на юге — с оннютами, а на западе — с чахарами. Земли хошуна еще в середине XVIII в. были колонизированы переселенцами, и местные монголы вынуждены были перекочевывать в пределы соседних хошунов в поисках лучших пастбищ.

По своей речи монголы-хешиктены относятся к подговору, промежуточно-му между центральным и восточным диалектами. Хотя черты тех и других говоров проявляются в нем в равной степени, рассматриваем мы его в составе чахарского говора, поскольку у них более тесны контакты с монголами центральных районов.

Особенности фонетики. Кроме известных всем говорам четырнадцати гласных звуков в подговоре имеются еще гласные переднего ряда ε , $\bar{\varepsilon}$, \bar{o} , \bar{o} , \bar{y} : *алиа* 'резвый, шаловливый', *өүлмшү* 'боязнь', *долл* 'менять', *сөүл-
'выстаивать (лошадь)', талмур* 'пожар' — хешиктен $\varepsilon\bar{a}$, $\bar{\varepsilon}mш$, $\bar{o}\bar{a}$ -, $\bar{o}\bar{o}$ -,
түмер.

Как известно, эти гласные типичны для говоров и подговоров восточного диалекта.

В речи хешиктен замечается одна особенность: иногда вместо долгих гласных употребляются дифтонги. Так, зафиксированы примеры: *теден модон дотор төрджен* (*төрдж баён*) 'они гуляют в лесу'; *хүчин үлэдэх* (*үлэд баёх*), *гертен јавэ* 'иди домой, сын заплачет'; *мөм јирхлэрчи манёд* (*манаёд*) *јир* 'когда вернется мать, ты приходи к нам'.

Речь хешиктен резко отличает (как и речь оннютов и найман) от речи монголов восточной части ослабление сильных начальных согласных в слабые начальные согласные. Это сближает подговор хешиктен с говорами центрального и южного диалектов.

Сильная начальная шипящая аффриката СПМЯ \check{c} в положении перед такими же сильными последующего слога (ч или q , k , s) отражается в подговоре в виде слабой аффрикаты $дж$: *чеёег* 'цветок', *чагар* 'чахары', *диктёд*

'наушники', *česurqaq* 'снежный' — хешиктен *джичи, джатар, джихечи, джасарта.*

Сильный начальный согласный СПМЯ *t* перед сильными же согласными второго слога (*t* или *č*, *q*, *k*, *s*) соответствует в подговоре слабому начальному согласному *d*: *toyta-* 'устанавливать', *tobdi* пуговица, *taqala-* 'подковырять', *takim* 'коленный сгиб', *tasura-* 'рваться, отрываться', *tastıyū* 'косо-гор'; 'склон' — хешиктен *дошто-, довчи, дахла-, дахлм, дасра-, дашū.*

Сильный начальный СПМЯ *q* в положении перед такими же сильными согласными второго слога в слове (*q* или *t*, *č*, *s*) в подговоре хешиктен отражается в виде слабого смычного *ʔ*: *qaqa-* 'поперхнуться', *qatayū* 'твердый, жесткий', *qibti-* 'накрывать', 'крыть', *qusu-* 'скоблить, соскабливать', *qawıng* 'ленивый' — *qaza-, qatū, quči-, quca-, qawıŋ.*

Сильный начальный заднеязычный *k* в положении перед такими же сильными согласными второго слога (*k* или *t*, *č*, *s*, *š*) в подговоре хешиктен отражается в виде слабого согласного *ʔ*: *kəkü-* 'сосать', *kelteyl-* 'коситься', 'наклониться', *kibiči-* 'греть, согревать', *keseg* 'часть', 'кусок', *kösige* 'занавес' — *koxa-, keltı, kəlči-, keseg, köşin.*

Как и во всех говорах восточного диалекта, в подговоре хешиктен замечается:

1) переход *ʔ* [*ʔ*] перед согласными *č*, *t*, *s* (*š*) в спирант *ɰ*: *egedi* 'старшая сестра', *noytula-* 'надевать недоуздок', *aysa-* 'привешивать (например, лук)', *aysi-* 'сокращаться' — *ex, nozlo-, azca-, axtıŋ.*

2) чередование в небольшом количестве слов начального *j* с нулем (перед *l*): *ire-* 'приходить' — *jire-; ire-, illegü* 'лишний, излишний' — *jilū, ilū; lalgen* 'козленок' — *lulū; yeke* 'большой' — *jix, ix; ikire* 'близнецы' — *jizer, izer.*

Весьма показательным в подговоре является отражение спиранта *s* в виде слабой аффрикаты *dz*: *salkın* 'ветер', *soqur* 'слепой', *soqura-* 'ослепнуть', *soyta-* 'опьянеть', *soytayū* 'пьяный' — хешиктен *сзлхн, dzлхн, созор, dzозор, сохро-, dzохро-, сошто-, dzошто-, соштū, dzоштū.*

О параллельном употреблении слов с начальными *s* и *dz* свидетельствуют следующие фразы, записанные у хешиктен: *dzлхнāс хурдан санātē* 'мысли у него быстрее ветра'; *борōн орсиō дарā сзлхн гарлā* 'как только прошел дождь, поднялся ветер'; *сзлхнтēд уңлāс савдж болхүē* 'в ветреную погоду нельзя тропать (бить) шерсть'; *есхүл dzлхн гаран, есхүл хүтерен* 'или поднимется ветер, или похолодает'.

Особенности морфологии. В склонении имен существительных хешиктенский подговор не имеет отличий от склонения существительных в арухорчин-баринском говоре. Однако в направительном падеже в подговоре встречается суффикс *-rū*: *манē адū голрū орлō* 'наш скот направился к реке'; *менēрū нег хүн jлрлē* 'к нам пришел какой-то человек'.

В склонении местоимения 1-го лица единственного числа *bi* 'я' подговор ближе к арухорчин-баринскому говору, чем к чахарскому:

Дат.-местн.	нāд	нāд, надад	надад, намаѐд
Вин.	нѐмѝ(г)	нѐмѝ(г), мѐнѝ(г)	намаѐт
Исх.	нада̄с	нада̄с	нада̄с, намаѐт а̄с

В хешиктенском подговоре заметно существование черт, характерных для говоров разных диалектов, и в этом отношении он является переходным. Отличительные черты, присущие повелительно-желательным и изъявительным формам, сближают его с восточными говорами, тогда как в образовании и употреблении некоторых деепричастий — с говорами центрального диалекта.

Желательная форма на -а̄сла̄, встречающаяся нам ранее в баринском, употребляется и в хешиктен: *мед хōл-идѐслѐ* 'поели бы они пищу'; *хүхед уо̄йн на̄дасла̄ да̄* 'поиграли бы дети подольше'; *борōн орбслѐ* 'пойти бы дождю'; *чи сѐн сурасла̄* 'учился бы ты хорошо'.

В хешиктенском подговоре, как и во всем восточном диалекте, настоящее время глагола образуется суффиксом -джѐнā (-джѐн). Он широко употребляется: *манѐ хүхед хōн јамā херүлджѐнā* 'наши ребята пасут овец и коз'; *мед намарджā бүүхәр јавджѐн* 'они едут, чтобы поселиться в зимниках'; *Чогто герѐн сүдерт гевтджѐн* 'Чогто лежит в тени юрты'.

Деепричастие характеризуется следующими особенностями:

1) в хешиктенском подговоре нет суффикса предварительного деепричастия на -нāрāн, типичного для всех говоров восточного диалекта. В нем бытует разговорная форма на -мч: *би нар гарамч јирлѐ* 'я приехал, как только взошло солнце'; *тер гл герѐн бэримч галāн түлджѐ* 'та семья, как только поставила юрту, так стала разводить огонь';

2) в наших записях у хешиктен встретились цели -хүэ; *меден давс авхәр (-хәр)* употребляется и показатель деепричастия *јавджѐ* 'они отправились, чтобы привезти соли'; *тер тәрхәр (төрхүт) гарād јавджѐ* 'он вышел, чтобы погулять';

3) подобно харчин-туметскому и чахарскому говорам, в подговоре хешиктен деепричастие предела имеет варианты суффикса -тар, тал: *би үр гевѐртер хōн мамлā* 'я охранял овец до рассвета'; *тер сохтогол үлā* 'он напился допьяна'; *бид бадāгāн чадтар-јулѐ* 'мы поели досыта';

4) -мāн, -мāнчн в речи хешиктен встречается редко. Зафиксированы лишь единичные примеры: *мині өвчн ем үмāн (үмāнчн) едеглѐ* 'так как я принял (пил) лекарства, я вылечился от болезни'; *джас јхер ормōнчн бю герѐн сүлā* 'так как пошел сильный снег, мы сидели дома';

5) более распространенным в подговоре является суффикс -үгүт, характерный для центрального диалекта: *тер бсѐн адүгāн хараңгүт олнѐ адүг харджѐн* 'когда он смотрел за своим табуном, он приглядывал и за общественным'; *чи бсѐн мōрōн ереңгүт мині мōрī баса үджѐ* 'будешь искать своего коня, заодно поищи и моего'; *мед-преңгүт дэелхн гарлā* 'с их приходом поднялся ветер'. В наших записях у хешиктен попутное деепричастие на -үгүт часто замещается другими формами, в частности деепричастием продолжительным или последовательным на -хлār (-хлār): *мед јавүгүт (јавсār, јавхārāн) гджлн дүгā јарлчнā* 'когда они идут, говорят о работе'; *тер давсāн авād јреңгүт*

(jɪrɕɛr, jɪrɕɛrɛn) мал жхѳр јавлā *когда вернулся из поездки за солью, пошел погнать скот*; борб намджигѳт (намджисѳр, намджигѳрѳн) бид јавјā *как только перестанет дождь, мы поедем*.

В послелогох заметны отклонения фонетического характера.

Послелог tuqai произносится как духā: мал малджигѳн духā јарджѳн *речь ведут о разведении животных*; послелог tursi встречается в виде дури: ене сар дури борѳн орѳдѳлā *весь этот месяц шли дожди*.

Частицы в хешиктенском в основном те же, что и в говорах восточного диалекта. По нашим записям, особенность хешиктен составляет объединение некоторых частиц, например, утвердительных, какое мы наблюдаем в шилингольском говоре: на вопрос чі аргал хурāхѳр јавнл? *пойдешь ли собирать топливо?* следует ответ: би аргал јавнл штā (јавнл) *я пойду за топливом*. Или еще примеры: Саран хā бѳн? *где Саран?* — би медхѳр штā *я не знаю*; чі теджѳ хортѳ јлм? *когда ты едешь?* — би малѳтар ѳдем хортѳ штā *я поеду завтра вечером*. Однако это не означает, что частицы шѳ, дā не употребляются самостоятельно: чічл чѳ ѳсѳр бѳн дā? *ты все пьешь чай? — мѳн л, ѳсѳр бѳн дā *я продолжаю пить*; би багдāн јлх елā бѳсѳм дā *я в молодости вел праздную жизнь*; борб орѳол тер јаважхѳр шѳ *если пойдет дождь, он не поедет*.

Так же как в арухорчин-баринском говоре, в речи хешиктен сохраняется частица беддѳ: Гапалмā гертѳн бѳн беддѳ? *может, Гапалма дома?; чі мѳрѳн усалсан беддѳ? *ты, конечно, напоил коня?; та малѳтар јлрѳн беддѳ? *может, вы завтра зайдете?.

ШИЛИНГОЛЬСКИЙ ГОВОР

К шилингольскому говору относится речь жителей четырех хошунов²:

1) хошуна восточного объединения (хошун Уджумчин восточного и западного крыла³, хошун Хучит восточного крыла), 2) хошуна западного объединения

² В аймаке насчитывалось десять хошунов, разных по численности населения и по занимаемой им площади: 1) хошун Уджумчин восточного крыла, 2) хошун Уджумчин западного крыла, 3) хошун Хучит восточного крыла, 4) хошун Хучит западного крыла, 5) хошун Авганар восточного крыла, 6) хошун Авганар западного крыла, 7) хошун Авга восточного крыла, 8) хошун Авга западного крыла, 9) хошун Сунит восточного крыла и 10) хошун Сунит западного крыла.

В целях улучшения кочевого скотоводства (раньше кочевое население жило разбросано), для целесообразного и равномерного распределения разных по качеству пастбищных земель среди кочевого населения Шилингольского аймака из этих десяти хошунов были созданы крупные объединенные хошуны.

³ Мы не даем отдельной характеристики речи монголов-уджумчин, проживающих на территории Шилингольского аймака Внутренней Монголии. В 1962 и 1963 гг. были опубликованы работы известного венгерского ученого К. Кара, посвященные фонетике /10, с. 145—172/ и словарю уджумчин /11, с. 1—43/. Эти работы основаны на данных, собранных автором в 1958 г. среди уджумчин-выходцев из Шилингольского аймака Внутренней Монголии, которые в конце второй мировой войны переселились в Чойбалсановский и Сухэбаторский аймаки МНР.

(Авга восточного и западного крыла, Авганар восточного и западного крыла, Хучит западного крыла), 3) хошуна Сунит восточного крыла, 4) хошуна Сунит западного крыла.

Жители всех хошунов Шилингольского аймака занимаются кочевым скотоводством, этой ведущей отраслью хозяйства. Подсобным является добыча соли в многочисленных соляных озерах. Шилингольский аймак занимает восточную часть Гоби, на западе граничит с МНР. Здесь живут монголы-кочевники общей численностью 52 705 человек.

Для речи монголов Шилингольского аймака показательным является наибольшая близость к речи основного населения МНР (халха-монголов).

К носителям шилингольского говора близки по своей речи монголы-дарханы (прежнее название хошуна — хошун Правого халхаского крыла) и му-мянгана из Уланцабского аймака, в середине XVII в. перекочевавшие в пределы Китая из Тушету-хановского аймака Внешней (халха) Монголии.

Особенности фонетики⁴. Звуковой состав речи шилингольских и уланцабских (дархан, му-мянган) монголов одинаков, хотя последние отделены от шилингольцев населением, принадлежащим по речи к другому говору.

В шилингольском говоре отсутствуют гласные переднего ряда ε , $\bar{\varepsilon}$, \bar{o} , $\bar{ö}$, \bar{y} . (Так же как в чахарском говоре, в нем наблюдается палатализация согласных перед i : *qariyu* 'ответ', *tarlyan* 'пашня', *dokiya* 'сигнал' — шилингол *zarü*, *тар'а(н)*, *до'дө*.)

Древнему комплексу $v + y + i$ соответствуют дифтонги *ay*, *oé*, *uyé*, *yé*: *sayiqan* 'красивый', *baylsing* 'дом, строение', *noyir* 'сон, сновидение', *oylrata-* 'приближаться', *uyida-* 'вызывать скуку', *üyme-* 'суетиться', *güyidel* 'бег' — *сайзан*, *байшн*, *ноёр*, *оёрто-*, *үёда-*, *үёме-*, *гүёдел*.

В шилингольском говоре те же гласные, что и в чахарском говоре центрального диалекта. Однако состав согласных звуков несколько отличается как от чахарского, так и от остальных говоров и диалектов Внутренней Монголии. Наиболее характерным для шилингольского говора является наличие в нем двух свистящих аффрикат dz и $ç$, которых нет в других говорах и диалектах. При этом следует пояснить, что аффрикаты dz и $ç$ характерны для речи монголов сунит, авга, авганар (Шилингольский аймак), дархан и му-мянган (Уланцабский аймак), в то время как в речи монголов хучит (Шилингольских аймак), урат (Уланцабский аймак) они не зафиксированы.

Как уже известно, шипящая аффриката \int СПМЯ во всех остальных говорах и диалектах сохраняет свое исконное качество и отражается в виде dj (перед гласным i и перед другими гласными), тогда как в шилингольском говоре она в тех же позициях сохраняет свое качество шипящей аффрикаты или же отражается в виде свистящей аффрикаты dz :

⁴ Описание говора базируется на данных, записанных у монголов-сунитов, с привлечением материалов по авга, авганар, хучит, а также дархан и му-мянган (Уланцабский аймак).

	Харчин	Чахар	Шилингол
<i>Yyasun</i> 'рыба'	джагас(ан)	джагас(ан)	джагас(ан)
<i>Yaysa-</i> 'стоять'	джохсо-	джохсо-	джохсо-
<i>Jiriken</i> 'сердце'	джурх(ен)	джурх(ен)	дзурх(ен)
<i>JuYayen</i> 'толстый'	джуджан	джуджан	дзуджан
<i>Jägeten</i> 'мягкий'	джблон	джблон	джблон
<i>ejen</i> 'хозяин'	еджин	еджин	едзен
<i>JuYil-</i> 'жевать'	джеджла-	джеджла-	джеджла-

Об образовании халхаской аффрикаты *ʒ* Б.Я.Владимирцов писал: «Халх < монг.-письм. *ʃ* перед *l*, а халх. *ʒ* < монг.-письм. *ʃ* в других положениях... Встречается очень много исключений. Благодаря "перелому" гласных монг.-письм. *l* только в редких случаях удержалось на халхаской почве в первом слоге. Поэтому в случаях перелома гласных более древних *ʃl* > халх. *ʒ* *v*, а при переломе более нового происхождения *ʃl* > халх. *ʃ* + *v* ~ *ʃ* + *v*, напр.: *Jiruyayen* > *ʒ*урга 'шесть', *Jige* > *ʒ*э 'племянник, сын сестры', *Jibe* > *ʒ*ewé 'острые стрелы, стрела, острое оружие с двумя лезвиями', *Jiya* > *ʒ*э 'указывать, показывать', *Jiyasun* ~ *ʒ*агас 'рыба'. / *Jiruya* > *ʒ*орд 'ноходец'...» /2, с. 399/.

При обращении к данным шилингольского говора следует учитывать те слова, в которых «перелом» имел место в более раннее время.

Шипящая аффриката *ʃ* СПМЯ перед гласным *l* в говоре отражается в виде *ʃ*, тогда как в положении перед другими гласными она развилась в свистящую аффрикату *ʃ* или же сохранила исконный шипящий характер:

	Арухорчин-барин	Чахар	Шилингол
<i>Jilayun</i> 'камень'	шулү(н)	чулү(н)	чулү(н)
<i>Jina-</i> 'варить'	шэна-	чана-	чана-
<i>Jayasun</i> 'бумага'	шās(ан)	чās(ан)	чās(ан)
<i>Jeber</i> 'чистый'	чивер	чивер	чевер
<i>naγoɔl</i> 'дядя'	нагч	нагч	нагц
<i>Javidar</i> 'игренивый'	чэвдар	чавдар	чавдар
<i>Juytayen</i> 'сходка'	чулā	чулā	чулā

Шилингольский говор принадлежит к тем говорам, в которых сильные начальные согласные переходят (диссимилятивно) в слабые начальные.

Мы уже рассматривали выше, в каких случаях сильные начальные становятся слабыми начальными согласными. Здесь мы не будем это повторять, потому что данное явление в шилингольском говоре, в сущности, совершенно адекватно аналогичному явлению в чахарском говоре. Ограничимся тем, что приведем данные из шилингольского говора в сравнении с СПМЯ и хорчинским говором восточного диалекта.

Сильная начальная аффриката *ʃ* отражается в шилингольском говоре в виде слабой аффрикаты *дж*:

	Шилингол	Хорчин
šešen 'мудрый'	джичин	шшин
šiqiqa 'важный'	джухал	шухал
šakiliyan 'молния'	джаклан	шаклан
šusun 'снег'	джас(ан)	шас(ан)

В отличие от чахарского говора в исследуемом говоре заметны некоторая ограниченность употребления слабого начального *дж* вместо сильного начального *š* и переход последнего в аффрикату *ч*. Особенно это характерно для речи дархан и му-мянган:

	Сунит	Дархан
šusun 'кровь'	чус(ан)	чус(ан)
šidqu- 'вливать'	чуга-	чуга-
šaršaqai 'саранча'	джарчага	чарча
šusun 'снег'	джас(ан)	час(ан)

Сильный начальный смычный *г* отражается в данном говоре в виде слабого смычного *д*:

	Шилингол	Хорчин
* tatajur 'головное украшение'	датур	татур
toqu- 'оседлать'	дохо-	тохо-
tedkümt. 'пособие'	детемдж	тетемдж
tosa- 'встречать'	досо-	тосо-
tüsig 'опора'	дүши	түши

Сильный начальный спирант *q* отражается в говоре в виде слабого *г*:

	Шилингол	Хорчин
qabqa 'капкан'	гавга	хавга
qatarl- 'ехать рысью'	гатар-	хатар-
qašar 'щека'	гашар	хашар
qusuyur 'скребок'	гусур	хусур
qaslyu 'изгородь'	гаша	хаша

Сильный начальный *k* отражается в виде слабого *г*:

	Шилингол	Хорчин
kelki- 'нанизывать'	гелге-	хелге-
kituya 'нож'	гутай	хутай
keršl- 'разрезать'	герчи-	херши-
küsel 'желание'	гүсел	хүсел
küslge 'полог'	гөши	хөши

В центральном диалекте, следовательно, в шилингольском говоре в конце слова вместо переднеязычного согласного *к*, который в этом положении употребляется в говорах восточного диалекта, произносится заднеязычный *к*: ebügen 'старик', büdügün 'толстый' — шгол. өвгөң, бүдүң, хорч. өвгөн, бүдүн.

К естественным случаям соответствий согласных относится замена взрывного переднеязычного *d* спирантом *s*:

	Шилингол	Хорчин
<i>ebed-</i> 'болеть'	<i>өсө-</i>	<i>өвдө-</i>
<i>ödken</i> 'густой'	<i>өсгөн</i>	<i>өтгөн</i>
<i>qabuda-</i> 'отекает'	<i>завса-</i>	<i>завда-</i>

Переход согласного СПМЯ *γ* перед *t*, *č*, *s* (*ʃ*) в шилингольском в *z* не так обязателен, как в говорах восточного диалекта:

	Шилингол	Хорчин
<i>təytəyа</i> 'голубь'	<i>дайтā</i>	<i>тайтā</i>
<i>soytəyу</i> 'пьяный'	<i>соитū</i>	<i>соитū</i>
<i>bəyzi</i> 'учитель'	<i>баиш</i>	<i>баиш</i>
<i>uytu-</i> 'встречать'	<i>уйта-</i>	<i>уйта-</i>

Особенности морфологии. Образование имен существительных множественного числа в шилингольском говоре в основном такое же, как и в чахарском. Однако есть фонетическая особенность, отличающая шилингольский от других говоров: наряду с суффиксом *-чүд* распространен его вариант на *-цүд*. Это часто встречается в речи авга и авганар: *бајан* 'богатый' — *бај-чүд*, *бајцүд*; *дзалау* 'малодой' — *дзалау-чүд*, *дзалауцүд*; *ежегтэ* 'женщина' — *ежегтэчүд*, *ежегтэцүд*; в речи авганар нами записано: *батар* 'герой' — *батар-цүд*; *ех* 'мать' — *ехцүд*.

В шилингольском говоре заметна попытка разграничения в употреблении некоторых суффиксов множественного числа. Так, в речи сунит зафиксировано: *хүхен* 'девушка' — *хүхед* 'дети' (мальчики и девочки), *хүхцүд* 'девушки'; *саён* 'хороший' — *саёд* 'должностные лица', но *саёчүд* 'отличники'. Безусловно, в разговорной речи не существует строгой нормы в употреблении тех или иных суффиксов, ср., например: *гер* 'юрта' — *геррөд*, *гернүд*; *ядү* 'неумуший' — *ядүчүд*, *ядүцүд*, *ядүчүл* и т.д.

Склонение имен существительных не имеет существенных отличий. Имя в родительном падеже образуется так же, как и в чахарском говоре, т.е. присоединением к основе имени следующих суффиксов: а) *-ң* (*нозоё* 'собака' — *нозоёң*; *түлаё* 'заяц' — *түлаёң*); б) *-һи* (*өвөл* 'зима' — *өвөлһи*; *үл* 'гора' — *үлһи*); в) *-аё*: (*гот* 'город' — *готтоё*; *амтан* 'народ' — *амтнаё*).

Винительный падеж образуется суффиксами: *-и* [*адү(и)* 'табув' — *адүи*]; *хормоё* 'подол' — *хормоёи*]; *-һи* [*мод(он)* 'дерево' — *модһи*; *нас(ан)* 'возраст' — *наси*]. (Для совместного падежа зафиксирован суффикс *-таё*: *ус(ан)* 'вода' — *устаё*; *гот* 'город' — *готтоё*.)

Направительный падеж на *-рү* (*-лү*) встречается в речи сунит и авганар: *би одо худаг рү јаван* 'я сейчас пойду к колодцу' (сунит); *чи одо ендёсен худаг рүган јава* 'ты отсюда отправляйся к колодцу'; *мајатар өвөлдөһөн рүган очки* (авганар) 'завтра отправлюсь к зимнику'.

Лишь в речи монголов хошуна Авганар восточного крыла нами зафиксирован суффикс предельного падежа *-чā* (*-чā*): *мон өбөөгчө ус баёнā* '(в реке) во-

да только до колен (доходит)»; *өнөдөр шагабцай час орджэ* "сегодня выпал снег до шиколотки".

В числительных заметны лишь фонетические отличия, связанные с употреблением аффрикаты *дз* или другой огласовкой:

	Шилингол	Чахар
<i>Үгүүүан</i> "шесть"	<i>дзурйā(н)</i>	<i>джурйā(н)</i>
<i>Үсүүп</i> "сто"	<i>дзү(н)</i>	<i>джү(н)</i>
<i>Үйсүн</i> "девять"	<i>јөс(өн)</i>	<i>јис(ен)</i>

Местоимение 1-го и 2-го лица единственного числа склоняется по чарскому типу:

	1-е л.	2-е л.
Им.	<i>би</i>	<i>чи</i>
Род.	<i>мині</i>	<i>чині</i>
Дат.-местн.	<i>над, надад</i>	<i>чамд</i>
Вин.	<i>намабг</i>	<i>чамабг</i>
Исх.	<i>надās, намабгās</i>	<i>чамās</i>
Орудн.	<i>надār, намабгār</i>	<i>чамār</i>
Совм.	<i>надтаб, намабтаб</i>	<i>чамтаб</i>

Шилингольский говор отличается тем, что указательные местоимения *ене* "этот", *тер* "тот" (в роли личного местоимения 3-го лица единственного числа) имеют несколько вариантов основ косвенных падежей, которые не сохранились в говорах восточного диалекта.

Склонение местоимения *ене* "он", "этот":

	Шилингол	Хорчин
Им.	<i>ене</i>	<i>ене</i>
Род.	<i>енинi, үни</i>	<i>енинi</i>
Дат.-местн.	<i>енинд, енүнд, үнд</i>	<i>енинд</i>
Вин.	<i>ениг, енүнг, үнг</i>	<i>енинi</i>
Исх.	<i>енинēs, енүнēs, үнēs</i>	<i>енинēs</i>
Орудн.	<i>енинәр, енүнәр, үнәр</i>	<i>енинәр</i>
Совм.	<i>енинтә, енүнтә, үнтә</i>	<i>енинтә</i>

Склонение местоимения *тер* "он", "тот":

	Шилингол	Хорчин
Им.	<i>тер</i>	<i>тер</i>
Род.	<i>терни, терүни, түнi</i>	<i>тернi</i>
Дат.-местн.	<i>теренд, терүнд, түнд</i>	<i>теренд</i>
Вин.	<i>терниг, терүнг, түнг</i>	<i>терi</i>
Исх.	<i>тернēs, терүнēs, түнēs</i>	<i>тернēs</i>
Орудн.	<i>тернәр, терүнәр, түнәр</i>	<i>тернәр</i>
Совм.	<i>терентә, терүнтә, түнтә</i>	<i>тернтә</i>

В шилингольском говоре имеется несколько повелительно-желательных форм глагола, которые не представлены в других говорах и диалектах. К ним относятся:

1) повелительно-прислительная форма 2-го лица единственного и множественного числа на *-āč*: *čī odō хурдан јавāč* 'иди же сейчас быстренько'; *та тунтѣ ѱдзāč дā* 'вы встретитесь с ним'; *чī өглѣ ерт босбч* 'ты утром раньше вставай'; *чī тернѣ над өгбч дб* 'это ты отдай же мне'; *та туглāн авād трѣч дѣ* 'пригоните же своего теленка';

2) повелительно-наставительная форма 2-го лица единственного и множественного числа на *-āраб*: *морѣ чн ујан гехѣр чī намаѣи бтѣ ујулāраб* 'если нужно привязать твоего коня, ты мне не разрешай привязывать'; *та үнѣгѣн сātāраб* 'подоите свою корову'; *герт орбд дѣшѣн сүгāраб* 'входите в юрту, садитесь на почетное место'; *та хурūd, дос хїдж баѣгād чаѣ үгāраб* 'вы кладите в чашку хурут и масло, выпейте чаю';

3) форма опасения на *-үдзāѣ* со значением предостережения, как бы не совершилось какое-нибудь действие: *тер архїнд сотүдзāѣ* 'как бы он не опьянел'; *морбн алдүдзāѣ, саѣн бар* 'как бы он не выпустил коня, держи крепче!'; *тер терген дѣрѣс үнүдзāѣ, бүлā* 'как бы он не упал с телеги, спусти его'.

Как и в соседнем чахарском говоре, в шилингольском употребляется форма пожелания для всех лиц на *-āсаб*: *бї онц сурāсаб* 'учиться бы мне лучше'; *өкѣ аджлād бїд оролчбсоѣ* 'принять бы нам участие в этой работе'; *намаѣи Бѣджїнд јавүлāсаб* 'отправили бы меня в Пекин'; *өндөр борб орбсоѣ* 'быть бы сегодня дождю'; *бї тер дзамār јавāсаб да* 'пойти бы мне по той дороге'.

Образование и оформление остальных повелительно-желательных форм глаголов трех лиц совпадает с таковыми же других говоров: 1) повелительно-пригласительная 1-го лица единственного и множественного числа на *-јā* (*јавјā* 'пойду-ка, пойдемте-ка'); 2) повелительная 2-го лица — основа глагола (*гар, гарā* 'выйди, выйдите'); 3) повелительно-желательная 3-го лица единственного и множественного числа на *-г* (*үджег* 'пусть посмотрит, посмотрят').

Перед всеми повелительно-желательными формами факультативно может употребляться *-цагā* (показатель множественности субъектов действия): *бїд магātар ајанд цугār јавцагāјā* 'поедемте-ка завтра все вместе путешествовать'; *тер урдār јавбал јавдж баѣг, бїд сүлѣр мордцагāјā* 'если он желает поехать раньше нас, пусть едет, а мы отправимся позднее'.

Насколько можно судить по данным экспедиции, для шилингольского говора нехарактерна синтетическая форма на *-джѣн(ā)*, известная во всех говорах восточного диалекта, или на *-джїн*, спорадически встречающаяся в чахарском говоре: обе восходят к соединительному дееспричастию на *-дж* и глаголу бытия. В шилингольском встречается лишь аналитическая форма: *сүдж баѣн* '(он) живет'; *медедж баѣн* '(он) знает'; *јарлчадж баѣн* '(он) разговаривает'.

Из всех трех форм прошедшего времени реже всего в разговоре встречается форма на *-в*. Она используется преимущественно при вопросе: *өчлдор та Бātрїнд очлвү?* 'вы вчера ездили к Батару?'; *тер гертсѣн трвү?* 'он вернулся из дома?'

В наших записях сунитской речи сохранились замечания, связанные с употреблением формы прошедшего времени на *-в*. По сведениям информанта,

ене төлөв жаранд баёхгүй, энгел ах ирв, би жавав — гедж бид хелехгүй. Говеч асүх төлөв бодж болиб» («втой формы в разговорной речи нет. Поэтому мы не употребляем *ах ирв* 'брат пришел' или *би жавав* 'я пошел'. Однако она может сохраняться при вопросе»).

Следовательно, распространены две формы прошедшего времени — на *-лā* и *-джэ (-чэ)*: *минī дү жавад тав хонлō* 'прошло пять дней, как уехал мой младший брат'; *тер малāн тугāд жавлā* 'он погнал свой скот'; *хүхед туглāн хурā-хār гарлā* 'дети отправились, чтобы собрать телят'; *сумнхү хүхед сурчүлд жавджэ* 'дети [нашего] сомона отправились в школу'; *терчнү емегтөцүд дагāд гарчэ* 'она, оказывается, вышла вместе с женщинами'. При односложных ответах на вопросы иногда ставится суффикс *-дж (-ч)*: *Дамба ирджү үгүжүү?* — *ирдж* 'вернулся или не вернулся Дамба? — Вернулся'; *терчнү сурчү ес сурчү?* — *сурч* 'учился он или не учился? — [оң] Учился'.

В говоре причастие на *-ā* встречается в предложениях, содержащих вопрос: *чи бичежүү?* 'ты все пишешь?'; *тер одд ч жавājүү?* 'он до сих пор ходит?'. Однако, как и во всех говорах и диалектах, в шилингольском причастие на *-ā* используется редко.

Из остальных причастных форм наиболее распространенной является форма на *-саң*: *үлнās ирсең* — *минī дү* 'приехавший с гор — мой младший брат'; *чи хелснөрөн хелчх* 'ты скажи так, как и ранее говорил'; *тер нохойнōс аежнāрāн герт орсоң* 'так как он боялся собаки, он вошел в дом'.

В шилингольском типично употребление причастия прошедшего времени в качестве финитного сказуемого: *ах малāгāн горшнōс хулдаж авсаң* 'брат купил свою шапку в кооперативе'; *егч минī дергед сүсаң* 'сестра села рядом со мной'; *еге өчөгдөр хотōс ирсең* 'он вчера вернулся из города'. В речи монголов хошуна Авга западного крыла эта причастная форма предпочтительнее, чем простые формы прошедшего времени: *тер малāн тугāд жавсаң* (вместо *тер малāн тугāд жавлā, жавдж*) 'он погнал свой скот'. При этом интересно, что в суффиксе причастия прошедшего времени гласный удлиняется, тем самым подчеркивая сказуемостную функцию причастия. С подобным фактом мы встречались и у хучитов — монголов хошуна Хучит восточного крыла: *теден джл бур давсан ајанд жавсаң* 'они ежегодно совершали поездки за солью'.

Остановимся лишь на следующих формах деепричастий.

1. В речи сунит и авга зарегистрирован суффикс последовательного деепричастия на *-злār*: *та хотод очилār надад хелэ* 'когда поедете в город, скажите мне'; *чи гертсөөн гархлārāн үдөн ойсол* 'когда будешь выходить из дома, закрой дверь на замок'; *чи манай энд ирхлārēн егчтөгөн ир* 'когда приедешь к нам, приезжай вместе с сестрой'.

В речи авга форма на *-злār* нередко замещается формой условного деепричастия на *-вал*: *та тугалд жавхлār манайд орд гар* (та тугалд жавбал манайд орд гар) 'если пойдете за телятами, заходите к нам'.

В речи монголов авганар встречается и другой вариант суффикса последовательного деепричастия на *-хнār*: *та жавхнārāн манайг дүд* 'когда пойдете, позовите меня с собой'; *еджнү ирнēr манайд очийд* 'когда приедет мать, мы придем к вам'.

2. Деепричастие цели образуется посредством суффикса *-хār*: *хүхен ус авчирхār гарлā* 'девушка вышла, чтобы принести воды'; *тер будā идхәр жаглā*

‘он пошел, чтобы поесть’. В речи авганар бытует и усеченный вариант -*zā*: *аьлд жавхъ гарлā* ‘брат вышел, чтобы поехать в аил’. Зачастую деепричастие цели может замещаться причастием будущего времени и глаголом *гэ*: *өвгөн адүгән ерех гэд (ерхэр) гарлā* ‘старик вышел, чтобы искать свой табун’.

3. В речи авга зафиксирована параллельная форма уступительного деепричастия на -*jāč*, которая имеет широкое распространение в говорах восточного диалекта: *би жаваггүе бол та жавjāč болнө* ‘если мне не удастся, хотя бы вам пойти»; *би хелjāč тер согсоггүе* ‘хотя и говорю, он не слушает’; *өндөр жавjāč дүсгүе* ‘хотя сегодня и поедешь, все равно без пользы’.

4. В речи монголов сунит зарегистрирована сокращенная форма предвзрительного деепричастия на -*мч*: *Дашнмгн иремч би хон хагчлхэр жаван* ‘как только придет Дашнима, я пойду стричь овец’; *та теңд хуремч манай дүтө үлдэвү?* ‘как только вы добрались туда, не встретились ли с нашим младшим братом?’.

Напротив, в речи авга и авганар сохраняется полная форма суффикса на -*магц*: *теңд хурмегц би буцад л-ирмө* ‘как только доберусь туда, тут же вернусь’; *борд орд дүсмагц бид готод жавлā* ‘как только перестал лить дождь, мы отправились в город’; *биден нар гармагц өвсөн хадааж эгиллэ* ‘как только взойшло солнце, мы начали косить сено’.

5. Деепричастие причины на -*манджн* встречается в речи авга и авганар, тогда как у сунит оно не отмечено: *чи хелмөнджн би медлө, тгевгүе бол би мартджө* ‘оттого что ты сказал, я понял, иначе я бы забыл’; *чи санүлманджн тер хүсджө* ‘оттого что ты напомнил, он и заинтересовался’; *би гот ормөнджн терүнтө үлдэлā* ‘так как я поехал в город, встретился с ним’; *би жавманджн саён медсең* ‘так как поехал, я хорошо понял’. Как и в чахарском говоре, форма на -*манджн* может быть заменена причастием прошедшего времени в дательном-местном падеже с частицей возвратного притяжания: *би дулāтан туючас үсмөнджн (үсесеңдөн) дәрхан медсеңгүе* ‘я не мерз, так как был тогда одет’.

В речи хучит встречается усеченная форма деепричастия причины на -*мжн*: *Нансалма горшөнд ирмөн торго, дурд ж, мисчү худалдаж авчө* ‘так как Нансалма поехала в кооператив, она купила шалк, креп и чесучу’; *тер хорбнд ормөн тулгүд гевтедж байхгн үджлө* ‘так как она вошла в сарай, то увидела, как лежат телята’. Параллельно этой форме в речи хучит употребляется причастие прошедшего времени в исходном падеже (как в чахарском говоре): *тер гертөсөн гарман (гарснас) даас ачх терег жавдж байхгн үджлө* ‘так как он вышел из дома, он увидел, как шли подводы за солью’.

6. В шилингольском говоре имеется суффикс попутного деепричастия на -*чгүт*. В речи авга и авганар существуют как полные, так и усеченные формы данного деепричастия, т.е. на -*чгүт* и -*үт*: *би теңдөгүр жавачгүт ахнәр орбд гарjā* ‘когда буду ездить по тем местам, заеду и к старшему брату’; *чи ирүт теңүгтер орорө* ‘когда приедешь, загляни и к нему’. Монголы авганары вместо деепричастия с этим суффиксом используют причастие будущего времени в совместном падеже и слово *дзерет* ‘разом, одновременно’: *чи гадā нбданчгүт (нбдажтө дзерет) дүгөн харād жав* ‘когда ты будешь играть на улице, приглядывай и за своим младшим братом’; *герт орүчгүт (оротжө дзерет) арjā авбд ир* ‘когда будешь возвращаться в дом, захвати немного топлива’. Суф-

фикс *-чиган* встречается в речи монголов сунит: *бт чамааг үдзегчгү танга* 'как только увидел, я узнал тебя'.

Глагол *баа-* 'есть, имеется, находится' зафиксирован в форме *бт* лишь в шилингольском говоре: *та манаа энд бт, ярч жэ вэ?* 'побудьте у нас, что торопиться?'; *аёлн дараг манааг ирд бт* 'начальник айла находится у нас'; *хойт говинд темэ бт жү?* — *олон бт* 'имеются ли верблюды в Северной Гоби? — Много'; *манаа тугалуд үлн ард бт* 'наши телята находятся за горой'; *Содном гертэн бт* 'Содном находится дома'.

Глагол *а-* 'быть' представлен в говоре лишь одной формой *санджэ*, которая встречается после именной связки *јум*: *ар дүрең ае түмен адүтаа, өвөр дүрең үе түмен адүтаа, их булагтаа јум санджэ* (из сказки) 'у него бесчисленный табун, заполонивший пространство с севера до юга, у него множество родников'; *хојор настаа гүтэ јум санджэ* 'у него, оказывается, был двухлетний сын'.

Послелогои в шилингольском имеют лишь некоторые отличия фонетического характера:

дури 'в течение' управляет основой имени: *тер нег джил дури готод јавад баёсаң* 'он в течение года ездил в город'; однако примечательным является то, что в говоре он произносится иначе, а именно *тудж*, иногда и *туш*: *өдөр тудж морһн курһнас бүхгүе* 'в течение всего дня не слезает с лошади'; *сар туш бүчге үдждж баёлә* 'в течение месяца учился грамоте';

духаа 'о, относительно, насчет': *хурал дер јүнаа духаа јарлицсаң вэ?* 'о чем говорилось на собрании?'; *зорш баёгулаа духаа јардж өглө* 'рассказал о создании кооператива';

цаана 'на той стороне' управляет именем в родительном падеже: *дзамлн цана хон баён* 'за дорогой пасутся овцы'; *тер харагдаж баёга үлн цана бт* 'он находится на той стороне горы, что виднеется отсюда'.

Во всем остальном — ни по значению, ни по формам падежей, которыми они управляют, — послелогои в шилингольском говоре не отличаются от таковых чахарского говора.

Частицы в говоре в основном те же, что и в других диалектах и говорах языка монголов Внутренней Монголии, а именно:

1) вопросительные: а) *ү* (*саён намаршидж баёнү?* 'хорошо ли проводите осень?'; *чи одо јаваа гедж баёнү?* 'ты собираешься сейчас уезжать?'). В речи авганар зафиксировано: *сонин жү баёнү?* — *таг* (*јү ч баёхгүе*) 'что нового? — Совершенно ничего (ничего [нового] нет)'; *та гертэн сүвү?* — *јаг* (*гарсангүе*) 'вы были дома? — Точно (не выходил)'; б) *в*, *вэ* (*ал аёлн улс вэ?* 'вы из какого айла?'; *та јүнәс аёдаг вэ?* 'отчего вы испугались?'; *чи хентэ ирсең бэ* 'с кем ты приехал?');

2) отрицательные: а) *үл* (*үл медсең баёдалтай баён* 'делает вид, что ничего не знает'; *үл бүтөх јум јарад хереги үе* 'не дело говорить о том, что неосуществимо'; *асүдж баёхад үл медөх шү баён* 'когда его спрашиваешь, делает вид, будто не понимает'); б) *бү* (*магатар чи бү јавә* 'ты завтра не уезжай'; *гертэн үлде, Батрин адү бү харүлад бае* 'останься дома, не паси табун Батара'); в) *вүе* (*манай шиг аёлд им бер өдрөр дең барад олдохгүе шү* 'такой невестки в таком айле, как наш, и днем с огнем не найдешь');

3) утвердительные: а) *дā* [ен̄г̄ тугалч̄н х̄д авад̄ өг̄ д̄в̄] *это отдай мальчику — пастуху телят*; *ч̄и ене ш̄рдег̄ д̄ер с̄ү д̄ā* *ты садись на этой подстилке (из кошмы)*; *ч̄и н̄āшāн̄ г̄р̄еч̄ д̄ē* *ты приходи к нам*⁷; б) *ш̄ү* (терч̄н̄ морг̄одж, с̄өд̄одж г̄рен̄ ш̄ү) *он теперь придет с поклоном*; *ч̄и од̄д̄ г̄ерт̄ орон̄ ш̄ү* *ты сейчас войдешь в юрту*; *та м̄н̄ī д̄үг̄ үдж̄сөң ш̄ү* *вы видели моего младшего брата*⁸; в) *л* (тед̄ н̄āдам̄ јаваг̄ л̄ д̄ā) *пусть они идут на игры — надом*; *бор̄о ор̄од̄ л̄ баг̄н̄* *дождь продолжает идти*; *тер х̄г̄н̄ јавд̄ж л̄ баг̄н̄* *тот все продолжает идти*⁹;

4) запрета *б̄ч̄ī* (*б̄т̄ī*) *не*: *од̄д̄ м̄н̄ī хоёно̄с б̄ч̄ī оч̄* *ты теперь не ходи за мной*; *ене худ̄агна̄ē хоёв̄ д̄ер б̄т̄ī с̄үдж̄ ба̄д̄* *не садись на краю этого колодца*; *гарцаг̄ā, б̄т̄ī г̄ер дотор үд̄мелд̄ед̄ ба̄д̄* *выйдите, не толпитесь в комнате*; *б̄ч̄ī үл̄ медег̄ч̄ бол̄д̄ с̄үг̄д̄ ба̄ē* *не сиди, словно ничего не понимаешь*¹⁰;

5) усиительно-противопоставительная -ч̄: *мана̄ē дзург̄āн̄ хүрг̄ен̄ саг̄н̄ ч̄ улс̄үд̄, саг̄хан̄ ч̄ улс̄үд̄ г̄едж̄ē* *сказал: наши шестеро зятьев и хорошие и красивые люди*¹¹;

6) сомнения, предположения *б̄ид̄з*: *тер ад̄үг̄āн̄ хүр̄āг̄āд̄ г̄р̄ех̄ б̄ид̄з* *он, должно быть, пригонит сюда табун*; *терч̄н̄ ном̄он̄ чам̄д̄ өг̄сөң б̄ид̄з* *он книгу свою, наверное, тебе отдал*; *ч̄и маг̄āтар̄ мана̄ēд̄ јр̄н̄ү б̄ид̄з* *наверное, завтра зайдешь к нам*. В речи авганар частица *б̄ид̄з* иногда может быть заменена вопросительно-отрицательной формой: *б̄иден̄ јавах̄ б̄ид̄з?* (*б̄ид̄ јавн̄ү үг̄үд̄јү?*) *мы, может, поедем?* .

Наиболее употребительны междометия:

- 1) *ај-ја̄*: *ај-ја̄, м̄н̄ī толго̄б̄ өвд̄өд̄ баг̄н̄ā!* *ой, болит моя голова!*
- 2) *х̄ē*: *тер цецег̄ч̄т̄ јамар̄ саг̄хан̄ цецег̄ өē!* *ой, какой это красивый цветок!*
- 3) *хо̄ѳ̄*: *хо̄ѳ̄, ч̄и н̄āша харчих̄ д̄ā!* *ой, посмотри в эту сторону!*
- 4) *ад-д̄ā*: *ад-д̄ā, јм̄ уд̄āн̄ јавсам̄ б̄ē?* *ай, так долго шли?*
- 5) *х̄ā-јā*, *ен̄ч̄н̄ г̄х̄ хол̄ јм̄ д̄ā* *ох, это так далеко!*
- 6) *г̄г̄*: *г̄г̄, терч̄н̄ туг̄лāн̄ алд̄ч̄х̄д̄ж̄ē!* *ай, она выпустила теленка!*
- 7) *т̄г̄-т̄г̄*: *т̄г̄-т̄г̄, м̄н̄ī гар̄ д̄ārч̄гл̄ā!* *ой-ой, у меня замерзли руки!*
- 8) *јā*: *јā, та харсаңг̄ үē јү?* *ой, вы еще не уехали?*

На южном диалекте говорит население Иехе-Чжоуского⁵ аймака Внутренней Монголии. Это монголы племени ордос, проживающие в семи хошунах: Хангин, Далат, Джунгар, Джасак, Джунван, Оток и Ушин⁶. Аймак на севере граничит с Уланцабским аймаком, а на востоке — с землями Хухэ-Хотоских туметов. Всех ордосцев насчитывается более 64 000 человек.

Особенности фонетики. Состав гласных отличается от восточного, и от центрального диалектов: в ордосском есть смягченные ε , $\bar{\varepsilon}$, \bar{o} , \bar{o} , \bar{y} и дифтонги. Однако в экспедиционных материалах некоторые слова даны в двух вариантах, например: *aylmaγ* 'аймак', *oytra* 'близкий', *güyl-* 'бегать' — ордос *аймаг* (*Эмаг*), *оёро* (*ёро*), *гүё-* (*гү-*). Возможно, в результате более тесных контактов ордосцев северо-восточных хошунов с монголами соседних аймаков за последнее полувековье наметились некоторые отклонения в произносительной норме диалекта.

В некоторых словах СПМЯ *е* в первом слоге в ордосском соответствует *і* первого слога слова (после начальных аффрикат *ч* и *дж*): *čeber* 'чистый', *čeng-gir* 'светло-голубой', *čečen*, *sečen* 'мудрый', *čebөг* 'цветок' — южный *чбер*, *чнгер*, *джчн*, *джчк*.

Выделяет южный (ордосский) и то, что в немногих словах там, где в СПМЯ во втором слоге имеется гласный *и*, в нем и в первом слоге будет *у*, тогда как в остальных говорах и диалектах Внутренней Монголии в той же позиции сохраняется *о*:

⁵ Он часто именуется и Ордосским аймаком. Наименование Иехе-Чжоуский (< *Иехо-цзу* 'великая кумирня') этот аймак получил в силу того, что на его территории находится могила Чингисхана и при ней кумирня, для наблюдения за которыми и была закреплена издавна часть местного населения /4, с. 74/.

⁶ Ордосский диалект известен в литературе благодаря трудам А. Мостарта. Свои работы он строил на основе изучения речи ордосцев двух южных хошунов — Отога и Ушина. В экспедициях 1955 и 1956 гг. ордосский обследовался повсеместно, но в данном очерке мы опираемся на материалы северо-восточных хошунов Иехе-Чжоуского (Ордосского) аймака, собранные экспедиционной группой. Автор этих строк не имел возможности посетить места поселения ордосцев.

<i>tosun</i> *масло*	тос(он)	Южный дусу(н)
<i>modun</i> *дерево*	мод(он)	муду(н)
<i>odun</i> *звезда*	од(он)	уду(н)
<i>ordos</i> *ордос*	ордос	урдус
<i>omuruu</i> *ключица*	омрӯ	умрӯ
<i>ordu</i> *дворец*	орд(он)	урду(н)

Следует отметить, что из всех диалектов лишь в ордосском сохраняется наибольшее количество слов, где «перелом» гласного / не имеет места, например:

	Восточный (хорчян)	Южный
<i>ʃida</i> *копье, пика*	джэд	джида
<i>ʃiran</i> *шестьдесят*	джэр (ан)	джйран
<i>ʃiryal</i> *счастье*	джаргал	джйргал
<i>ʃingna-</i> *слушать*	шанла-	чнма-
<i>ʃinar</i> *качество*	шанар	чнар
<i>ʃina-</i> *варить*	шина-	чна-
<i>ʃirmayi-</i> *стараться*	шармә-	чрма-
<i>ʃilayun</i> *камень*	шулӯ(н)	члӯ(н)
<i>ʃidal</i> *сила, мощь*	шадал	чдал
<i>ʃiʃa</i> *клец (накожный)*	шалдж	шлджа
<i>ʃinaya</i> *разливательная ложка*	шснаг	шмага
<i>ʃitaya-</i> *сжигать*	ш ата-	штә-
<i>ʃibayun</i> *птица*	шувӯ(н)	штау(н)
<i>ʃilegü</i> *точный камень*	билӯ	билӯ
<i>ʃitegü</i> *канун Нового года*	бутӯ	бтӯ
<i>ʃiregün</i> *грубый*	штрӯн	штрӯн
<i>ʃiluya</i> *поводья*	джолө	джлө
<i>ʃiruya</i> *иноходь*	джорб	джрбө
<i>ʃimuyul</i> *комар*	шумӯл	шмӯл
<i>kiʃarlang</i> *четырёхгодовалый* (о животных)	кэджәлаң	киджәлаң
<i>kilbar</i> *легкий*	кэлбар	килбар
<i>kirayu</i> *иной*	кэрӯ	кйрӯ
<i>kitad</i> *китайский*	кэтад	йтәд
<i>kiʃyasun</i> *волос* (например, конский)	кэҗас(ан)	кйласу(н)

Одной из характерных черт южного (ордосского) диалекта является то, что в нем заметна слабо выраженная редукция гласных непервых слогов. При этом следует отметить сохранение гласного второго и конечного слогов.

1. В многосложных словах гласный второго слога артикулируется ясно, тогда как в остальных диалектах он ослабляется и полностью выпадает:

		Южный	Центральный
<i>γomuda-</i>	'обижаться'	<i>γумуда-</i>	<i>γомдо-</i>
<i>qabudar</i>	'опухоль'	<i>хавудур</i>	<i>хавдар</i>
<i>amuyulang</i>	'спокойствие'	<i>амугулау</i>	<i>амгалау</i>
<i>quluγuna</i>	'мышь'	<i>хулуγуна</i>	<i>хулиан</i>
<i>himusun</i>	'ноготь, коготь'	<i>хумусу(н)</i>	<i>хумс(ан)</i>

2. Наиболее слабо заметна редукция гласных в конце слова, что отличает ордосский от всех остальных диалектов, но сближает с СПМЯ:

	Южный	Центральный
<i>albatu</i>	<i>албату</i>	<i>албат</i>
<i>dabusun</i>	<i>давусу(н)</i>	<i>давс(ан)</i>
<i>nidün</i>	<i>нүдү(н)</i>	<i>нүд(ен)</i>
<i>sumu</i>	<i>суму</i>	<i>сум</i>
<i>časun</i>	<i>джасу(н)</i>	<i>джас(ан), час(ан)</i>
<i>nere</i>	<i>нере(н)</i>	<i>нер(ен)</i>
<i>ufa</i>	<i>ула</i>	<i>ул</i>
<i>boro</i>	<i>боро</i>	<i>бор</i>
<i>arasun</i>	<i>арусу(н)</i>	<i>арс(ан)</i>
<i>γiγusun</i>	<i>джигусу(н)</i>	<i>джигас(ан)</i>
<i>tegetme</i>	<i>тёрме</i>	<i>тёрем</i>
<i>usan</i>	<i>усу(н)</i>	<i>ус(ан)</i>

Так же как и в центральном диалекте, в южном (ордосском) на месте древних комплексов *V-γ-l* и *V-l* произносятся дифтонги *аё, оё, уё, үё*: *aylmaq* 'аймак', *γaylmaq* 'удивляться', *oylra* 'близкий, ближний', *γüyl-* 'бежать, бегать', *uylla-* 'плакать', *bslarqai* 'неясный, смутный' — южный *аёмаг, аёта, оёро, үё-, уёла-, балартаё, баларта.*

Тенденция к развитию некоторых дифтонгов в долгие монофтонги прослеживается и в южном (ордосском). Монофтонгизации чаще подвергаются дифтонги, которые находятся в непервых слогах. СПМЯ *ei* переходит в долгий гласный *ē*. В отличие от других диалектов суффикс совместного падежа *-tei* развился в ордосском в *-тё* или *-тī*: *keregtei* 'нужный, необходимый' — ордос *хереттё (хереттī)*. Южный (ордосский) принадлежит к тому диалекту, где в некоторых словах сохраняется древний *к*, причем не только в позиции после заднеязычного *η*, наблюдаемого изредка в остальных диалектах. Однако если судить по данным экспедиционных групп, то в речи монголов-ордосцев северо-восточных хошунов замечается параллельное употребление в одном и том же слове *к* и спиранта *χ*:

	Ордос	Чахар
<i>köboge</i>	<i>көөб, хөөб</i>	<i>хөөб</i>
<i>keyfd</i>	<i>кīд, хīд</i>	<i>хīд</i>
<i>kir</i>	<i>кīр, хīр</i>	<i>хīр</i>
<i>küfegü</i>	<i>күджү, хүджү</i>	<i>хүджү</i>
<i>kitrayu</i>	<i>кīрү, хīрү</i>	<i>хīрү</i>

Аффриката *ʃ* в южном (ордосском) диалекте как перед гласным *i*, так и перед остальными гласными сохраняет свое исконное качество шипящей аффрикаты. Мы уже отмечали, что лишь в шилингольском говоре центрального диалекта аффриката *ʃ* в положении перед другими гласными, кроме *i*, развилась в свистящую аффрикату *dz* (как, например, в халхаском диалекте):

	Ордос	Чахар	Шилингол
<i>ʃirükən</i> 'сердце'	<i>джүрөкө</i>	<i>джүрх(ен)</i>	<i>дзүрх(ен)</i>
<i>ʃisum</i> 'ломоть, кусок'	<i>джүсүм</i>	<i>джүсөм</i>	<i>дзүсөм</i>
<i>ʃobalang</i> 'мучение'	<i>джоволоң</i>	<i>джовлоң</i>	<i>дзовлоң</i>
<i>geʃige</i> 'коса(волосы)'	<i>геджиге</i>	<i>геджиг</i>	<i>гедзег</i>
<i>ʃuʃayara-</i> 'утолщаться'	<i>джуджара-</i>	<i>джуджара-</i>	<i>дзуджара-</i>
<i>ʃegerde</i> 'рыжий (о масти)'	<i>джерде</i>	<i>джерд</i>	<i>дзёрд</i>

Южный (ордосский) относится к тем диалектам, в которых конечный носовой *ŋ* чередуется с нулём. Однако он не развился в заднеязычный *ŋ*, как это нередко бывает в говорах центрального диалекта:

	Южный	Центральный
<i>quɾdɪŋ</i> 'быстрый'	<i>хурдун</i>	<i>хурдуң</i>
<i>ʃeʃen</i> 'мудрый'	<i>джичи</i>	<i>джичиң</i>
<i>eʃen</i> 'хозяин'	<i>еджи</i>	<i>еджиң, едзег</i>
<i>uləʃan</i> 'красный'	<i>улаң</i>	<i>улаң</i>

Весьма существенным расхождением между восточным диалектом, с одной стороны, и центральным и южным (ордосским) диалектами — с другой, является то, что сильные начальные согласные СПМЯ *ʃ*, *t*, *q* и *k* (в определенных условиях) диссимилятивно отражаются в ордосском соответственно в виде слабых согласных *дж*, *д* и *v*:

1) *ʃ* отражается в виде *дж*: *ʃiʃi-* 'колоть, пронизывать', *ʃaiʃi-* 'болтать, пустословить', *ʃbükire-* 'отчаиваться', *ʃasutu* 'снежный', *ʃuqura-* 'пятиться' — южный *джичи-*, *джалчи-*, *джохоро-*, *джасуту*, *джухура-*.

В остальных случаях ослабления сильного начального *ʃ* не наблюдается, аффриката *ʃ* неизменно сохраняет свой первоначальный шипящий характер: *ʃabider* 'игривый (о масти)', *ʃerig*, *ʃirig* 'воин', *ʃuyula-* 'собираться', *ʃamʃa* 'сорочка', *ʃoʃ* 'горячий уголь', *ʃayayən* 'белый' — ордос *чабидар*, *чирик*, *чурла-*, *чамча*, *чот*, *чачиң*.

2) *t* отражается в ордосском в виде *д*: *toti* 'попугай', *toʃtaʃul* 'решение', *tobdila-* 'застегивать (пуговицу)', *toqu-* 'седлать, оседлать', *taqa* 'подкова', *takir* 'кривой, изогнутый', *tasam* 'тесемка', *tasʃur* 'кнут, плетень', *tebzi* 'корыто' — ордос *дотл*, *дотбл*, *довчило-*, *дохо-*, *даха*, *дачир*, *дасма*, *дашур*, *дебши*.

Как и в центральном диалекте, в остальных случаях ослабления начального *t* не наблюдается;

3) *q* отражается в виде слабого *v*: *qatquʃur* 'шпилька, заколка', *qota* 'город', *qabtasu* 'папка для бумаг', *qubʃasu* 'одежда', *qurʃa* 'острый', 'наточен-

ный; *qusum* 'береза', *qasıγun* 'клюв' — ордос. *гашхур*, *гото*, *гавтасу(н)*, *губтасу(н)*, *гурча*, *гусу*, *гушуй(н)*); .

4) *к* соответствует в ордосском диалекте слабому согласному *й*: *kükür* 'сера', *kebe-* 'лежать', *kete* 'огниво', *kečegü* 'трудный', 'тяжелый', *kerđim* 'кусок', 'ломоть', *küsel* 'желание', *küstgele-* 'крошить' — ордос. *гүхур*, *гевте*, *гет*, *гечү*, *герчим*, *гүсел*, *гошгло-*.

Метатеза, как и в других диалектах, встречается редко и почти в одних и тех же словах. Однако южный (ордосский) сохраняет два слова, в которых произошла перестановка согласных, тогда как в подобных словах других диалектов ее нет:

	Ордос	Шилингол
<i>kögsin</i> 'старый'	<i>гөшгөн</i>	<i>гөшгнү</i>
<i>doγsin</i> 'жестокий'	<i>дошгн</i>	<i>дошгн</i>

Особенности морфологии. Имя существительное во множественном числе образуется посредством тех же суффиксов, что и в центральном диалекте.

Здесь ограничимся лишь примерами:

а) -с₂ (*хүмүн* 'человек' — *хүмүс*); б) -үд (*улус* 'люди' — *улсүд*); в) -нүд (*хөрө* 'ворон' — *хөрөнүд*); г) -д (*еджин* 'хозяин' — *еджд*); д) -чүд (*яду* 'немущий' — *ядүчүд*); е) *нар* (*ага* 'старший брат' — *ага нар*); ж) -тан (*суджуг* 'вера' — *суджугтан*).

Склонение имен существительных в южном (ордосском) диалекте характеризуется следующими особенностями.

1. В речи монголов северо-восточных хошунов не зарегистрирован суффикс дательного-местного падежа, оканчивающийся на гласный, т.е. «архаичский» *-ду*, *-дү*, который встречается в ордосских материалах А. Мостарта.

2. Совместный падеж имеет суффикс двух типов огласовки: а) на долгие гласные *-тэ*, *-тү* (*бичиг* 'письмо' — *бичигтэ*, *бичигтү*); б) на дифтонги *-таэ* (*жам* 'коза' — *жамтаэ*).

3. Соединительный падеж образуется при помощи суффикса *-лэ*: *чиг* 'время' — *чиглэ*.

4. Направительный падеж образуется двумя вариантами суффикса *-лү* и *-рү*. Основным является *-лү*, тогда как *-рү* ограничен в своем употреблении тем, что он ставится после основ имен, оканчивающихся на некоторые согласные: *джам* 'дорога' — *джамлү*; *гол* 'река' — *голлү*, *голрү*.

5. Зафиксированный в диалекте предельный падеж имеет суффикс *-чэ*: *тер голн усу хүджүчэ байна* 'вода в той реке доходит до шиш'; *манаэ тарэ өвдөгчэ үндүр* 'наш урожай высотой до колен'.

Южный (ордосский) диалект примечателен тем, что в нем зафиксировано десять падежей. Те падежи, которые в других диалектах имеют ограниченное распространение, в ордосском употребляются значительно шире. Исключением может служить предельный падеж, который образуется от основ немногих слов, по своей семантике допускающих подобное образование.

Как и во всех диалектах, частица возвратного притяжания в диалекте имеет на конце согласный *н*: *гертён харіја гедж јавдж баён* 'шагает, чтобы добраться до своего дома'; *пер герлугён харад сүджі* 'он сидел, уставившись на свою юрту'; *одб адуган услад ір* 'пойди сейчас и напои свой табун лошадей'; *джоволоцибн арлігя* 'освободись от своих мучений'; *үлдёрён нег джавчад шджі* 'убил, разрубив своим мечом'.

Частицами личного притяжания служат *мин*, *ми*, *н*. Ордосский различает формы для 2-го лица единственного и множественного числа. В этом случае в нем форма *чн* замещается более вежливой *тан*: *азатай хя сүдж баён?* 'где живет ваш брат?'; *егечтан манайд баёна* 'ваша сестра находится у нас'.

Числительное в южном (ордосском) отличается от числительных диалектов в основном фонетическими особенностями. Для сравнения приведем счет от одного до десяти:

	Ордос	Чахар
<i>nigen</i> 'один'	<i>ни е(н)</i>	<i>не(ен)</i>
<i>qoyar</i> 'два'	<i>хојор</i>	<i>хојор</i>
<i>yurba</i> 'три'	<i>гурва(н)</i>	<i>гурва, гурван</i>
<i>dörben</i> 'четыре'	<i>дөрвө(н)</i>	<i>дөрөв, дөрөвн</i>
<i>tabun</i> 'пять'	<i>таву(н)</i>	<i>тав(ан)</i>
<i>Yırguıyan</i> 'шесть'	<i>джурга(н)</i>	<i>джурга(н)</i>
<i>doluıyan</i> 'семь'	<i>долд(н)</i>	<i>долд(н)</i>
<i>nayıman</i> 'восемь'	<i>наём(ан)</i>	<i>наём(ан)</i>
<i>jısun</i> 'девять'	<i>јису(н), јису(н)</i>	<i>јис(ен)</i>
<i>arban</i> 'десять'	<i>арав, арван</i>	<i>арав, арван</i>

Образование остальных разрядов числительных — порядковых (суффикс *-дучар*), собирательных (суффикс *-үл*), разделительных (суффикс *-ад*) — совершенно идентично подобным образованиям в других диалектах.

Склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа:

	1-е л.	2-е л.
Им.	<i>би</i>	<i>чи</i>
Род.	<i>мині</i>	<i>чині</i>
Дат.-местн.	<i>надад, намаёд</i>	<i>чамад, намаёд</i>
Вин.	<i>надї, намаё</i>	<i>чамая, чамаяі</i>
Исх.	<i>надас, намаёгас</i>	<i>чамас, чамаягас</i>
Орудн.	<i>надар, чамаяр</i>	<i>чамар, чамаяр</i>
Совм.	<i>надаё, чамаяё</i>	<i>чамтаё, чамаятаё</i>
Соед.	<i>надла, чамаяла</i>	<i>чамла, чамаяла</i>
Напр.	<i>надлу, чамаялу</i>	<i>чамлу, чамаялу</i>

Хотя в речи ордосцев и встречаются формы косвенных падежей *чамар* 'мною', *чамас* 'от меня', *чамар* 'тобою', *чамас* 'от тебя', но они используются редко.

Парадигма местоимений *ене* и *тере* интересна тем, что они содержат разные основы косвенных падежей (*енүн-*, *үн-*, *терүн-*, *түн-*), эти основы извест-

ны лишь в центральном диалекте, в говорах восточного диалекта они не зафиксированы.

Склонение указательных местоимений:

Им.	<i>ене</i>	<i>тере</i>
Род.	<i>енүнѐ, үнѐ</i>	<i>терүнѐ, түнѐ</i>
Дат.-местн.	<i>енүнд, үнд, енед</i>	<i>терүнд, түнд, теред</i>
Вин.	<i>енүнт, үнт, ент</i>	<i>терүнт, түнт, терт</i>
Исх.	<i>енүнѐс, үнѐс, енѐс</i>	<i>терүнѐс, түнѐс, терѐс</i>
Орудн.	<i>енүнѐр, үнѐр, енѐр</i>	<i>терүнѐр, түнѐр, терѐр</i>
Совз.	<i>енүнтѐ, үнтѐ, ентѐ</i>	<i>терүнтѐ, түнтѐ, тертѐ</i>
Соед.	<i>енүмлѐ, үмлѐ, емлѐ</i>	<i>терүмлѐ, түмлѐ</i>
Напр.	<i>енүмлү</i>	<i>терүмлү</i>

Повелительно-желательные формы глаголов не отличаются разнообразием. Образование глаголов трех лиц обоих чисел осуществляется посредством тех же суффиксов, что и в других диалектах:

1) повелительно-пригласительная форма 1-го лица единственного и множественного числа на *-i, -iä*: *би хөл идеје* 'я поем'; *бид јавчагаја* 'пойдемте'; *би мѣган джид хан сүј* *једж бододжт* 'я мечтал: проживу-ка ханом тысячу лет';

2) повелительная форма 2-го лица — основа глагола, например: *ор* 'войди'; 'войдите'; *үпей*, 'пейте'; *укта* 'спи', 'спите'; *чэзі* 'бей', 'бейте'; *меде* 'знай', 'знайте';

3) повелительно-желательная форма 3-го лица единственного и множественного числа на: а) *-i*: *јавај* 'пусть идет, идут'; *үджеј* 'пусть видит, видят'; *сүј* 'пусть живет, живут'; б) *-тугај*: *джидмүнт ердені мет бадаран джирга-тугај* 'пусть процветает и распространяется, словно драгоценность Чиндамани'.

В экспедиционных материалах зарегистрирована повелительно-просительная форма 2-го лица на *-аџ*: *та нар одб јавач* 'теперь вы идите'; *чи говшијднд хүрџч* 'ты добирайся до кооператива'. Суффикс *-аџ* появился в южном (ордосском) под влиянием речи монголов соседних (Шилингольского и Улангабского) аймаков и не получил там широкого распространения.

В диалекте употребляется форма опасения на *-үджн*: *тер утүджн* 'как бы он не заснул'; *та согтүджн, бага ү* 'как бы вы не опьянели, пейте меньше'; *хүхед серүджн, та бичге јарлча* 'как бы ребенок не проснулся, не разговаривайте'. По сохранению конечного согласного и южный (ордосский) сближается с калмыцким языком, в котором в устной речи часто можно услышать параллельные формы: *тер ирузз (ирузэн)* 'как бы он не пришел'.

Изъявительная форма настоящего-будущего времени имеет суффикс *-на (-н)*. Для глаголов со значением настоящего времени предпочтительна аналитическая форма с соединительным деепричастием и глаголом-связкой *бай-* 'быть'.

В диалекте существуют все три изъявительные формы прошедшего времени: 1) *-в (-ва)*. Форма прошедшего времени с этим суффиксом распространена шире, чем в говорах других диалектов. В речи ордосцев северо-восточной

части аймака чаще можно услышать: *тер жаваа* 'он ушел'; *Бата грөө* 'Бата пришел'; *герт орд сүвэ* 'он вошел в дом и сел', т.е. эта форма не осложняется частицами (особенно вопросительными), как это наблюдается в других диалектах; 2) *-лэ*. Этот суффикс часто встречается в диалекте: *тернэс гурван сар болло* 'с тех пор прошло три месяца'; *би еннэ учир медлэ* 'я понял причину этого'; *тер гертэн харла* 'он уехал домой'; 3) *-дж* (*-дж*), *-ч* (*-ч*). Форма прошедшего времени с такой огласовкой типична лишь для южного (ордосского) диалекта, в остальных данный суффикс не получает в исходе узкий гласный: *тер гертэс гарч* 'он вышел из дома'; *манаё багши аёл орхор жавдж* 'наш учитель собрался ехать в аил'; *тер надад бичи бичидж* 'он написал мне письмо'; *би терүнэс асудж* 'я у него спросил'; *борён ордж* 'пошел дождь'.

Причастие будущего времени образуется суффиксом *-ху*: *түн гаважу сүху хуртер мантаё адл* 'он ходит и сидит, точно как мы'; *та үндүр гушүнд өч/хү жү?* 'сегодня вы едете в хошун?'.

Среди обстоятельственных деепричастий следует отметить следующие:

1) предварительное деепричастие на *-магча*: *чи гертэн хармагча надад бичи мнэ* 'как только вернешься домой, напиши мне письмо'; *тер малэн хэмөгчө худайлү гараа* 'как только отогнал скот, он направился к колодезю'; *би жавамагча чи гарэ* 'как только я уйду, ты выходи';

2) деепричастие предела на *-тар* (*-тал*): *би жастар (жастал) чи хүлэдж баё* 'ты жди, пока я поеду'; *чи ортор (ортол) би үдмедж баё* 'я посмотрю, пока ты не войдешь в дом';

3) в речи ордосцев северо-восточных районов зафиксировано уступительное деепричастие на *-вач*, передающее действие, вопреки которому может осуществиться другое действие: *чамаё асүвач терчи хележхүё* 'хотя ты и спросишь, он ничего не скажет'; *би борён орвооч есе орвооч готод жаван* 'пойдет дождь или не пойдет, я съезжу в город'.

4) в южном (ордосском) употребительна вторая, параллельная форме *-вал*, *-бал* (известной всем говорам и диалектам Внутренней Монголии) форма условного деепричастия на *-хулэ*: *джасу арви орохулэ манаё тарянд саён болно* 'если выпадет много снега, это на пользу нашим посевам'; *чи есе грехулэ би өчхжүё* 'если ты не придешь, я не пойду'. Она используется так же широко, как и форма *-вал*.

Послелого в основном те же, что и во всех диалектах, если не считать отклонений фонетического характера. Остановимся лишь на следующих:

чмэн (иногда встречается и как *чидэн*) управляет родительным падежом: *үхертн (үхертн) чидэн хада* 'камень величиною с быка'; *гертн чмэн үндүр муду* 'дерево высотой с дом';

душ, *туш* с основой имени (во временном значении): *хогор үдүр туш* 'в течение двух дней'; *тер сөнө душ аджлджт* 'он работал всю ночь'; однако встречается и полная форма этого послелого — *дури*: *долён хоног дури* 'течение семи суток';

хүртел, *гүртел* (*хуртер*, *гуртер*) с основой и родительным падежом: *тер хү аёл гүртел гүёлэ* 'тот мальчик бежал до селения'; *манаё агянд гуртер сөнө болов* 'пока мы добрались до дома нашего старшего брата, наступила ночь';

шн, шнтї, шў с основой: *төмөр шн/г гтў* 'тверда, словно железо'; *джет-гөр шнтї гүн* 'человек, словно черт'; *нохот шў хурдун* 'быстрый, словно собака (гончая)';

хьргонд управляет родительным падежом со значением 'между', 'в момент': *усу авазтн хьргонд тер жавав* 'он уехал в момент, пока я ходила за водой'; *зон харўлтн хьргонд мнт дў ирѐд жавдж ечи* 'пока я пас овец, приезжал мой младший брат и тут же уехал'. Этот последок встречается в речи ордосцев северной части, тогда как на юге сохраняется известный во всех остальных диалектах *хьронд*: *тер хожортн хьронд бичиге сў* 'не усаживайся между ними';

джичў управляет соединительным падежом или основой имени: *тер чам-ла джичў насутаѐ* 'он тебе ровесник'; *кўртн усу урусад ирмелѐ джичў болон гедж баѐн* 'при стремительном течении вода озера может заполнить берега (букв. быть на уровне берегов)';

В южном (ордосском) диалекте употребляются разнообразные частицы, в основном уже известные по говорам других диалектов. Однако иной фонетический состав некоторых из частиц и существование других, неупотребительных в ареале распространения близлежащих говоров придают речи ордосцев северо-восточной части аймака своеобразную окраску.

1. Вопросительная частица *ї* присоединяется главным образом к форме настоящего-будущего времени: *та ендѐс хеджѐ жавнї?* 'когда вы отсюда поедете?'; *чи терўнї үдженї?* 'ты его видишь?'. Вопросительные *бї (вї)* ставятся отдельно, после именных и причастных форм: *ирегѐ баѐгад жагад ирлѐ гедж телдег бї?* 'как это можно говорить, что приехал, когда он еще не приехал?'; *та хѐ сўдж баѐсан вї?* 'где вы жили?'; *тер жавдж баѐху хем бї?* 'кто тот, который идет?';

В употреблении частиц *ї, бї (вї)* ордосский сближается с говорами восточного диалекта, где распространены эти частицы, тогда как в соседних с ордосским говорах центрального диалекта — чахарском и шилингольском — они неупотребительны.

2. Частица запрета *бичиге* ставится перед повелительно-желательными формами: *чи намаѐг бичиге джодо* 'ты не бей меня'; *үндүр та готод бичиге жавѐ* 'сегодня вы не ездите в город'; *чи үдүр душ гадѐ бичиге нѐда* 'ты не играй целый день на улице'. В говорах центрального диалекта она употребляется в виде *бичї (бнтї)*. Ордосская частица *бичиге* совпадает с калмыцкой *бичкѐ*: *та туглан худг тал бичкѐ йовултн* 'вы не пускайте своего теленка к колодезю'; *чи нѐжѐ эс үзсн болад бичкѐ бѐ* 'ты не делай вида, что не замечаешь меня';

3. Уступительная частица *ч* распространена и в ордосском: *үндүр ч, мар-гѐт ч чамѐг жавўлажкўѐ* 'ни сегодня, ни завтра тебе не разрешат поехать'. В речи ордосцев северо-восточной части заметна одна особенность: иногда вместо частицы *ч* они используют *жѐ*, подобное замещение не меняет значения: *саѐн ч, мў ч таматүѐ (саѐн жѐ, мў жѐ таматүѐ)* 'безразлично — плохой или хороший'; *багшїн герт жў ч баѐн (багшїн герт жў жѐ баѐн)* 'в доме учителя всего полно';

4. Частица сомнения *биджэ* замыкает все предложение: *тер одб унтасан биджэ* 'он, наверное, теперь заснул'; *танаё ёджтан јавсан биджэ* 'ваша мать, вероятно, уже уехала'. Параллельно с ней встречается и другая частица, которая употребляется с тем же значением. Это частица *бӓ*: *ене үдур борбн орохкүё бӓ?* 'наверное, сегодня будет дождь?'; *тер готбс јрсен бӓ?* 'может быть, он вернулся из города?'. Она употребляется также в харчин-туметском говоре восточного диалекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многовековая изолированная жизнь внутренних монголов в пределах Китая, несомненно, сказалась на развитии их говоров и диалектов. Для них, хотя они и обнаруживают черты общности со всеми остальными монгольскими языками, характерны свои сугубо специфические признаки, существенным образом дифференцирующие их друг от друга.

Восточный диалект, занимая северо-восточную часть территории Внутренней Монголии, гранича на западе с центральным диалектом, по своим фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям значительно обособлен от двух остальных диалектов. Восточный диалект, наиболее пестрый и сложный по числу и составу племен — носителей различных подговоров и говоров, как бы лоскутками разбросанных по всей его территории, устойчиво сохраняет ряд характерных признаков, придающих ему своеобразный облик. Однако, несмотря на существование исконных черт и возникновение ряда новообразований, усиливающих дифференциацию восточного диалекта, все же носители данного и других диалектов общаются друг с другом, хотя испытывают при этом известные затруднения.

Центральный диалект, будучи во многом противопоставленным восточному диалекту, в большей мере сближается с южным (ордосским) диалектом, а также с территориально граничащим с ним халхаским диалектом МНР.

Южный (ордосский) диалект стоит несколько особняком. Слабая редукция гласных непервых слогов в слове резко отличает его как от восточного и центрального, так и от халхаского, но в то же время сближает с СПИЯ. По другим аспектам он ближе к чахарскому говору центрального диалекта, чем к говорам восточного диалекта.

Основываясь на данных, полученных в ходе широкого экспедиционного обследования, мы описали все типичные черты фонетики и морфологии восточного, центрального и южного (ордосского) диалектов с учетом основных особенностей их говоров и подговоров.

Из фонетических явлений, наиболее четко характеризующих восточный, центральный и южный диалекты, следует отметить такие черты.

1. Наличие в восточном диалекте долгих гласных, образованных в результате постепенного исчезновения интервокального согласного из древних комплексов $v + c + v$ и последующего слияния оставшихся двух гласных в один долгий. В центральном и южном диалектах эти долготные комплексы

приводят к развитию в них разных звуков — соответственно долгих гласных и дифтонгов.

2. Замещение гласного *ө* гласным среднего ряда *ү* в анлауте в восточном диалекте.

3. Развитие узкого гласного заднего ряда *у* в широкий огубленный гласный *о* в некоторых говорах восточного диалекта, чего нет в центральном и южном диалектах.

4. Развитие аффрикат *č* и *č̣*, обусловленное их позицией по отношению к гласному *і*. Изменение и неодинаковое отражение их в говорах и диалектах Внутренней Монголии, несомненно, повлияло на фонетический строй этих говоров и диалектов.

В восточном диалекте развитие аффрикаты *č* шло в двух направлениях: а) в хорчинском говоре и джалайт-дурбетском подговоре шипящая аффриката *č* как перед гласным *і*, так и перед остальными гласными развивается в спирант *ш*, т.е. в них произошла дезаффрикация; б) в харчин-гуметском и ару-хорчин-баринском говорах (а также в подговорах оннют-найман и их-мянган) аффриката СПМЯ *č* отражается в виде аффрикаты *ч* и сохраняет свой исконный шипящий характер.

В центральном диалекте мы находим следующее: а) в чахарском говоре аффриката *č* в положении перед гласным *і* и перед прочими гласными сохраняет свое прежнее качество шипящей аффрикаты *ч̣*; б) в шилингольском говоре (исключая речь урат и хучит) аффриката *č* перед гласным *і* сохраняет шипящий характер, в то время как в положении перед остальными гласными она развивается в свистящую аффрикату *ч*.

В южном (ордосском) диалекте аффриката *č* как перед гласным *і*, так и перед остальными гласными удерживает свое исконное качество, отражаясь в виде аффрикаты *ч*.

В восточном и южном диалектах, а также в чахарском говоре центрального диалекта шипящая аффриката *č̣* остается в своем первоначальном качестве как перед гласным *і*, так и перед остальными гласными, отражаясь в виде шипящей же аффрикаты *д̣ж*; однако шилингольский говор (исключая речь урат) центрального диалекта стоит несколько особняком: в нем аффриката *č̣* в положении как перед гласным *і*, так и перед остальными гласными в одних словах сохраняет свой исконный шипящий характер и отражается в виде *д̣ж*, тогда как в других словах развивается в свистящую аффрикату *дз*. Таким образом, дальнейшее развитие древних шипящих аффрикат *č̣* и *č̣̣* привело к образованию новых фонем — свистящих аффрикат *ч* и *дз* в шилингольском говоре центрального диалекта, наиболее близкого к халхаскому диалекту монголов МНР.

5. Существенны отличия, связанные с явлением регрессивной диссимиляции — ослаблением сильных начальных согласных и переходом их в слабые. Регулярность явления регрессивной диссимиляции типична для центрального и южного диалектов, а также для оннют-найманского подговора восточного диалекта.

6. Слабо выраженная редукция гласных непервых слогов в слове характерна для южного (ордосского) диалекта. В этом отношении он сближается с языком письменных памятников.

Помимо этих фонетических явлений следует указать и на другие черты, свойственные отдельным говорам и подговорам и являющиеся их дополнитель-

ной характеристикой (ср., например, употребление на месте спиранта *с* в других говорах взрывного согласного *ж* в речи джалайтов и дурбетов).

Морфологической строй в целом сохраняет наиболее общие свойства, undersøванные от более древнего состояния. Основные грамматические категории совпадают с теми, которые зафиксированы в дошедших до нас памятниках и существуют в современных монгольских языках и диалектах. Различия и изменения, наблюдаемые в настоящее время в диалектах Внутренней Монголии, касаются в основном более частных категорий и выступают как результат их последующего самобытного развития.

Примерами расхождений в системе падежей могут служить: 1) направительный падеж с суффиксом *-джү* (в джалайт-дурбетском подговоре хорчинского говора и в арухорчин-баринском говоре восточного диалекта) и суффиксом *-рү* (в шилингольском говоре центрального диалекта, а также в ордосском диалекте); 2) соединительный падеж на *-хэ* в харчин-туметском и арухорчин-баринском говорах восточного диалекта, а также в южном (ордосском) диалекте. В центральном диалекте он не зафиксирован.

В области собственно глагольных форм наиболее существенными являются следующие расхождения: 1) повелительно-наставительная форма на *-араё* в шилингольском говоре центрального диалекта, сближающая этот говор с халхаским диалектом; в остальных говорах и диалектах Внутренней Монголии она не встречается; 2) желательная форма на *-асаё* имеет ограниченное распространение. Она известна лишь в центральном диалекте. Параллельно с ней в восточном диалекте (в речи барин и оннют) возникла новая форма — на *-асла*; 3) изъявительная форма настоящего времени на *-джинэ*, которая представляет новообразование в говорах восточного диалекта.

Однако самые заметные изменения произошли в системе деепричастных форм. В этом отношении особенно выделяется восточный диалект, так как только в нем параллельно с известными наблюдается образование новых форм деепричастий. К ним мы относим: а) предварительное деепричастие с суффиксом *-нарэн*. Несмотря на то что существует параллельная ей форма предварительного деепричастия на *-магч* (*-магш*), форма на *-нарэн* употребляется чаще и более распространена; б) деепричастие цели на *-хул* (наряду с *-хэ*, *-хэр*) является достоянием лишь восточного диалекта, в других оно не встречается.

Употребляются еще две формы деепричастий, а именно: а) уступительное на *-яч* (*-яш* в хорчинском говоре), которое в отличие от двух первых зафиксировано на более широкой территории и встречается в восточном диалекте, а также в чахарском, частично и в шилингольском говорах центрального диалекта, тогда как в южном диалекте его нет; б) деепричастие причины на *-мэнджин* (*-мэн*). Напротив, это деепричастие используется чаще в центральном диалекте, чем в восточном. В последнем форма на *-мэнджин* зафиксирована в харчин-туметском говоре и в речи барин. Сугубо ограниченный ареал распространения имеют деепричастия — условное на *-хулэ* (только в ордосском диалекте) и попутное деепричастие на *-үгүт* (лишь в центральном диалекте).

Суммируя основные фонетические и морфологические явления, можно указать, что многие из них строго локализованы, не распространяются на другие территории и тем самым не выступают в функции различительных признаков

для какого-то другого говора или диалекта. Ср. такие контрастные явления, как наличие дифтонгов, ослабление сильных начальных согласных, существование четырех аффрикат (*ч, ц, дж, дз*) в центральном диалекте. Или же наличие только долгих гласных, аффрикат *ч, дж*, замещение *ө* гласным *у* или аффрикаты *ч* спирантом *ш* (в хорчинском говоре), отсутствие спиранта *с* (в джалайт-дурбетском подговоре) и т.д. в восточном диалекте.

В языковом отношении Внутренняя Монголия разделена как бы на две части. С одной стороны, это носители восточного диалекта, которые живут на сравнительно небольшой территории, отличаясь экономическим укладом (оседлость и занятие земледелием) и культурой. Преобладая количественно, они тесно контактируют с иноязычной средой; с другой — носители центрального диалекта, расселенные на обширном пространстве, малочисленные, отличающиеся от монголов восточной части типом хозяйственной деятельности (кочевое скотоводство) и в силу сложившихся условий культурным уровнем. К последним примыкают и носители южного диалекта, исторически имевшие тесные контакты с иноязычным окружением. Но при этом нельзя забывать и о взаимосвязях внутренних монголов, особенно носителей центрального диалекта, с монголами МНР.

Диалекты Внутренней Монголии и халхаский диалект (МНР) — это диалекты одного языка, монгольского, носители которого в силу разных обстоятельств и причин оказались надолго разобщенными, живя на территориях разных государств — КНР и МНР. Однако относительно раздельное существование диалектов Внутренней Монголии в течение нескольких веков способствовало их самостоятельному и весьма своеобразному развитию, консервации в них некоторых диалектных различий.

СОКРАЩЕНИЯ

арухорч.	арухорчин, арухорчинский	оруди. падеж	орудный падеж
арухорч.-барин.	арухорчин-баринский говор	род. падеж	родительный падеж
бур.	бурятский язык	совм. падеж	совместный падеж
вин. падеж	винительный падеж	совр. монг.	современный (халха) монгольский язык
вост.	восточный диалект	СПМЯ	старописьменный монгольский язык
даг.	дагурский язык	ср.	сравни
дат.-местн.падеж	дательно-местный падеж	тиб.	тибетский язык
джал.	джалайтский	тум.	тумет, туметский
джал.-дурб.	джалайт-дурбетский подговор	харч.	харчин, харчинский
дурб.	дурбетский	харч.-тум.	харчин-туметский
им. падеж	именительный падеж	хорч.	хорчин, хорчинский говор
исх. падеж	исходный падеж	центр.	центральный диалект
калм.	калмыцкий язык	чах.	чахар, чахарский говор
кит.	китайский язык	шгол.	шилингол, шилингольский говор
орд.	ордос, ордосский диалект		

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровников А. Монгольско-калмыцкая грамматика. Казань, 1849.
2. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
3. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
4. Материалы по Маньчжурии и Монголии. Выпуск одиннадцатый. Словарь монгольских терминов. А—Н. Составил Заамурского округа ротмистр Баранов. Харбин, 1907.
5. Москалев А.А. Политика КНР в национально-языковом вопросе. М., 1981.
6. Рамстедт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.
7. Руднев А.Д. Материалы по говорам восточной Монголии. СПб., 1911.
8. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. I. М., 1953.
9. Тодаева Б.Х. Чингэлтэй, Насанбаяр, Содном. Предварительные итоги работы монгольской лингвистической экспедиции в КНР. Пекин, 1955.
10. Kará G. . Sur la dialecte Üjümüčín. — «Acta Orientalia Hungarica», T. XIV, Fasc. 2, Budapest, 1962.
11. Kara I. Un glossaire Üjümüčín. — «Acta Orientalia Hungarica», T. XVI, Fasc. 1, Budapest, 1963.
12. Mostaert A. Le Dialecte des Mongols Urdus. — «Anthropos», T. XXII, 1927.
13. Mostaert A. Textes oraux ordos. — «Monumenta serica, Monograph series», 1937, № 1.
14. Mostaert A. Dictionnaire Ordos. Seconde edition. Johnson Reprint Corporation, New York—London, 1968.
15. Poppe N.N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
16. Cenggeltei. Dumdadu ulus-taki mongyol torul-in kele-nügüd ba mongyol kelen-u ayul-u-nuyud-un yeronkei bayidal. — Mongyol kele bičig, 1957, № 11; Mongyol telüke kele bičig. Хүхэ-хото, 1958, № 2, 3, 6, 7, 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Восточный диалект	14
Хорчинский говор	14
Фонетика	14
Морфология	26
Джасагтуский подговор	58
Джалайт-дурбетский подговор	63
Харчин-туметский говор	68
Арухорчин-баринский говор	77
Онют-найманский подговор	84
Их-мянганский подговор	87
Центральный диалект	92
Чахарский говор	92
Хешиктенский подговор	103
Шилингдильский говор	106
Южный (ордосский) диалект	116
Заключение	127
Сокращения	131
Литература	132

Булия Хойчиевна Тодаева

ЯЗЫК МОНГОЛОВ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

Очерк диалектов

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Г.А. Давыдова*
Младший редактор *Д.Ш. Хесина*
Художник *А.Г. Кобрин*
Художественный редактор *В.Л. Резникова*
Технический редактор *Л.Н. Курьмина*
Корректор *Т.А. Алаева*

ИБ № 15256

Сдано в набор 29.10.84

Подписано к печати 14.06.85

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная

Усл. п.л. 8,5. Усл. кр.-отт. 8,75. Уч.-изд.л. 9,13

Тираж 900 экз. Изд. №4968. Зак. № 216. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии № 3
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

Выйдет книга:

Монгольский лингвистический сборник
11 л. 1 р. 80 к.

Сборник исследований советских и монгольских авторов, посвященных актуальным проблемам монгольского языкознания — современным монгольским языкам, их истории и родственным связям монгольского языка. В сборник вошли статьи таких известных монголистов, как Г.Д. Санжеев, А. Лувсандяндэ, В.И. Рассадин. Авторы исследуют вопросы фонологии, грамматики, лексической семантики, а также проблемы русско-бурятского, русско-калмыцкого и русско-монгольского двуязычия.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и "Академкниги", а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 ("Книга — почтой") "Академкниги".